

Н.В.КОРОВИЦЫНА

АТОННЯ
СОЦМОДЕРНИЗАЦИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Н. В. КОРОВИЦЫНА

АГОНИЯ СОЦМОДЕРНИЗАЦИИ

Судьба двух поколений
двух европейских наций

МОСКВА "НАУКА" 1993

Ответственный редактор
доктор исторических наук Г.П. Мурашко

Рецензенты:

доктор исторических наук В.В. Марьина
кандидат исторических наук Е.В. Белозерова

Коровицына Н.В.

К 66 Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций. М.: Наука, 1993. 176 с.

ISBN 5-02-008691-6

Попытки коммунистического руководства Чехословакии в 1948—1989 гг. преобразовать общество на основе марксистского "идеала" и советского опыта отбросили далеко назад чешскую и словацкую нации в их социальном, демографическом и нравственном развитии. Эта проблема исследована автором на основе широкого круга источников.

Для историков, социологов.

К 0503030000-159 54—93, I полугодие

ББК 63.3(4)

Научное издание

**Коровицына Наталья Васильевна
АГОНИЯ СОЦМОДЕРНИЗАЦИИ.
СУДЬБА ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ ДВУХ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЙ**

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканстики
Российской академии наук

Руководитель фирмы "Наука—История" И.Н. Кузнецов

Редактор издательства А.В. Болдов

Художник О.О. Миллер

Художественный редактор И.Д. Богачев

Технический редактор Г.П. Каренина

Корректор Т.И. Шеповалова

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

Подписано к печати 08.12.92. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 11,0. Усл.кр.-отт. 11,3. Уч.-изд.л. 13,7. Тираж 800 экз. Тип.зак. 45

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008691-6

© Н.В. Коровицына, 1993

© Российская академия наук, 1993

ВВЕДЕНИЕ

Ушедшие в прошлое иллюзии об успехах "социалистического строительства" уступили место объективному анализу происшедшего. Жизнь все острее выдвигает необходимость изучения реальной сущности гигантского общественного эксперимента этого столетия. После второй мировой войны территориальные границы этого эксперимента значительно расширились, распространившись на страны Восточноевропейского региона. Участниками его стали нации, в большинстве своем относившиеся к аграрной или аграрно-индустриальной периферии Европы. Незавершенность перехода к обществу современного типа во второй половине XX в. ставила их перед необходимостью ускоренной модернизации. Ее "социалистический" вариант в течение четырех десятилетий предопределял судьбы десятков миллионов жителей стран региона.

Соединение идеи социализма с практикой перехода к современности вызвало к жизни явление, которое можно назвать соцмодернизацией. Ее осуществление происходило в условиях перехода к всеобъемлющему тоталитаризму. Абсолютный приоритет уравнительно-распределительных отношений над всеми остальными реализовался в условиях утверждения высокоцентрализованной экономики. В качестве главного и, по существу, единственного субъекта соцмодернизации выступали коммунистические и рабочие партии, ведущие "трудящиеся массы" к намеченной цели.

Вместе с другими странами региона этот путь проделала и Чехословакия. Несмотря на то что чешское общество уже прошло все этапы модернизации в период с середины XIX в. до конца 30-х годов XX в., процессы соцмодернизации получили в нем наиболее яркое проявление. Уже на начальных стадиях "строительства социализма" осуществление его вненациональных по содержанию целей диктовало необходимость переориентации промышленного потенциала Чешских земель на удовлетворение потребностей индустриального развития и обеспечение обороноспособности соседних стран. Начавшийся еще в годы второй мировой войны процесс милитаризации чешской промышленности с конца 40-х годов получил еще более мощные стимулы. Это и позволило в Чехословакии раньше, чем в других восточноевропейских странах, — уже в 1960 г. — завершить "строительство социализма", произведя подлинный переворот в системе общественных отношений.

Сущность произошедших в регионе в течение четырех послевоенных десятилетий социальных сдвигов традиционно связывается с процес-

сами общецивилизационного развития. Однако пример чешского общества особенно ярко демонстрирует подчиненность задач "социалистической индустриализации" целям установления иной системы отношений. Исследованию явления соцмодернизации через призму разнообразных, но взаимосвязанных и взаимообусловленных форм социальной мобильности населения, отдельных его групп и посвящена эта книга.

Более сложными и продолжительными оказались процессы соцмодернизации для наций аграрного и аграрно-индустриального типа, к числу которых принадлежала и словацкая. В книге делается попытка сравнительного исследования двух моделей соцмодернизации, соответствовавших ее чешскому и словацкому вариантам. В центре внимания автора находятся судьбы двух поколений чехов и словаков, изучение которых позволяет охарактеризовать двадцатилетние этапы послевоенной истории страны, завершившиеся к концу 1989 г.

Автор стремится к созданию полной картины трансформации общественной жизни в условиях "строительства социализма". Объектом исследования становится не привычный анализ политического курса или динамики экономических показателей в этот период, а малоизученные социокультурные процессы. Только сфокусировавшись на человеческой личности, изменении ее сущностных характеристик, исследователь и получает возможность объективной оценки прошедшего.

Такого рода анализ, выводящий социально-историческое исследование на передний план общественных наук, сталкивается с явным несовершенством его понятийного аппарата. Гуманизация истории требует резкого расширения этого аппарата и взаимного обогащения категорий исторической, социологической, демографической и этнографической наук в рамках перехода к полидисциплинарному характеру исследования общественных реалий. Некоторые шаги в этом направлении делает и автор этой книги.

Каждое общество существует в виде этносоциального образования. Развитие этноса — это развитие его национальной по содержанию культуры. Каждый человек — представитель своего этноса и одновременно результат его длительной исторической трансформации, выраженный в характеристиках этносоциального опыта личности, т.е. в культурных характеристиках.

Совокупность исторически-конкретных типов деятельности и сознания народонаселения, составляющего данный этнос, и есть его социально-культурная структура. Изучение процессов трансформации этой структуры во всем многообразии ее параметров дает ключ к пониманию глубинных процессов национально-исторического развития.

Социально-демографические группы представляют собой неотъемлемую часть структуры этноса. Крупнейшей среди них является поколение, место которого в этой структуре определяется функцией обеспечения им преемственности развития этноса как социокультурной целостности. Благодаря преемственности поколений и возникает "связь в человеческой истории, образуется история человечества"¹.

Особенности внутренней структуры и жизненного пути каждого поколения обусловлены уровнем развития соответствующей этно-социальной общности, т.е. результатами жизнедеятельности предшествующих ему поколений. Однако поколение — не только носитель объективно сформировавшихся черт данного этноса, но и крупнейший субъект исторически конкретных форм деятельности и отношений. Каждое поколение, определяемое неповторимыми характеристиками социального опыта его представителей, выступает в роли не только "продукта" истории, но и ее создателя.

Культурный облик поколений находит свое концентрированное выражение в мировоззренческих ориентациях и прежде всего в специфической системе ценностей. В относительно сходной, хотя и социально гетерогенной концепции жизни представителей одного поколения проявляются особенности их этносоциального опыта.

Этносоциальный опыт отдельных групп обладает, наряду с общими и различными, даже противоположными по содержанию характеристиками, которые дифференцированы прежде всего для мужской и женской составляющих народонаселения, соответственно для их городских и сельских популяций. Их демокультурные характеристики определяются совокупностью параметров профессионально-производственной и политico-правовой практики социальных субъектов. Заключенный в этих видах практики опыт имеет базисное значение в формировании культурного облика представителей отдельных наций.

Поколение и другие социально-демографические группы (мужчины — женщины, городское — сельское население), несмотря на свою надстроечную, производную функцию, в иерархии социокультурных структур составляют ее неотъемлемую результирующую часть. В процессе межпоколенческого преемства и происходит воспроизведение всей совокупности базисных характеристик этносоциального опыта. Становление личности как представителя своего поколения означает освоение ею всех уровней этого опыта и превращение ее в субъекта исторически конкретных форм национальной практики.

В динамике высших иерархических структур этноса, к которым относятся все социально-демографические, отражаются внутренние механизмы исторического процесса в их наиболее целостном виде. А судьба и жизненные пути отдельных поколений — это сама история.

В демографии "жизнь" поколения, определяемая как разница между величиной среднего возраста смежных поколений, условно равняется 30 годам². Такова продолжительность воспроизводственного цикла на уровне семьи. Его изучение традиционно составляло одну из основных задач демографической науки. На уровне общества в целом процесс воспроизводства поколений — назовем его основным воспроизводственным циклом, — очевидно, короче. Он завершается со вступлением молодежи в активную трудовую и общественную жизнь, что происходит в среднем в 20-летнем возрасте, хотя вершины своей социальной зрелости человек достигает примерно к 35 годам (полный воспроизводственный цикл). Именно тогда с окончанием процесса освоения конкретных социальных ролей присходит складывание мировоззренческой основы личности и она становится выразителем социального опыта своего поколения.

При продолжительности основного цикла воспроизведения работника и гражданина, составляющей два десятилетия, поколенческая структура современного общества включает четыре синхронных элемента. Речь идет о двух неактивных (до 20 и после 60 лет) и двух активных (от 20 до 40 и от 40 до 60 лет) поколениях.

Главными субъектами исторического процесса периода 1948—1989 гг. в странах Восточной Европы стали следующие два условные поколения:

Родившиеся в 1920—1940 гг., или "поколение 1930 г." В 50-е — начале 60-х годов — период форсированных социально-экономических сдвигов — это поколение находилось в наиболее мобильном возрасте и стало выразителем этого исторического этапа. Период его высшей социальной активности пришелся в Чехословакии на два десятилетия, последовавших за событиями 1968—1969 гг.

Родившиеся в 1940—1960 гг. ("поколение 1950 г."). Вступив в активную трудовую и политическую жизнь в 70-е годы, оно приобретало свой социальный опыт на втором этапе послевоенной истории. От этого субъекта начавшегося в 1989 г. процесса радикальных общественных перемен зависят исторические судьбы и ближайшее будущее народов стран Восточной Европы.

Объективно охарактеризовать четыре десятилетия крупных общественных перемен можно лишь поняв основные вехи биографии этих поколений, отдельных их демографических и социальных компонентов. В изучении человеческих судеб — ключ к пониманию сущности того типа общественных отношений, которые долгое время именовались у нас социалистическими. Становится наконец возможным раскрыть реальное содержание важнейших явлений и процессов так называемого строительства социализма. К числу их было принято относить индустриализацию и урбанизацию. Гораздо реже в этом контексте речь шла о демографической революции, или изменении типа естественного воспроизведения, хотя произошедшие под его влиянием сдвиги в жизнедеятельности населения, особенно женщин, были возможно, самыми радикальными.

Глубокие качественные подвижки в характере демографического воспроизведения, неотделимые от процессов урбанизации, в свою очередь тесно связанной с индустриализацией, или этапами промышленной революции, составляют триединую задачу модернизации общества. Однако три перечисленные группы процессов имеют общеисторический характер. Они лежат в основе глобального по смыслу цивилизационного перехода от общества патриархального к современному. Получивший название модернизации, этот переход выражается в формировании совершенно новых, отличных от прежних, социально-экономических, социально-пространственных и социально-демографических структур, в развитости их основных элементов — социально-профессиональных групп, городских и сельских, мужских и женских популяций — как активных субъектов исторической практики. Интенсификация всех сторон общественной жизни — результат появления именно таких ее субъектов, естественное следствие формирования личности нового, современного типа.

Анализу соотношения процессов модернизации и перехода к

социализму посвящено данное исследование. На материале высокоразвитых индустриальных Чешских земель и полуаграрной Словакии выясняются различия в содержании цивилизационного развития чешского и словацкого общества на этапах капиталистической и социалистической модернизации. Ставится задача характеристики социокультурной структуры народонаселения, выявления направленности ее трансформации в исторически переломные для общества периоды — третьей четверти XIX в. — рубежа XIX и XX вв. и 50—80-х годов XX в. Изучение особенностей чешского и словацкого социализма дает представление о некоторых закономерностях проявления этого общественного строя для наций с разными стартовыми уровнями развития как современного, так и полупатриархального типа.

Структура книги предопределена поставленными в ней целями анализа изменений в социально-культурной структуре населения через призму трех слагаемых цивилизационного развития — процессов индустриализации, урбанизации и демографической революции. Центр тяжести составляет определение специфики этого развития в условиях ликвидации частнособственнических отношений, их субъектов и практически монопольного господства так называемой обобществленной собственности, абсолютного преобладания "государственных наемных работников". Тенденции послевоенной социокультурной динамики невозможно понять в отрыве от ее предшествующих этапов, как и в отрыве от всей совокупности составляющих ее элементов.

Изучение социально-экономической, социально-пространственной и социально-демографической структур народонаселения является предметом "сквозного" по характеру исследования. В основу его методологии положен принцип описанной выше иерархии социально-структурных элементов общества. От характеристики базисных социально-профессиональных компонентов его структуры совершается переход к более крупным — демографическим (городскому и сельскому населению, мужчинам и женщинам, затем поколениям и, наконец, нациям).

Процессы "социалистического строительства" исследуются через призму изменений профессионально-квалификационного статуса личности, ее производственной культуры, изменений ее общечеловеческой — мировоззренческой — сущности и даже через динамику основных биологических характеристик человека, связанных с участием его в процессах общественного воспроизводства.

Хронологически исследование фокусируется на четырех десятилетиях жизни страны, с 1948 по 1989 г. Это относительно законченный этап чехословацкой истории. Нижняя граница его совпадает со временем "социалистического выбора" в феврале 1948 г., верхняя — с отказом от него в ноябре 1989 г.

Изучение процессов досоциалистической модернизации чешскими, в меньшей мере словацкими историками, демографами, экономистами и этнографами можно расценить как высокорезультивное. Достаточно назвать блестящие работы П. Горской и Л. Карниковой, Я. Светоня и О. Урбана, Я. Пурша, Я. Фалтуса и В. Прухи, В. Срба и М. Кучеры, З. Вавры и Л. Фиаловой, Я. Гавранека и А. Робека³. В чехо-

словацких общественных науках одной из наиболее разработанных является тема разнообразных социальных сдвигов на этапе промышленной революции и в результате ее. Комплексные по характеру и охватывающие почти столетний период исследования цивилизационных трансформаций чешского и словацкого общества представляют огромную ценность для познания истории Восточноевропейского региона не только XIX — начала XX в., но и его новейшей истории. Вместе с тем верхняя хронологическая граница всех этих трудов не выходит за пределы 1948 г., как правило, она даже ограничена 1938 г., т.е. годы второй мировой войны до последнего времени находились вне поля зрения этих исследователей. И уж тем более малоизученным чешскими и словацкими историками остается период 1948—1989 гг.

Начало разработки социокультурной истории Чехословакии послевоенного периода связано с десятилетием, предшествовавшим событиям 1968—1969 гг. Этот период совпал со временем становления конкретных социологических исследований в стране. Однако уже тогда были получены социоэмпирические данные по узловым проблемам социальной и культурной динамики в условиях строительства социализма. Важнейшие направления сбора этих данных, несмотря на сокрушительную критику их методологии, методики и результатов в 70-е годы, были в той или иной степени продолжены. Речь идет, например, об исследовании уровня религиозности в контексте социально-демографических показателей, которые имеют в Чехословакии наиболее давнюю традицию. Особый интерес среди них представляет проведенный в 1963 г. Э. Кадлецовой опрос населения Североморавской области⁴. Автору его в следующее десятилетие уже не нашлось места в чешском обществоведении. Но центр изучения этой базисной для понимания сущности культурного процесса проблематики сформировался в Южной Моравии (Брюно).

На еще более широкую программу опиралось исследование социальной структуры населения, проведенное в 60-е годы коллективом чехословакских социологов под руководством П. Махонина. Результатом его стала книга "Чехословацкое общество. Социологический анализ социальной стратификации", вышедшая в 1969 г.⁵ Она стала затем одной из главных мишеней так называемой борьбы с ревизионизмом. Под этой борьбой подразумевалась ликвидация всяких попыток сопротивления принятому в феврале 1948 г. политическому курсу. Однако и по этой теме, как и по состоянию религиозности, сбор данных продолжался с определенной периодичностью в 70-80-е годы, хотя результаты их обработки имели гораздо более частный характер, как правило, в виде статей в социологических журналах.

В 60-х годы была начата серия продолжавшихся и в 70-е годы обследований уровня удовлетворенности трудом⁶, а также многочисленных замеров состояния культурного, особенно культурно-художественного потребления населения. Последние заняли доминирующее положение в чехословацкой социологии культуры — практически отождествляясь со всей сферой духовной жизни общества, человеческого существования. Прагматическая направленность социально-культурных исследований 70-х годов определялась тем, что они были

сосредоточены в двух — пражском и братиславском — институтах культуры ведомственного (министерств культуры Чешской и Словацкой республик), а не академического подчинения. Нацеленность преимущественно на решение задач социально-экономического планирования и прогнозирования в рамках отраслевой науки резко сужала простор объективного изучения социокультурной действительности. Создавалась основа для всевозможных искажений реальности в соответствии с идеологическими представлениями обществоведов "новой волны" о личности как объекте лишь потребления культурных ценностей, но не субъекте исторического процесса.

Право на обобщенный анализ социальной действительности в так называемый послекризисный период имели только "политологи" из руководящих органов КПЧ. В наибольшей степени такая практика была характерна для сферы духовной жизни общества. Историко-культурные исследования представляли собой исключительно труды по культурной политике коммунистической партии, реже — государства, с различными хронологическими рамками. По количеству такого рода трудов можно сделать однозначный вывод о явном приоритете данной отрасли обществоведения в то время. Однако характерно, что почти все они принадлежат перу словацких авторов и датируются второй половиной 70-х — первой половиной 80-х годов.

Объясняется это тем, что после событий 1968—1969 гг. в Словакии в противовес Чешским землям складывается мощная институциональная основа обществоведения, и прежде всего его наиболее политически острой проблематики, получившей название "идеологической". Разработка ее становится уделом учреждений системы партийно-политического просвещения, прежде всего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ и ЦК КПС, Высшей партийной школы ЦК КПС. Однако если в 60-е годы тема культурной революции (закономерности и этапы) освещалась преимущественно чешскими авторами⁷, то в первой половине следующего десятилетия была написана, а затем издана в Братиславе серия крупных монографий о ходе и результатах этой революции на территории Словакии⁸. Выход их в свет преследовал одну — главную — цель: на примере Словакии обосновать правомерность и необходимость культурной революции, а значит, и всего курса на социализм. Причем меры по выводу ее из состояния отсталости выдавались за общие закономерности строительства социализма. А поскольку в сфере идеологической, очевидно, и находился центр тяжести всех "достижений" КПЧ в послевоенный период, то ее культурная политика оказалась в роли основы всего чехословацкого обществоведения на целых два десятилетия.

В условиях, когда историческая наука была целиком monopolизирована идеологами от КПЧ, чехословацкая демография, как и социология и этнография, оказалась обретенной на мелкотемье, узкий и поверхностный анализ действительности. Вместе с тем именно демография в силу отношения к ней со стороны официальных политологов как к дисциплине в большей степени естественнонаучного профиля, чем гуманитарной, развивалась особенно результативно.

Семидесятые годы стали, например, периодом особенно интенсив-

нного изучения проблем урбанизации, начавшегося еще на рубеже 50 - 60-х годов. Результатом его явилась серия монографий, которую открыла книга Й. Мусила "Урбанизация в социалистических странах"⁹. В начале 80-х годов эта серия была продолжена, но вскоре и завершена¹⁰. Отличительной чертой изучения проблем урбанизации в этих книгах, принадлежащих чешским и словацким авторам (А. Андрле, Я. Пашаик, А. Слепичка, Я. Земко), стала попытка проследить закономерности изменения соотношения города и села с точки зрения динамики человеческой деятельности и отношений. Одним из наиболее результативных направлений научного поиска чехословацких обществоведов в 70-е годы и можно назвать урбанистическое.

Проблемы села, главным образом словацкого, его образа жизни, ценностных ориентаций сельских жителей, мотивов их социальных перемещений широко освещаются в этот период в журналах "Социология а хисторие земнеделстви" (позже — "Сборник УВТИЗ" — "Сборник Института научно-технической информации по сельскому хозяйству") и этнографическом "Словенски народопис", издаваемом в Братиславе. Правда, в последнем работы А. Пранды, М. Лещака, И. Славковского, В. Валентовой и некоторых других авторов выделяются среди явно преобладающих статей преимущественно филологической, традиционно-этнографической направленности. Естественно, все это гораздо более актуально для Словакии, переход которой к индустриальному обществу не был завершен. Поэтому сюда — в восточные части страны — смещаются в 70—80-е годы интересы обществоведов, как и политиков, что невольно стимулировало развитие словацкой социологии. Свидетельство тому — публикации в братиславской "Социологии", постепенное углубление аналитического характера которых на протяжении двух десятилетий очевидно.

Вместе с тем, по существу, прерванным оказался процесс становления чешской социологии, начавшийся в 60-е годы. Коллектив авторов, сложившийся вокруг журнала "Социологицки часопис", издаваемого в Праге с 1965 г., вскоре распался.

Первые признаки оживления чешской социологической, а затем исторической наук, оказавшихся наиболее "обесчеловеченными", проявляются ближе к концу 80-х годов¹¹. Это происходит по прошествии двадцатилетия со времени выхода в свет книги Р. Рихты "Цивилизация на распутье. Общественные и человеческие параметры" (Прага, 1967)¹². Тема так называемой комплексной революции современности, в центре которой судьба формирующейся личности, получила в этой книге, имевшей большой международный резонанс, теоретическое обоснование.

Потенциал чешской общественной науки за время после событий 1968—1969 гг. был частично утерян, частично перемещен из столицы "в провинцию". Так, в Брно (Южная Моравия) сформировались крупные исследовательские направления: в упоминавшейся выше сфере изучения религиозности и мировоззренческих ориентаций населения, а также в сфере народной культуры и фольклора, проблем урбанизации¹³. Одновременно в Северной Моравии интенсивно развивалось изучение

проблемы промышленных областей не только в экономическом, но и историко-демографическом, историко-культурном отношениях¹⁴.

В целом же чешские общественные науки пережили период бурного подъема в 60-е годы. Заложенные тогда основы обществоведения, отдельные его школы были вытеснены на периферию общественной жизни в период ее "нормализации". В 80-е годы началось постепенное восстановление этих основ, представленных теперь уже не только в Чешских землях, но и в Словакии. Наиболее активно оно происходило в сфере социально-экономической.

Тема труда, отношения к нему в условиях существующей дифференциации заработка платы особенно плодотворно разрабатывалась в трудах Й. Вечерника, опирающихся на анализ динамики социально-классовой структуры населения¹⁵. Эта тема стала одной из ведущих для целого ряда журналов ("Праце а мзда", "Политика экономии", "Экономика праце", "Экономицки часопис", "Психология в экономике практики").

Элементы социального анализа, содержащиеся в работах чехословацких историков-экономистов, прежде всего В. Прухи, используются автором данной монографии наряду с трудами по проблеме занятости населения и его квалификационной структуры Д. Тесаржовой, Э. Ковачовой и других¹⁶.

Современный, качественно новый этап изучения общественных процессов и явлений в обеих республиках подготовлен предшествующими его этапами и обусловлен общеевропейским контекстом развития ряда направлений чехословацкой науки. Личность как совокупность не только социально-профессиональных, но и, главное, разного рода демографических отношений постепенно превращается в центральный объект интересов ученых: теперь уже в качестве активного начала общественной практики. Свидетельство тому, например, книга Л. Калиновой и В. Совы, а также коллективный труд словацких авторов под руководством В. Цирбеса¹⁷.

Ключевые проблемы социокультурной действительности Чехословакии послевоенного периода в 80-е годы нашли отражение в статьях ведущих обществоведов страны Й. Вечерника, Л. Гартла, В. Бауха, А. Матейовского и других, опубликованных в советских изданиях¹⁸. Они представляют далеко не узкострановедческий или узкопрофессиональный, ограниченный рамками демографии или социологии интерес. Одно из центральных мест в этих работах занимает характеристика рабочего класса, его социальной мобильности. Книга же З. Ламсера и И. Суры "Человек в социалистическом сельском хозяйстве", вышедшая в переводе на русский язык в 1982 г., предвосхитила последующий ход развития социально-исторических исследований не только в Чехословакии¹⁹.

Появление в советской литературе второй половины 80-х годов статей чехословацких социодемографов о специфике современного репродуктивного поведения населения, о ценностных ориентациях и статусе женщины предопределено развитием этого направления общественной науки там не протяжении предшествующих трех десятилетий, прежде всего в трудах З. Павлика²⁰.

На фоне названных выше работ очевидна недостаточность высших уровней социально-исторического исследования — поколенческого и национального. То, что поколенческие субъекты и являются выразителями тенденций развития национальной культуры, ее носителями, четко осознавалось чешскими обществоведами уже в 60-е годы²¹.

Изучение чешской и словацкой наций в послевоенный период в советской литературе традиционно до самого последнего времени представляла тема пресловутого "выравнивания уровней" их экономического развития²². Речь, как правило, шла о доказательстве факта этого выравнивания с помощью простейших показателей из области экономической статистики. Однако объективный анализ соотношения уровней экономического развития двух наций, их динамики, очевидно, возможен только в контексте сравнения типов и ступеней их общественного развития в целом. Применительно к важнейшим с точки зрения процессов модернизации периодам третьей четверти XIX в. и рубежа веков материал для такого сравнения имеется в довольно полном объеме. Но иначе обстоит дело с послевоенным периодом. Вместе с тем содержание процессов этносоциального развития на этом этапе по основным параметрам существенно отличалось от предшествующего второй мировой войне периода новой истории чешской и словацкой наций, как и всех остальных бывших "социалистических" наций Восточной Европы. Произошедшие здесь на протяжении четырех десятилетий цивилизационные и формационные сдвиги повернули вспять судьбы не только общественной науки, но и каждого человека в отдельности. Попытка познания некоторых особенностей современной социально-культурной истории стран региона сделана в этой книге на материале двух его наций.

Глава I

ДВИЖЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ И СЛОВАКИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. — 30-х годах XX в.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕШСКОЙ НАЦИИ

В XIX в. чешское общество переживало промышленную революцию, в целом комплексную революцию современности, складывающуюся из асинхронных процессов развития совокупности его материальных и духовных сфер¹. Происходило не просто изменение способа производства, а утверждался принцип динамизма в общественном развитии. Переход к новому уровню исторической практики человека сопровождался радикальными изменениями всей его социокультурной сущности.

К началу XX в. чешское общество превратилось в современное. Оно уже практически лишилось элементов патриархальности, характерных для традиционного, сохраняющего все атрибуты позднефеодальной формации общества, которым оно было столетие назад. На рубеже XIX и XX вв. Чешские земли по основным социально-экономическим параметрам находились на уровне развитых стран Европы². Начало же этой эволюции положила реформа 1781 г., ликвидировавшая личную зависимость прежде всего многочисленной сельской бедноты и открывшая перед ней широкие возможности всех форм социальных перемещений.

Период со времени ликвидации крепостничества в Чешских землях до 1848 г. Л. Карникова называет переходным к капитализму³. А на третью четверть XIX в. пришелся заключительный и всеобъемлющий по характеру, согласно периодизации Я. Пурша, этап промышленной революции с пиком предпринимательской активности в конце его.

Текстильная промышленность сохраняла тогда свое положение ведущей отрасли, но создавались крупные машиностроительные предприятия, основы железнодорожной сети. Индустриальный переворот третьей четверти XIX в. завершился уже в 1867—1873 гг.⁴. Результатом его стало коренное изменение существовавшей до середины XIX в. не только отраслевой, но и территориальной структуры промышленности. Сущность этого изменения заключалась в появлении и особенно быстром во второй половине прошлого века развитии во внутренних районах Чешских земель крупных

промышленных центров и индустриальных областей с чешскоязычным населением. Сложилось принципиально новое соотношение в уровне развития и значении северных приграничных районов Чехии, где подавляющее большинство рабочих составляли немцы, а производственные традиции имели уже столетнюю историю, и районов новой индустриализации в центральной Чехии, где концентрировалось свыше $\frac{3}{4}$ чешских промышленных рабочих⁵.

В текстильных — северных и северо-восточных — областях Чехии еще в 1846 г. сосредоточивалось 67% населения, занятого в промышленности⁶. Однако в третьей четверти XIX в. центр тяжести индустриального развития Чешских земель перемещается оттуда во внутренние области с их приоритетным развитием тяжелой промышленности и быстрым ростом численности наемных рабочих в непроизводственной сфере. К концу века выровнялась доля населения, проживающего в этих районах, а численность индустриального пролетариата внутренних областей к 1910 г. была на 20% больше по сравнению с "текстильным" пограничьем⁷.

С завершением промышленной революции Чешские земли превратились из аграрных в аграрно-индустриальные. Согласно подсчетам А. Богача, приведенным В. Србом и М. Кучерой, более половины — 52% — их занятого населения в 1869 г. еще принадлежало к сельскому хозяйству, но 29% — уже к промышленности⁸.

В невиданное прежде движение пришли большие массы людей. Развитие новых — чешскоязычных — районов осуществлялось при большом участии сельской бедноты неплодородных областей юга Чехии и юго-запада Моравии, устремившейся во второй половине XIX в. на заводы и шахты центральной Чехии. Усилившаяся в 70-е годы миграция бывшего сельского населения приняла действительно массовые масштабы в период аграрного кризиса 80-х годов. В 1880—1890 гг. в слаборазвитых сельскохозяйственных областях численность аграрного пролетариата сократилась на треть⁹. Однако это сокращение не было в конце XIX в. характерно для экономики Чешских земель в целом. Доля занятых в сельском хозяйстве и в этот период существенных в результате промышленной революции социально-демографических сдвигов оставалась практически неизменной. Это было связано с развитием испытывавшего постоянную потребность в рабочей силе капиталистического сельского хозяйства в плодородных низменностях, где к тому же снижение смертности привело даже к абсолютному росту численности населения. Избыток аграрной занятости образовался здесь лишь с 90-х годов. Он выразился в добровольном массовом уходе сельских жителей в близлежащие промышленные центры на лучше оплачиваемую работу. Этот процесс развернулся в полном объеме уже в начале XX в., после завершения формирования основных сельскохозяйственных районов. Поэтому начавшееся с первых этапов промышленной революции снижение абсолютных показателей занятости в сельском хозяйстве было в Чешских землях медленным и вышло за временные рамки и этой революции, и даже процесса индустриализации в целом.

На завершающей фазе этого процесса, в 1869—1910 гг., доля

населения, занятого в сельском, лесном хозяйстве, рыболовстве и охоте, сократилась с более чем половины почти до трети (для Чехии и Силезии). Одновременно интенсивность роста занятости в промышленности и ремеслах резко снизилась (с 7,6% в 70—80-е годы до 1,5% в 90-е и 1,2% в 1901—1910 гг.)¹⁰.

Таким образом, в период от рубежа XIX и XX вв. до начала первой мировой войны так называемое промышленное население относительно стабилизировалось. Это означает, что в Чешских землях в целом закончилась длившаяся около 70 лет индустриализация. Произошла смена соотношения численности населения, занятого в сельском хозяйстве и промышленности, в пользу последней (в 1910 г. соответственно 34,2% и 39,5% общей численности населения)¹¹. Чешские земли стали индустриально-аграрными. Уже на следующее — первое послевоенное — десятилетие пришла значительная, как никогда прежде, убыль сельскохозяйственного населения. Она стала следствием глубоких социально-экономических перемен, произошедших в самом сельском хозяйстве после завершения индустриализации¹². Был создан единый рынок рабочей силы.

Второй — наряду с медленным снижением аграрной занятости — отличительной чертой крупных перемещений населения Чешских земель было опережение темпов роста занятости в отраслях непроизводственной сферы по сравнению с отраслями промышленности. Сдвиги в этой сфере в 1869—1910 гг. были наибольшими. В торговле, транспорте, сфере обслуживания произошел троекратный рост абсолютных показателей (с 187,0 до 559,2 тыс. человек)¹³.

В целом же на рубеже веков в Чешских землях были "в основном завершены крупные сдвиги в структуре экономической активности населения, вызванные промышленной революцией"¹⁴. Окончание в преддверии первой мировой войны капиталистической индустриализации Центральной Европы, которой оказалась охвачена и чешская нация, означало формирование там жизненного уклада современного индустриального общества¹⁵. Произошел социально-экономический отрыв западной части монархии от восточной, и Чешские земли заняли ключевое положение в ее хозяйстве¹⁶.

Рассмотренные процессы нашли выражение в важнейших сдвигах в социально-классовом составе населения на завершающих этапах индустриализации. В этой период, охватывающий несколько десятилетий, в Чешских землях усилилась национальная буржуазия, сложился крупнопромышленный квалифицированный рабочий класс, техническая интеллигенция и новое крестьянство.

Промышленная революция существенно изменила внутреннюю структуру пролетариата. Процесс концентрации его усилился во время экономического кризиса 70-х годов, в который и рабочий класс, и чешская буржуазия вступили уже как сложившиеся классовые образования. Пролетариат крупных предприятий опирался на широкую социальную основу. Ее представляли, особенно в больших городах, ремесленные подмастерья, квалифицированные рабочие мануфактур, разнорабочие-поденщики. К моменту завершения промышленной революции они в основной своей массе растворились в среде

фабричных рабочих, привнеся в нее созданные в мануфактурный период производственные и культурные навыки¹⁷. Именно в длительных традициях труда ремесленного типа, как и в развитой системе образования, видится Я. Галандаузру основа чешского "экономического (и не только экономического) чуда" второй половины XIX в.¹⁸

Формирование современного индустриального общества со свойственной ему системой общественного разделения труда нашло наиболее яркое выражение в освобождении промышленного пролетариата от связей с сельским хозяйством. Оно приняло особенно массовый характер на рубеже 60-х и 70-х годов. В результате лишь некоторые слои промышленных рабочих сохранили небольшие земельные участки¹⁹.

Наиболее высокие темпы роста численности рабочего класса относятся уже к последней четверти XIX в., когда она увеличилась почти на 85%²⁰. Это произошло главным образом за счет новых индустриальных центров внутренних районов, возникших в ходе промышленной революции. Именно тогда состав и социальное положение этого класса меняются коренным образом.

В период между 1848 г. и началом первой мировой войны складывается большинство рабочего класса, состоящее из промышленного пролетариата, ряды которого возросли троекратно, а доля — с $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ всех рабочих²¹.

К началу XX в. происходит явное снижение уровня территориальной (пространственной) мобильности рабочего класса, степени его участия в миграционном движении. Напротив, создаются предпосылки роста его социально-профессиональной мобильности, когда резко уменьшается значение наследования рода деятельности от отца к сыну, характерного для традиционного общества²².

Формирование национального пролетариата в Чешских землях предшествовало созданию чешской буржуазии²³. Вслед за складыванием в 30—40-е годы XIX в. многочисленных мелкобуржуазных слоев населения чешского происхождения, связанных преимущественно с сельскими промыслами, на рубеже 60-х и 70-х годов появляется чешская промышленная буржуазия. В эти годы наибольшего размаха предпринимательства произошел переход основных отраслей индустрии к крупному фабричному производству, что и привело к завершению промышленной революции в Чешских землях. Основой формирования национальной буржуазии стала пищевая промышленность и прежде всего сахароварение, а затем отрасли тяжелой промышленности. Аналогично на рубеже XVIII и XIX вв. текстильная промышленность была источником аккумуляции капиталов австронемецких предпринимателей. На 70-е годы приходится деятельность первого поколения представителей чешской промышленной буржуазии. В конце прошлого века чешская буржуазия участвовала в экономическом развитии Чешских земель уже наравне с немецкой.

На широкой социальной основе, как и рабочий класс, складывалась интеллигенция Чешских земель. До середины XIX в. она связывала себя преимущественно с австрийской или общегерманской культурой. Однако уже в 60-е годы возникает многочисленная чешская по-

национальному самосознанию интеллигенция. А. Мыльников считает, что уже с середины века можно говорить о потомственной чешской интеллигенции во втором и даже третьем поколениях²⁴. Создание в последней трети XIX в. чешской высшей школы привело к формированию в начале следующего столетия в полном смысле слова национальной интеллигенции.

Закрепляется национальный характер и городской начальной, а затем и средней школы. Уровень грамотности населения Чешских земель, охваченного всеобучем, который был введен еще в 70-е годы XVIII в., существенно возрос уже к концу этого столетия. Как видно из материалов трех последних австрийских переписей (1890, 1990, 1910 гг.), грамотность населения приблизилась к 100% и перестала выполнять социально-дифференцирующую функцию²⁵. Перед сельскими жителями открылись возможности освоения культурных ценностей формирующегося национального общества.

С конца XVIII в. началась трансформация социокультурного облика крестьянства, которая постепенно превратила его в один из классов чешского буржуазного общества. Для этого потребовался особенно длительный, по сравнению с другими классами, переходный от патриархальности к современности период. Исходный рубеж его связан с зарождением рыночных отношений в сельском хозяйстве Чешских земель задолго до промышленного переворота, вызвавшего формирование пролетариата и национальной буржуазии. Индустриализация, развернувшаяся в 30—40-е годы XIX в., вызвала подъем народной культуры. Традиции ее сохранились в побелогорскую эпоху — после потери в 1620 г. политической самостоятельности чехов. В своем развитии крестьянская культура заимствовала элементы формирующейся городской культуры. С 70-х годов, по мнению О. Урбана, в чешской деревне началось постепенное разложение традиционного полуфеодального образа жизни. Изменяется весь характер сельской жизни, трансформируется обрядовая деятельность²⁶.

Процесс длительного формирования претерпела и культура рабочего класса. Традиционные фольклорные ориентации новых пополнений пролетариата постепенно обогащались нормами и ценностями городской культуры. Черты пролетарской культуры проступают уже в 60-е годы XIX в.²⁷ Проявившиеся в следующее десятилетие экономические интересы чешской буржуазии стимулировали рост социального опыта национального рабочего класса, его классового самосознания.

Итак, уже к началу 70-х годов XIX в. складывается по главным параметрам целостная социокультурная структура чешского общества современного типа. Оно полностью развило во внутренне дифференцированное классовое сообщество к рубежу XIX и XX вв.²⁸ К этому времени в значительной степени выровнялись диспропорции в уровне развития чешского и немецкого рабочего класса, а также промышленной буржуазии, особенно мелкой и средней, вызванные более ранней индустриализацией немецкоязычных областей Чешских земель. Социальные структуры чешской и немецкой наций как двух наиболее индустриально развитых в Австро-Венгерской монархии к началу

первой мировой войны приобрели черты сходства, отличавшие их от всех остальных входивших в ее состав наций. Чешское общество в преддверии войны отличала от немецкого в этом отношении лишь более низкая доля служащих²⁹.

Формирование современной этносоциальной и этнокультурной структуры населения Чешских земель завершается с восстановлением национальной государственности в результате образования Чехословацкой республики в 1918 г.

* * *

В период позднего феодализма в Чешских землях уже существовала сложившаяся в значительной степени еще в добелогорскую эпоху и, как считает А. Плахт, даже ставшая социальной основой национального возрождения городская сеть³⁰. Довольно значительной была и доля городского населения, и социальные функции городов, среди которых, однако, преобладали малые и средние. В этом смысле Чешские земли представляют собой типичный пример среднеевропейского развития, который отличался от восточноевропейского более высокой густотой городской сети, а от западноевропейского — небольшим числом крупных городов и относительно замедленными темпами урбанизации в целом. Она проходила здесь в несколько этапов, совпадающих или являющихся результатами соответствующих фаз экономического развития.

Социальные сдвиги, происходящие в ходе урбанизации, по существу завершают процесс перестройки общества под влиянием индустриализации. В Чешских землях урбанизационная волна пришла на период технико-технологического переворота рубежа XIX и XX вв. Крупногородская цивилизация здесь результат второго этапа индустриализации.

Начавшееся в середине XIX в. смещение центра тяжести экономики Чешских земель из северного пограничья во внутренние районы привело к сдвигам в размещении населения, отчетливо проявившимся после экономического кризиса 70-х годов. Миграции жителей Чешских земель стали в последней трети прошлого века крупнейшим социально-демографическим явлением. Наибольшая подвижность населения наблюдалась на юге Центральной Чехии, где в 1910 г. у половины населения не совпадало место рождения и место проживания³¹. Стимулом к перемещению становится не только поиск возможностей приложения труда и дополнительных доходов, но и потребность в коренном изменении своего социального статуса, которая ведет сельского жителя в город.

Снижение доли сельского и увеличение доли городского населения начинает отчетливо проявляться уже с 40-х годов XIX в., когда в городах проживал всего каждый пятый житель Чешских земель. Урбанизационные процессы ускоряются в период после 1850 г. Рост городов стал тогда непосредственным результатом превращения этих земель в аграрно-промышленную часть империи, завершившегося в 60—70-е годы. Однако на этом первом этапе урбанизации получили развитие главным образом малые и средние города — от 3 до 7 тыс. жи-

телей³². Этото было время превращения многочисленных сел в рабочие поселки, быстро трансформирующиеся в центры развития промышленности. Начальный этап пространственной мобильности населения в третьей четверти XIX в., связанный с миграцией его на относительно небольшие расстояния, особенно ярко проявился в росте городских предместий Брно и Остравы, а затем центров угледобычи на северо-западе Чехии. Большинство возникших в этот период относительно небольших поселений не имело культурно-политического значения и экономических традиций, а было порождением данного этапа индустриального развития, главным образом формирования новых отраслей тяжелой промышленности (угольной, металлургической, химической, машиностроительной)³³.

Уже в 70-е годы наблюдался ускоренный рост количества городов с более чем 10 тыс. жителей (с 34 до 53)³⁴. Процессы конца XIX — начала XX в. составлявшие сущность второй волны урбанизации, привели, наконец, к резкому увеличению удельного веса горожан. В 1880—1910 гг. доля городского населения увеличилась с $\frac{1}{3}$ почти до половины его общей численности. После прохождения этой волны, вплоть до 30-х годов XX в., эта доля так и не достигла 50-процентной отметки³⁵. Численность населения крупных городов (свыше 20 тыс. жителей) увеличилась в 1890—1930 гг. четырехкратно, достигнув 21,9% его общей численности, т.е. почти половины всего городского населения³⁶.

Наиболее интенсивный отлив из сельской местности наблюдался в Чехии в 1881—1890 гг., в период аграрного кризиса, охватившего прежде всего неурожайные районы юга Чехии и Моравии. Максимальный среднегодовой прирост городского населения пришелся на следующее десятилетие — 1891—1900 гг., достигнув в Чехии 16%, а в Моравии и Силезии почти 14%³⁷. В то время опережающее развитие получили индустриальные центры внутренних районов, появившиеся в годы промышленной революции. Здесь же особенно отчетливо проявился и характерный для рубежа веков опережающий рост крупногородских агломераций, в которых объединялось несколько городов с более 10 тыс. жителей. В окружении Праги было девять таких городов с общей численностью 600 тыс. жителей. Вторая агломерация тянулась вдоль северо-западной и северной границы Чехии и включала 19 городов, но со вдвое меньшей по сравнению с пражской агломерацией численностью жителей³⁸.

Традиционно со времени начала промышленной революции в Прагу устремлялся основной поток переселенцев. Только в 90-е годы численность населения пражских предместий увеличилась почти наполовину³⁹. Темпы роста населения Праги, зарегистрированные в это десятилетие, не были превзойдены и в 20-е годы XX в., после того как она стала столицей Чехословацкого государства. По состоянию на 1900 г. 60% населения Праги относилось к числу лиц, родившихся за ее пределами и образующих первое поколение ее жителей⁴⁰.

С конца XIX в. Прага начинает играть исключительно важную роль жизни чешского общества как его главный — по значению и величине — и практически единственный культурно-политический центр и как средоточие предпринимательской деятельности националь-

ной буржуазии. К этому времени число крупных городов Чешских земель удваивается. К Праге и Брно присоединились Моравская Острава и Пльзень.

Высокий прирост населения произошел в 90-е годы и в районах угледобычи, где низкий уровень механизации производства требовал большого количества рабочей силы. С угольной промышленностью там было связано и бурное развитие комплекса отраслей тяжелой промышленности: металлургической и химической в Остраве, химической в Теплицко-Мостецком бороугольном бассейне. В общей сложности численность населения там с начала 80-х годов до первой мировой войны увеличилась вдвое, хотя в некоторых городах на территории угольных бассейнов она возросла многократно⁴¹.

В 80—90-е годы резко увеличилась численность населения промышленной Моравской Остравы. В 1900 г. она стала третьим по величине городом Чешских земель после Праги и Брно с более 100 тыс. жителей⁴². В течение жизни одного поколения Острава превращается в крупный городской центр, население которого с 30—40-х годов до конца XIX в. возрастает десятикратно⁴³.

Центры угольной промышленности достигли вершины своего социально-экономического развития к концу XIX и с начала XX в. уже не оказывали первостепенного влияния на весь урбанизационный процесс в Чешских землях⁴⁴.

Число городских поселений с более чем 2 тыс. жителей увеличилось в 1880—1910 гг. наполовину (с 328 до 494)⁴⁵. Причем если средняя численность жителей в малых и средних городах в этот период оставалась относительно стабильной, то в категории городов с более 10 тыс. жителей она возросла довольно значительно — с 19,3 до 25,4 тыс. человек⁴⁶.

Произошла трансформация сложившейся при феодализме сети городов. С начала XX в. наблюдается уже явное снижение миграционной подвижности населения. Относительно стабилизируется индустриальная и аграрная занятость, а следовательно, численность городских и сельских жителей.

Появившиеся и развившиеся на рубеже веков крупные города Чешских земель приняли на себя социальные и культурные функции жизнеобеспечения общества индустриального типа. Здесь формируется новая система межчеловеческих отношений, характерная для крупногородской цивилизации.

Существенно изменяется положение женщины в обществе и семье. В семьях пражского пролетариата, особенно неквалифицированного, с низким уровнем доходов, женщины все чаще вынуждены включаться в общественное производство. Значительный рост занятости женщин, главным образом до замужества, происходит с 80-х годов XIX в.⁴⁷ С 90-х годов женщины все больше включаются в деятельность рабочих союзов в рамках их самостоятельных подразделений. Во втором и последующих поколениях жителей Праги происходит все большая демократизация внутрисемейных отношений. Патриархальная форма окончательно уходит в прошлое.

Города, прежде всего крупные, стали в этот период очагами

зарождения и повсеместного распространения в результате процессов демографической революции нового типа воспроизводства населения. На рубеже XIX и XX вв. среди всех слоев общества начинает проявляться тенденция к ограничению рождаемости, особенно отчетливая в Праге, а также крупнейших индустриальных центрах на севере Чехии (прежде всего в Либерце и Яблонце)⁴⁸.

Снижение в последнее десятилетие XIX в. рождаемости в предместьях Праги произошло так резко и она упала до столь низких по сравнению со средними по Чешским землям показателей, что П. Горска делает вывод о "радикальном изменении там популяционного климата в конце прошедшего века"⁴⁹. С начала XX в. снижение рождаемости, начавшееся в городах, постепенно приобретает повсеместный характер. Зависимость между величиной поселения и рождаемостью в Чехии в 1900 г. очевидна: на тысячу женщин детородного возраста в поселении с менее 2 тыс. жителей рожден 201 ребенок, с 2—10 тыс. — 164, с более 10 тыс. — 122⁵⁰.

Формируется и новая система межпоколенных отношений. От наследования социально-профессионального статуса от отца к сыну совершается переход к относительно свободному выбору рода деятельности, который представляет городское индустриальное общество. Это характерно уже для детей пражских рабочих 1990 г., родившихся в большинстве своем в сельской местности⁵¹.

У второго поколения переселенцев, ставших непосредственными носителями культуры индустриального типа, происходит дальнейший рост материальных потребностей и общественной активности. Деятельность этого поколения в Чешских землях пришла на первые десятилетия XX в., а формирование образа жизни рабочего класса, его культуры, носителями которой выступили прежде всего рабочие Праги, датируется уже 70—80-ми годами XIX в.⁵². В 90-е годы происходит небывалый подъем добровольной общественной и культурной активности подавляющего большинства рабочих⁵³. В деятельности разнообразных рабочих объединений (культурно-просветительных и физкультурных союзов, танцевальных, музыкальных, театральных ансамблей, жилищных и потребительских товариществ и др.) все более широкое участие принимают женщины. Хотя и относительно короткий — несколько десятилетий — период существования этой специфической рабочей традиции имел тем не менее очень большое значение для развития уже в начале XX в. классового самосознания пражского пролетариата, ставшего интегрирующей основой всего чешского рабочего класса. Трансформация народной традиции, носителем которой было первое поколение городского пролетариата, в новую рабочую осуществлялась ускоренными темпами.

Одним из главных проявлений урбанизации было разрушение господствовавших долгое время после начала индустриализации полугородских-полусельских форм жизни, консервирующих социальные основы так называемого коворольничества, при котором промышленный рабочий не порывал полностью с селом, с трудом аграрного типа. На рубеже веков происходит движение к единственному источнику получения доходов рабочих семей — на промышленном предприятии⁵⁴.

Дальнейшее развитие урбанизационные процессы в Чешских землях получили после образования самостоятельного Чехословацкого государства. В 20-е годы, когда с особой силой развернулись процессы концентрации промышленного производства, опережающим был прирост населения крупнейших — свыше 100 тыс. жителей — городов. Однако темпы роста этой категории городов были в 20-е годы ниже по сравнению с периодом рубежа веков⁵⁵. Тогда, как и в целом в первой половине XX в., в отличие от второй половины XIX в. связь процессов урбанизации и индустриализации ослабевает. Темпы роста численности населения, занятого в промышленности, прежде совпадавшие с ростом городского населения, в 1900—1921 гг. уже в три-четыре раза ниже последнего, а в 1921—1950 гг. динамика этих двух показателей имеет даже противоположную направленность, так как количество занятых в промышленности и строительстве в Чешских землях в этот период снижается⁵⁶.

* * *

В городском индустриальном обществе складываются принципиально новые формы жизнедеятельности человека, всего его бытия. Они проявляются прежде всего в основных характеристиках человеческого существования, заключающихся в парадигмах "жизнь—смерть", "родители—дети", "мужчина—женщина". Смена их происходит в процессе демографической революции, или демографического перехода от традиционного типа естественного воспроизводства населения к современному (рациональному, интенсивному)⁵⁷.

Сложные и многообразные по содержанию перемены в самой сути межчеловеческих отношений представляют собой неотъемлемый атрибут комплексной революции современности. Степень социальной обусловленности демографических сдвигов возрастает по мере их реализации, т.е. по мере формирования личностной основы поведения человека. Подчиненность его в сословном обществе прежде всего традиций сменяется на начальных этапах демографической революции — при переходе от феодализма к капитализму — непосредственной материальной обусловленностью существования в системе этих отношений. Возникает достаточно тесная зависимость между состоянием экономики и популяционным развитием. На более поздних этапах демографической революции внешние (экзогенные) факторы человеческой практики уступают место внутренним (эндогенным) и устанавливается предопределенность этой практики социокультурными характеристиками самой личности.

Начало первой фазы демографической революции в Чешских землях относят к 30-х годам XIX в., хотя, как и промышленная революция, она подготавливалась предшествующим периодом, с конца XVIII в. Девятнадцатый век изменил популяционные законы феодализма и начал новый период в развитии народонаселения Чешских земель. Становится возможным относительно быстрый рост численности населения. Систематический характер этот рост приобрел уже с 1814 г., а всего к 1846 г. эта численность увеличилась на $\frac{2}{3}$, достигнув 6,5 млн человек⁵⁸.

На первом этапе демографической революции сдвиги в типе естественного воспроизводства населения происходят медленно. Рождаемость, достигшая своего максимума в начале 20-х годов и несколько снизившаяся к их концу, стабилизировалась на уровне 38—40%. Довольно постоянными величинами характеризовалась и смертность (29—31%)⁵⁹. Уходит в прошлое эпидемии — главная причина повышенной смертности в доиндустриальном обществе. Но вследствие медленного роста уровня жизни в течение всего XIX в. практически неизменной остается смертность детей в возрасте до одного года. Не повышается и продолжительность жизни, составляющая в середине XIX в. в среднем около 33 лет. В целом для первого этапа демографической революции характерна все еще высокая рождаемость и несколько ниже ее — относительно стабильная — смертность.

На этом этапе повышается брачный возраст и увеличивается доля населения, не вступающего в брак. Именно тогда в условиях экономической нестабильности, вызванной началом промышленной революции, увеличивается доля населения, не вступающего в брак из материальных соображений. С первой трети прошлого века в Чешских землях получает распространение так называемый европейский тип брачности XIX в. Он характеризуется высокой долей не вступающих в брак мужчин и женщин в возрасте 20—29 лет (средний брачный возраст мужчин — 29, женщин — 26 лет), а также женщин, достигших 50-летнего возраста, но оставшихся незамужними (10—15%)⁶⁰. Этот тип брачности преобладает среди населения Чешских земель вплоть до поколения 1910 г. Первая фаза сознательного ограничения рождаемости и вызвана откладыванием вступления в брак. Большая доля незамужних женщин моложе 30 лет становилась особенно типичной для областей с высокой женской занятостью, прежде всего текстильных, городских агломераций. Так, в Праге замужние женщины в возрасте 20—39 лет составляли треть их общей численности⁶¹.

В период экономического подъема на рубеже 60—70-х годов произошел первый длительный процесс роста брачности. Ему соответствовало и увеличение рождаемости, максимум которой пришелся на 1873 г. В последней четверти XIX в. экономическое развитие всего общества и благосостояние отдельных его социальных слоев достигают такого уровня, когда материальная обусловленность вступления в брак теряет свое прежнее значение.

Наибольший рост брачности и рождаемости зарегистрирован в 70—80-е годы в новых промышленных центрах с развивающейся тяжелой промышленностью. Прилив сюда в этот период молодежи привел к снижению брачного возраста, а недоступность форм производственной деятельности, распространенных здесь, женскому населению (в физическом или квалификационном смысле) предопределила их относительно низкую занятость на промышленных предприятиях. Особенно это касалось районов угледобычи. Например, в Теплице и Усти-на-Лабе — центрах угледобычи — доля женщин среди промышленных рабочих в 1880 г. составляла всего 18% и даже в Праге 24%⁶².

Сдвиги в естественном воспроизводстве населения на первом

этапе демографической революции имели второстепенное значение по сравнению с переменами в социально-экономической структуре населения и его миграционной подвижностью. Однако к концу XIX в. положение меняется.

Второй этап демографической революции пришелся на период технического переворота и второй волны урбанизации, вызвавшей в Чешских землях рост крупных городов и развитие городской культуры. Уже в основном завершаются массовые перемещения в системе занятости и расселения. В условиях относительной стабилизации этих процессов совершается переход к вертикальной социальной мобильности (рост квалификации, изменение социально-профессионального статуса). Только тогда, по существу, и формируется новый тип воспроизводства населения Чешских земель, т.е. совершается еще один решающий шаг на пути модернизации общества. На втором этапе демографической революции закладывается фундамент современной личности и завершается формирование социокультурных типов индустриального общества.

В Чехии вторая фаза демографической революции пришла на 1880—1925 гг., в Моравии — на 1900—1930 гг., в Силезии — на 1910—1935 гг.⁶³ Это было время крупных сдвигов в развитии чешской популяции, когда реализовывались процессы, подготовленные в течение длительной первой фазы демографического перехода. Вторая его фаза в Чешских землях оказалась вдвое короче первой, но результаты ее проявились на фоне предшествующей особенно ярко. По срокам прохождения решающей фазы демографической революции Чешские земли относятся к числу наиболее развитых в Европе⁶⁴.

Коренное изменение в результате индустриализации условий жизни широких слоев населения вслед за структурой его занятости и расселения к концу XIX в. дошло до каждой семьи. Оно оказалось определенное влияние на мировоззрение индивида, рост общественной ценности которого расширил круг его потребностей и привел к формированию личностной основы сознания. Все это и проявилось в характере динамики демографических показателей.

Тенденция роста рождаемости, существовавшая на заключительном этапе промышленной революции, в третьей четверти XIX в., сменяется обратной. В. Срб. и М. Кучера считают 1873 г. переломным в движении населения⁶⁵. Рождаемость, достигнув тогда своего максимального значения (39,7%), как и в большинстве западноевропейских стран, начинает снижаться. Этот спад, первоначально связанный с экономическим кризисом, стал постоянным, хотя сначала довольно медленным. Темпы его возросли после 1900 г.⁶⁶ Всего за 15 лет, с 1900 по 1914 г., рождаемость в Чешских землях снизилась более чем на четверть (до 26%)⁶⁷. Сдвинутые по времени сроки этого процесса объясняются относительной стабильностью демографического поведения бывших сельских жителей после переезда их в город. Так, плодовитость женщин в немецких семьях Праги в 90-е годы была почти на треть ниже, чем в чешских. Причина этого кроется, как определяет Я. Гавранек, "в различном менталитете первого

поколения горожан, выросших в селе, по сравнению со старыми городскими семьями”⁶⁸. Однако это ускорило там рост доли чешского населения.

Сдвиги в рождаемости были характерны прежде всего для крупных городов — проводников нового типа воспроизводства населения. Поэтому формирование городской культуры, произошедшее в Чешских землях к началу XX в., и обусловило резкий рост темпов снижения рождаемости. Он был связан с увеличением расходов на воспитание детей, получившем распространение в этих городах уже с конца XIX в., с уменьшением там детской смертности в результате улучшения санитарно-гигиенических условий⁶⁹.

Однозначную направленность и высокие темпы процесса снижения рождаемости сохранил до начала второй мировой войны. К 1936—1937 гг. рождаемость достигла своего минимума (14,9—14,7%), или 38,3% от ее показателей за 1870—1974 гг.⁷⁰ Утверждался тип малочисленной семьи, где планируется не более двух детей. Носителями новых норм репродуктивного поведения выступили мелкая и средняя городская буржуазия⁷¹.

Рост удельного веса рабочего класса города при значительном снижении его брачной рождаемости в 20-е годы XX в. свидетельствовал о том, что основным источником его пополнения в этот период уже не был аграрный пролетариат, стоявший пока в стороне от процессов демографической революции. Это было десятилетие крупных перестроек уже в самой городской среде, когда взаимоотношение городского и сельского социумов ушло на второй план.

Переход к новому типу воспроизводства населения Чешских земель выразился прежде всего в спаде рождаемости. Другим проявлением демографической революции было снижение брачного возраста, рост брачности и некоторое увеличение доли населения, живущего в браке, уже в начале XX в. Достигнув своих минимальных значений к 1880 г., когда из 100 человек в возрасте 20—40 лет 45 мужчин и 37 женщин оставались неженатыми и незамужними, показатели брачности начинают свой возвратный рост к уровню, более характерному для периода феодализма, чем для эпохи промышленной революции⁷².

Почти одновременно, но все-таки несколько позже, чем рождаемость, в Чешских землях начинает снижаться смертность. Оба процесса взаимосвязаны, однако ни в 70-е, ни в 80-е годы XIX в. в показателях смертности (чуть меньше 30%) не произошло значительных изменений. В этот период средняя продолжительность предстоящей жизни (вероятность ребенка дожить до определенного возраста) все еще составляла 33 года для мальчиков и 37 — для девочек⁷³. Лишь с середины 90-х годов наблюдается коренной поворот в динамике смертности в результате назревших к этому времени изменений в уровне и условиях жизни прежде всего в крупных городах. Уже к 1913 г. смертность сократилась на треть, достигнув 18,7%, т.е. даже в еще большей степени, чем рождаемость⁷⁴.

Если в качестве определенного рубежа существенного подъема уровня жизни населения в период новой истории принять уменьшение смертности ниже 20%, то Чешские земли подошли к нему незадолго до

первой мировой войны. По сравнению со странами Западной Европы спад смертности в Чешских землях произошел с опозданием⁷⁵. Предшествовавшее ему снижение рождаемости совпало по срокам с общеевропейским процессом.

Итак, до конца XIX в. в Чешских землях сохранялся способ воспроизведения, характеризующийся высокой рождаемостью и смертностью, или быстрой сменой поколений. Рубеж веков стал временем больших перемен в популяционном развитии. К началу первой мировой войны эти перемены охватили широкие слои городского населения. Произошла значительная дифференциация показателей естественного движения населения, характерных для отдельных его групп⁷⁶.

Особенно большими были различия в уровне плодовитости⁷⁷. Изменение плодовитости — характерная реакция населения индустриального общества на новый образ жизни и ее уровень. Общей закономерностью динамики показателя супружеской плодовитости является ее снижение по мере модернизации общества, несмотря на постоянно возрастающую брачность. Это снижение обусловлено глубокими изменениями в жизни семьи, перемещенной из сельской среды в городскую. Крупный город, предоставляющий женщине возможности производственной деятельности вне семьи, становится центром распространения новых репродуктивных норм.

“Снижение плодовитости, характерное для второй фазы демографической революции, было неповторимым явлением, значительно изменившим способ воспроизведения населения”, — пишет чешский демограф Л. Фиалова⁷⁸. Спад супружеской плодовитости начался в Чехии в 1880 г. и продолжался 45 лет, в Моравии — в 1900 г. (30 лет) и в Силезии — в 1910 г. (25 лет). Чем позже начинался этот процесс, тем короче он оказывался⁷⁹. Эта закономерность подтвердилась и в практике наций и стран, в которых индустриализация и демографическая революция пришли уже на период после второй мировой войны.

Раньше всего снижение плодовитости произошло в районах, близких к двум его очагам — пражской и либерецкой агломерациям. Процесс этот шел здесь необычайно быстро уже в 1880—1900 гг. К концу XIX в. он привел к столь низким показателям плодовитости, что это уже могло означать наступление радикальных изменений в популяционном климате⁸⁰. В Праге, численность населения которой в 90-е годы росла наиболее быстро, а также в текстильных районах ранней индустриализации северной и северо-восточной Чехии, переживавших в период промышленной революции стагнацию и даже депопуляцию, была наивысшая занятость женского населения в индустрии. Текстильные районы отличались очень низким уровнем плодовитости преимущественно немецкоязычного населения.

У горожан снижение плодовитости, характерное для второй фазы демографической революции, было завершено к концу 20-х годов XX в., у сельских жителей — в течение 30—40-х годов, т.е. через одно поколение⁸¹.

С начала XX в. особенно возросли различия в уровне плодовитости

сельскохозяйственного и остального населения. Позже всего — лишь перед первой мировой войной — начался спад плодовитости населения угледобывающих районов, который, впрочем, завершился в отличие от аграрных уже к началу 30-х годов⁸². В целом дифференциация отдельных районов Чешских земель по уровню плодовитости, сложившаяся уже на первом этапе демографической революции, к 70-м годам XIX в., постоянно увеличивалась. Она особенно ускорилась после 1900 г. К 1921 г. уровень этой дифференциации достиг своего максимума. Затем началось постепенное территориальное выравнивание показателя плодовитости, но уже на более низком уровне⁸³.

Перед началом второй мировой войны в Чехословакской Республике был минимальный уровень плодовитости. Становится характерной относительная однородность репродуктивного поведения отдельных социальных и территориальных групп. Уровень рождаемости приблизился к простому воспроизводству. Завершился переход к современному типу репродуктивного поведения, характеризующемуся высокой долей живущих в браке, но одновременно низким уровнем супружеской плодовитости. Рождаемость стала регулироваться прежде всего внутренними — личностными — механизмами, а не внешними — экономическими или внешнеэкономическими факторами.

Изменение характера естественного воспроизведения населения в Чешских землях на рубеже XIX и XX вв., его интенсификация, имели далекоидущие социокультурные последствия. Но главное — это был поворотный момент в судьбах женского населения, социальном положении, всей системе деятельности, отношений и сознания женщины. Рост ее экономической активности, вызванный промышленной революцией, стал возможен только в результате утверждения нового типа семьи — малочисленной.

Массовый рост производственной активности женщин раньше всего начинается в пролетарских семьях: уже в 1880 г. в Чешских землях был 1 млн работниц, тогда как рабочих всего на 350 тыс. больше. Однако если почти половину мужского рабочего класса составляли занятые в промышленности, то 55% женского — в сельском хозяйстве и лишь четверть их приходилась на индустриальный пролетариат. Поэтому убыль аграрного рабочего класса, произошедшая в Чешских землях на рубеже веков, коснулась прежде всего женщин. Однако из совокупного прироста рабочих мест в 1890—1910 гг. в индустрии лишь 2% (без текстильной промышленности) предназначалось для женщин. Развивающаяся опережающими темпами промышленность нуждалась в рабочих-мужчинах.

Женщины же заменили мужчин в аграрном секторе экономики, но уже в ином социальном качестве — как мелкие предприниматели, а не рабочие. Рост численности мелких индивидуальных производителей в сельском хозяйстве привел к увеличению там категории самостоятельных собственников из числа женского населения в большей степени, чем из мужского. Одновременно возросла предпринимательская деятельность женщин и в сфере обслуживания: из полумиллиона самостоятельных хозяев, появившихся там в 1890—

1910 гг., 71% составляли женщины. Среди новых контингентов служащих на женщин приходилась треть⁸⁴. Т.е. вовлечение женщин в общественное производство осуществлялось через отрасли, связанные прежде всего с хозяйственной деятельностью в рамках семьи (сельское хозяйство, мелкая торговля, услуги)⁸⁵.

И все же изменение социально-экономического положения женщин на рубеже веков было столь значительно, что сыграло далеко не последнюю роль в позитивном повороте динамики их смертности по сравнению со смертностью мужчин. Существовавшее до этого явление, именуемое в демографии сверхсмертностью женщин, сменяется сверхсмертностью мужчин, характерной для индустриального общества⁸⁶. С 30-х годов XX в. устанавливается явное превышение смертности мужчин старше 40 лет по сравнению с женщинами того же возраста. Условия этого сдвига были созданы не только в результате изменения структуры смертности (уменьшение опасности инфекционных заболеваний, повышенной для женщин, и увеличение смертности от так называемых внешних причин среди мужчин), но и в результате завершения демографической революции, достижения относительного равноправия женщин в создании и потреблении материальных и культурных ценностей.

СЛОВАЦКАЯ НАЦИЯ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Уже на начальных этапах промышленной революции — в 40-е годы XIX в. — выявилась ее асинхронность для Чешских земель и Словакии, стали складываться качественные различия в уровнях их экономического развития. Они углубились в следующие десятилетия⁸⁷.

Промышленная революция в Словакии, как и в целом в Венгрии, началась более чем на полвека позже, чем в Чешских землях, и происходила гораздо медленнее. Предпосылки развития современной индустриальной структуры стали в Словакии создаваться с 90-х годов XIX в., когда в Чешских землях уже в основном сложилось фабричное производство. Однако с конца 90-х годов Словакия явно передвигается на периферию процессов индустриализации в Венгрии. Формирование там общенационального рынка сопровождалось смещением центра тяжести развития экономики к югу⁸⁸.

Процессы промышленного развития в Словакии на рубеже веков имели в основном очаговый (и в отраслевом и в территориальном смысле) характер. Индустриализация достигла там лишь отдельных, частных результатов, не приведя к коренным переменам в экономической и социальной жизни. Словакия оставалась преимущественно аграрной: доля населения, занятого в сельском хозяйстве в 1910 г., более чем втрое превышала долю населения в промышленности и ремеслах (соответственно 61,8% и 19,6%)⁸⁹. Еще ниже были темпы снижения доли сельского населения: в 1869—1910 гг. с 81 всего до 77%⁹⁰.

Медленно развивавшаяся промышленность была не способна поглотить и тот относительно невысокий прирост рабочего класса,

который произошел в Словакии во второй половине XIX в. Центры развития индустрии не могли принять и части рабочей силы из рядов многочисленного подвергавшегося пролетаризации сельскохозяйственного населения. Оно искало себе применения за пределами своего места жительства, но было вынуждено сохранять связи с селом в условиях постоянного превышения предложения рабочей силы над ее спросом.

Свыше половины всего активного населения, занятого в сельском хозяйстве, уже в 1869 г. составляла сельская беднота. Быстрая пролетаризация сельского населения намного опережала индустриализацию в Словакии. Существовало огромное скрытое аграрное перенаселение словацкой деревни. В 1910 г. около трети собственников земель в Словакии имело другое, помимо сельского хозяйства, занятие⁹¹. Упадок и пролетаризация крестьянства с начала 80-х годов XIX в. привели к его массовой эмиграции, главным образом в быстро развивающиеся промышленные и сельскохозяйственные районы Венгрии, и прежде всего в Будапешт. В результате Словакия потеряла в 1869—1910 гг. половину естественного прироста населения, или 587,4 тыс. человек (в том числе 80% — деревенская беднота)⁹². А всего за период капитализма отсюда выехала треть всей нации.

На формирование словацкой нации — ее численность и состав — большое влияние, помимо массовых переселений за пределы этнической территории, оказали процессы национальной ассимиляции. Они получали особенно большое распространение по мере развертывания индустриализации. За три ее десятилетия (1880—1910 гг.) лишились своей национальности 300 тыс. словаков⁹³. А в целом за 120 лет, предшествующих переписи 1910 г., мадьяризации подверглось свыше полумиллиона словаков⁹⁴. Процессы национальной ассимиляции словаков особенно стимулировались возросшей мобильностью населения, поскольку наиболее активно они происходили в городской среде.

Население Словакии занимало преимущественно нижние ступени социальной иерархии. Чем выше было социальное положение той или иной группы словацкого общества, тем меньше в ней было представлено словаков и, напротив, больше венгров. Среди торговцев и финансистов их было соответственно 19,1% и 54,1%, среди крупных землевладельцев — 15,1% и 69,2%. Немногочисленная и слабая словацкая буржуазия быстро ассимилировалась не только в результате политического нажима, но и в обстановке экономической зависимости⁹⁵.

Наименее благоприятным было соотношение представителей венгерской и словацкой национальностей в среде интеллигенции: 73,9% и 13,7%. Национальная интеллигенция не превышала нескольких процентов среди ученых, деятелей искусства и образования Словакии, в системе управления⁹⁶. Вместе с тем среди полупролетарских слоев сельских жителей, владеющих небольшими участками земли, соотношение словаков и венгров составляло 70,0% и 21,6%. Рабочий класс, занятый в промышленности и на транспорте, составлял в Словакии всего 13,4% пролетариата, а в непроизводственных отраслях — 4%⁹⁷. Консервировался тип коворольника, которому промышленность не могла предоставить достаточных средств для существования.

Социальная основа формирующегося индустриального общества в Словакии в начале XX в. была крайне узкой. Сохранялся его аграрный характер: большинство населения жило за счет сельскохозяйственной деятельности. Рост занятости в промышленности Словакии в 1890—1910 гг. не был адекватен даже росту численности населения, несмотря на сотни тысяч эмигрировавших в этот период.

После первой мировой войны на территории Словакии сосредоточивалось менее $\frac{1}{5}$ индустриальных мощностей бывшей Венгрии, что составляло чуть больше 8% промышленного потенциала новой Чехословакии⁹⁸. В ее границах объединились две этносоциальные общности, находящиеся на различных уровнях цивилизационного развития.

В межвоенный период словацкая нация была одной из немногих в Европе наций, в составе которых увеличивалась численность сельскохозяйственного населения и не сокращался его удельный вес в общем количестве жителей⁹⁹.

Соотношение аграрного и индустриального населения Чешских земель и Словакии было почти обратно пропорциональным. Данные о структуре занятости по основным секторам экономики в двух частях страны сохраняют относительную стабильность по результатам переписей 1910, 1921, 1930 гг. Это означает, что Чешские земли в межвоенный период остаются преимущественно индустриальными, а Словакия — аграрной¹⁰⁰.

В 20-е годы прирост занятости в промышленности находился в Словакии на более низком уровне по сравнению с Чешскими землями¹⁰¹. Относительно постоянной оставалась доля Словакии в промышленном производстве страны, как и численность ее рабочего класса и буржуазии. Последняя составляла здесь лишь 0,3% населения¹⁰².

Включение Словакии в рамки чехословацкой государственности и процессы демадъяризации ее общественной жизни привели к некоторому усилению позиций словацкой буржуазии. Однако она сохранила свое второстепенное по отношению теперь уже к чешским и иностранным предпринимателям положение. В большей степени увеличилась доля государственных служащих, включая их высшие слои, а также работников сферы образования, связи, представителей свободных профессий из числа лиц словацкой национальности¹⁰³.

В 1930 г. более трети работающих в сельском хозяйстве Словакии имело дополнительные источники доходов: сохранялась высокая аграрная перенаселенность¹⁰⁴. Не возросла и занятость населения. В 1930 г. на 100 экономически активных приходилось 95 иждивенцев в Чехии и 154 — в Словакии, что даже на четыре человека больше, чем в 1910 г.¹⁰⁵

В 20-е годы в условиях демадъяризации словацкой экономики процессы индустриализации затормозились и, по существу, свелись к структурным — в отраслевом и территориальном аспектах — сдвигам в промышленности. Произошло очередное перемещение центра тяжести развития промышленности Словакии теперь уже на запад, точнее, из средней Словакии в западную. В межвоенной Чехословакии, как и в прошлом в Венгрии, Словакия выполняла лишь дополняющую по

отношению к их более развитым экономическим системам роль.

Вместе с тем в результате быстрого и широкого развития национальной системы образования в межвоенное двадцатилетие произошел существенный подъем уровня образования населения Словакии, как и в целом республики. Это был период прохождения последней фазы распространения грамотности среди словаков.

Однако, по подсчетам М.Н. Кузьмина, за период буржуазной республики медианный уровень образования вырос в целом в Чешских землях с 6,36 лет в поколениях 1896—1900 гг. рождения до 7,62 лет в поколениях 1916—1920 гг. рождения, а в Словакии — соответственно с 5,25 до 6,18 лет¹⁰⁶. Т.е. отличие западной и восточной частей страны и по этому показателю несколько увеличилось. Доля лиц с образованием выше начального возросла в Словакии в указанных выше поколениях с 9,6% до 27,8%. Однако в Чешских землях этот рост был еще значительнее — с 35,1 до 65,4%¹⁰⁷.

Типичным для Словакии явлением оставалась диспропорция в уровне образования городского и сельского населения¹⁰⁸. Очаги индустриализации (Гандловский угольный бассейн, район Брезно) и прежде всего два крупнейших города — Братислава и Кошице, были там основными центрами сосредоточения образованных слоев населения, контрастирующими с отсталыми сельскохозяйственными районами, которые их окружали. На фоне практически полной религиозности населения Словакии Братислава и Кошице выделялись и наличием там 2—3% неверующих жителей¹⁰⁹.

Заключительная фаза капиталистической индустриализации Словакии пришла на период существования самостоятельной Словацкой Республики. В 1939—1943 гг. в ее промышленности резко возросла доля немецкого капитала, но определенный стимул развития получила и национальная буржуазия. Возросли перспективы социального продвижения для части словацкой интеллигенции¹¹⁰.

В 1939—1943 гг. на территории Словакии возникли 169 новых промышленных предприятий и 51 — расширило производственные программы. Рост промышленного производства сопровождался увеличением индустриальной занятости в 1937—1943 гг. наполовину. Удельный вес занятых в сельском, лесном хозяйстве и рыболовстве снизился в 1940—1946 гг. с 52,0 до 48,1% вслед за начавшимся в 30-е годы сокращением их абсолютной численности. Одновременно доля занятых в промышленности и ремеслах увеличилась с 21,0 до 22,7%¹¹¹. Наиболее высокими темпами росли ряды словацкого рабочего класса. Военная конъюнктура сделала возможными существенные изменения в социально-экономической и социально-профессиональной структуре населения, произошедшие уже к середине 1943 г. Вместе с тем Словакия так и сохранила свой традиционный, преимущественно аграрный характер. Важнейшие завершающие этапы затянувшегося процесса индустриализации Словакии пришли уже на послевоенный период.

* * *

Результатом промышленной революции, развернувшейся в конце XIX в. в Словакии, стали образование там еще большего избытка

рабочей силы и рост ее переселенческой активности, максимум которой пришелся на 1905—1907 гг. Значительной была эмиграция. Поэтому на рубеже веков центр тяжести процессов концентрации населения в этой аграрной части монархии смещается за пределы национальной территории.

В 80-е годы XIX в. начался заметный рост численности городского населения Словакии. Он усилился в 90-е годы, когда начали появляться центры крупной промышленности, и еще в большей степени после 1900 г.¹¹² Если в 1869—1900 гг. население 40 словацких городов увеличилось с 268,4 тыс. до 360,8 тыс. человек, то в следующее десятилетие оно достигло уже 529,1 тыс.¹¹³ Однако крупных изменений в структуре населения в эти годы так и не произошло. Если в 1869 г. в 40 городах Словакии жило всего 10% населения, как и в начале XVIII в., то к 1910 г., по подсчетам Л. Тайтака, его доля увеличилась всего до 17%¹¹⁴. Наиболее интенсивное развитие в этот период получили центры складывающейся промышленности, одновременно являющиеся транспортными узлами — например, Жилина, Попрад и др. Фактор географического положения и особенно положения по отношению к главным железнодорожным трассам имел первостепенное значение для формирования сети городов Словакии в этот период.

Урбанизационные процессы сопровождались концентрацией населения в крупных пунктах. Всего три города Словакии — Братислава, Кошице и Комарно имели в 1910 г. свыше 20 тыс. жителей. Располагались они на периферии территории словацкого этноса. И. Турзо приводит данные статистики о численности населения словацких городов до 1918 г., свидетельствующие о том, что наибольшая концентрация словаков наблюдается либо на окраинах их этнической территории, либо за ее пределами¹¹⁵.

В процессе индустриализации происходила мадьяризация словацких городов и промышленных центров. Развитие их осуществлялось при активном участии квалифицированной рабочей силы венгерского происхождения — служащих, специалистов среднего уровня, рабочих. На них пришла значительная часть прироста численности городского населения Словакии на рубеже веков. В 1880—1910 гг. венгерское население 40 городов увеличилось на 168,0%, а словацкое — всего на 6,6%¹¹⁶. В результате доля словаков среди горожан уменьшилась в 1880—1900 гг. с 50 до 35,1%, а венгров, напротив, возросла с 26,4 до 50,8%¹¹⁷. Города, которые еще в середине XIX в. были преимущественно словацкими, к началу XX в. потеряли свой национальный облик. Это касалось и двух крупнейших с 1869 г. и по нынешний день городов — Братиславы и Кошице¹¹⁸.

На рубеже веков в Словакии практически не было крупного национального центра. Городом с наибольшим количеством словацкого населения, особенно национального рабочего класса, стал Будапешт. Максимальный удельный вес словаков приходился на малые города и mestечки, такие, как Мартин, Тисовец и др.¹¹⁹

Словацкие города все больше становились центрами венгерской культуры и проводниками мадьяризации этой части монархии. Таким образом, в условиях индустриализации рубежа веков в Словакии

не столько расширялась, как этого следовало ожидать, сколько, напротив, сужалась социальная основа развития современной словацкой нации.

Невысокие темпы индустриализации Словакии в межвоенный период не способствовали развитию урбанизационных процессов и в условиях чехословацкой государственности. Братислава стала единственным городом Словакии, перешагнувшим в 20-е годы 100-тысячный рубеж численности своего населения (в Чешских землях таких городов было уже четыре). Здесь, как и в Праге, и Брно — формирующихся административных центрах нового Чехословацкого государства, наблюдался наиболее динамичный тогда рост численности населения, в результате которого она увеличилась на третью¹²⁰.

Основные черты размещения населения и в 1930 г. мало отличались от состояния на 1869 г. Вплоть до второй мировой войны в городах Словакии проживало менее пятой части ее населения¹²¹. Сохранялось и традиционное для Словакии чисто сельскохозяйственное окружение городов. В отличие от Чешских земель, где к этому времени уже произошло значительное смешение аграрной и внеаграрной популяций в селе, в Словакии сельскохозяйственный характер села оставался однозначным. Аграрной деятельностью в 1930 г. было занято свыше половины экономически активного населения во всех населенных пунктах с менее 5 тыс. человек (в Чешских землях их доля преобладала уже только в поселениях с менее 500 жителей)¹²².

В условиях аграрного перенаселения, когда избыток сельских жителей могла поглощать индустрия лишь двух-трех городов, большинство занятых на промышленных предприятиях составляли коворольники, связанные с селом местом жительства, приусадебным участком. Города не столько развивались, сколько, будучи неспособными выполнить классообразующую функцию по отношению к пролетарским массам, сами приобретали признаки, характерные для сельской среды. Таким образом, село в межвоенный период сохраняло свое доминирующее значение в жизни словацкого общества, оказывая сдерживающее влияние на развитие города.

Образование Чехословацкого государства вызвало значительное изменение национального состава большинства городов Словакии, которое пришлось главным образом на 20-е годы. В их демадъяризации, обернувшейся "чехословакизацией", активно участвовало чешское население. Оно заняло многие освободившиеся, особенно в сфере государственного управления, места. Именно государственные служащие составляли подавляющее большинство чехов, переселившихся первыми. Лишь позже в Словакию устремились чешские предприниматели и технические специалисты¹²³.

В середине 20-х годов высшую школу закончило первое, достаточно многочисленное поколение словацкой интеллигенции. Однако уже последующие выпуски специалистов коренной национальности все с большим трудом находили себе применение в словацком обществе, несмотря на сдвиги в его развитии и рост непроизводственной сферы в межвоенный период. Так, численность занятых в системе государственного управления в Словакии увеличилась в 20-е годы на 13,6%, а в

здравоохранения — более чем вдвое, хотя ее отставание от Чехии по этим показателям так и не было преодолено¹²⁵. Многочисленные чешские служащие сменили прежний, преимущественно венгерский аппарат управления и в целом работников непроизводственной сферы.

Развитие городов Словакии в межвоенный период проявилось прежде всего в изменениях качественного характера. Увеличилась концентрация там интеллигенции и служащих, особенно словаков. Однако развитие главным образом непроизводственной сферы городской занятости при низких показателях ее в промышленности вело к преобладанию на этом этапе главным образом административно-политических функций городов над экономическими¹²⁵.

Города Словакии в период индустриализации должны были сыграть роль очагов культуры по отношению к их отсталому в социокультурном отношении аграрному окружению, живущему полуфеодальными нормами и обычаями. Тем более велико было значение развития этих очагов, от которого зависел рост цивилизованного уровня всей нации. Однако до второй мировой войны Словакия по уровню урбанизации так и не достигла состояния ее в Чешских землях, характерного для 1890 г.

* * *

Различие типов populационного развития Чешских земель и Словакии проявилось уже в неодинаковых темпах роста населения в период капиталистической индустриализации. Численность населения, проживающего на современной территории Чешской Республики, возросла в 1869—1910 гг. с 7,6 до 10,1 млн человек, т.е. на треть. В Словакии она увеличивалась в эти годы вдвое меньшими темпами — с 2,5 до 2,9 млн человек (при еще 600 тыс. эмигрировавших оттуда)¹²⁶.

В Чешских землях демографическая революция произошла примерно в 1830—1930 гг. и закончилась в брачных когортах 1926—1930 гг. В Словакии до второй мировой войны она не пришла к своему завершению¹²⁷.

В середине XIX в. еще не существовало тех значительных отличий в рождаемости населения Чешских земель и Словакии, которые свидетельствовали бы о том, что воспроизведение его будет происходить на принципиально разных уровнях. Рождаемость выше 40% сохранилась в Словакии до конца прошлого века и лишь в 1990/1901—1910/1911 гг. начинается ее постепенное снижение¹²⁸. Только тогда с опозданием в 40—50 лет по отношению к западно-европейским странам и Чешским землям Словакия вступает в период демографической революции. Его верхняя хронологическая граница относится уже к новейшей истории.

Особенностью Словакии, как установил П. Вереш, было то, что первичным очагом распространения демографической революции оказалась даже не Братислава — ее главный город, а южные приграничные районы. Они непосредственно соприкасались с венгерскими территориями, примыкавшими к центрам этого спада в Мишкольце и Будапеште. Т.е. влияние извне оказалось в данном случае более важным, чем

собственно процессы индустриализации и урбанизации¹²⁹. Носителями тенденций демографической революции и на юге Словакии выступили не словаки, а преимущественно венгры, уровень культуры которых был выше.

Значительная пространственная дифференциация показателя плодовитости продолжала углубляться по мере нарастания с начала XX в. темпов его спада. В наибольшей степени в 1910—1920 гг. снижение плодовитости проявилось там, где низким был ее исходный уровень, прежде всего в южной Словакии. В результате в 1921/1922 г. территориальная гетерогенность этого показателя в Словакии достигает максимума¹³⁰.

Гораздо более интенсивная динамика снижения плодовитости в Чешских землях в начале XX в. привела к тому, что небольшое отличие от них Словакии еще в 1880/1881 г. возросло к 1910/1911 г. и стало особенно значительным в 1930/1931 г.¹³¹ Лишь в результате экономического кризиса 1934—1937 гг. в Словакии ускоряется снижение рождаемости, а вслед за ней и естественного прироста населения. Тогда же начинается убыль удельного веса многодетных семей. Словакия отстает в этом отношении от Чешских земель на 20—30 лет¹³². Смертность в Словакии сократилась ниже 20% в начале 20-х годов XX в., т.е. тоже примерно на два десятилетия позже, чем в Чешских землях (ниже 30% — на 50 лет позже)¹³³.

Сравнение двух национальных территорий по показателям смертности, как и рождаемости, характеризует одно и то же явление углубляющегося отставания популяционного развития Словакии в конце XIX — первой половине XX в.

Территориальная дифференциация смертности словацкого населения оставалась даже выше по сравнению с рождаемостью в силу большей социально-экономической предопределенности первой.

Сдвиги в демографических структурах населения, а тем более относительная стабилизация популяционного развития Словакии приходятся на межвоенный и в еще большей степени на послевоенный периоды. Эти процессы происходили в условиях "частичного" характера индустриализации, хронологически совпадая с ней и даже опережая ее под влиянием внешних факторов.

Крупные города Словакии — Братислава и Кошице, где раньше всего проявились результаты демографической революции, не сыграли роли очагов распространения новых норм репродуктивного поведения по всей ее территории. Неразвитость современной городской культуры означала отсутствие здесь действительного центра национальной жизни, ее интегрирующего начала. Уровень развития словацкой нации отражал незавершенность процесса модернизации ее социокультурных структур.

* * *

Конец XIX — начало XX в. — переломный период в истории чешского общества. Этим временем датируется кульминация процесса его модернизации. В целом с середины XIX в. до 30-х годов XX в. в Чешских землях прошли два этапа индустриализации, вслед за ними

два этапа урбанизации и, наконец, как результат формирования индустриального крупногородского общества — два этапа демографической революции. К концу межвоенного периода здесь фактически завершилось образование основных социально-демографических субъектов деятельности и отношений современного типа, в том числе важнейшего субъекта — чешской нации.

Совершенно иным по срокам и содержанию оказался в этот период переход словацкого общества от патриархальности к современности. Об этом свидетельствует произошедшее именно тогда — на рубеже веков — углубление различий в социальной структуре населения Словакии и Чешских земель. Более развитые соседние этносы — венгерский, а затем чешский — ассимилировали значительную часть социокультурного потенциала формирующейся словацкой нации. Важнейшим фактором еще большего замедления модернизации стал низкий уровень городской цивилизации. В условиях слабого промышленного развития закреплялась функция городов как преимущественно административно-политических центров. Такая городская среда не могла стать основой формирования социально-демографических субъектов общественной практики нового времени, центром повсеместного и всеобщего распространения культуры современного типа. Поэтому все процессы социокультурного развития приобрели в Словакии ярко выраженный "очаговый" характер.

На фоне относительной консервации структур аграрного словацкого общества произошел подъем переселенческой активности сельскохозяйственного населения в поисках дополнительных заработков. Возникли многочисленные слои с двойным или переходным социальным статусом — коворольники. Главный и завершающий этап модернизации Словакии должен был прийтись уже на период после второй мировой войны. Его отделяло от аналогичного этапа истории чешского общества более полувека.

Важнейшее значение в этом послевоенном процессе, затрагивающем все стороны жизни социума и личности, имело развитие социально-экономических структур словацкого общества. Однако совершившийся тогда переход к новому типу общественных отношений предопределил тип начавшейся индустриализации, ее цели и характер локализации. Форсированная индустриализация подчинила исторические судьбы чешской и словацкой наций общим закономерностям "строительства социализма". Произошедшие в 1948—1989 гг. изменения социокультурной структуры населения Чешских земель и Словакии по масштабам и общественной значимости сравнимы со всем рассмотренным выше периодом второй половины XIX — 30-х годов XX в.

Глава II

ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ И СТАТУС РАБОТНИКА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Социокультурные перемещения населения Чехословакии в течение всего послевоенного периода в той или иной мере вызваны коренными преобразованиями системы общественных отношений и — главное — отношений собственности, которые завершились вскоре после февральских событий 1948 г. К 1951 г. практически все предприятия сферы промышленности, строительства, транспорта и торговли стали составной частью социалистического сектора экономики¹. Еще через десять лет в Чехословакии было провозглашено завершение переходного от капитализма к социализму периода.

Процесс огосударствления собственности, получивший название обобществления, в конечном счете и повлек за собой в 50-е годы изменение важнейших сторон жизнедеятельности подавляющего большинства населения вслед за приобретением им нового положения в обществе. В течение этого десятилетия сложилась принципиально новая социальная структура населения. Произошло подавление самых общественно активных и обладающих наибольшим культурным потенциалом социальных субъектов. Был сделан шаг назад от классовой структуры общества современного типа к структуре населения сословно-иерархического типа. Процессы деклассирования охватили практически все группы населения. Переход к новой его социальной структуре приобрел характер настоящего социокультурного переворота.

Вторая половина 40-х—50-е годы стали поворотным пунктом в судьбах той многочисленной в Чехословакии группы, к которой принадлежали лица, занятые всеми видами частнопредпринимательской деятельности. Эта группа людей практически перестала существовать. Чрезвычайно быстро и особенно радикально по сравнению с другими странами региона прошла здесь ликвидация мелкого городского предпринимательства.

Более продолжительным этот процесс оказался в сельской местности. После завершения к 1960 г. процесса кооперирования сельского хозяйства в руках крестьян-единоличников осталось лишь 7,5%

Таблица 1. Динамика социальной структуры населения (%)²

Социальная группа	Чешские земли		Словакия	
	1950 г.	1961 г.	1950 г.	1961 г.
Рабочие	59,0	56,5	49,5	55,9
Служащие	18,5	30,0	11,1	23,0
Кооперированные крестьяне	0,0	9,6	0,0	13,1
Члены других производственных кооперативов	0,0	1,3	0,0	0,9
Крестьяне-единоличники	15,7	2,1	32,2	6,8
Мелкие предприниматели, лица свободных профессий	3,4	0,4	4,9	0,3
Буржуазия	3,4	—	2,3	—

сельскохозяйственных площадей в Чешских землях и 19,5% — в Словакии, главным образом в горных районах, где крупное производство было невозможн³. Это состояние относительно стабилизировалось. Переход бывших крестьян-единоличников в ряды кооперированного крестьянства сопровождался резким сокращением численности занятых аграрным трудом. Причем отток населения из сельского хозяйства часто принимал стихийный характер, далеко превышая запланированный. "Численность, положение и социальный престиж крестьянства в этот период имели тенденцию снижения"⁴. Аграрная занятость в 1948—1960 гг. сократилась более чем на треть, главным образом за счет мужчин и молодежи. В следующее десятилетие этот отток уменьшился.

Превращение мелких городских и сельских собственников в наемных работников государственного сектора экономики представляло собой в совокупности наибольший социальный сдвиг в структуре чехословацкого общества. Это сдвиг до основания изменил судьбы и взгляды почти 3 млн человек.

"Классовое перерождение" самостоятельных производителей сопровождалось увеличением численности служащих в условиях создания и развития административно-директивной системы управления обществом. Социальная группа "служащие", к которой чехословацкая статистика относит работников, занятых умственным, организаторским или канцелярским трудом, возросла в 1950—1961 гг. в целом по стране с 2,0 до 3,8 млн человек, достигнув 28% всего населения. Существенное расширение рядовправленческих и технико-экономических работников во всех отраслях народного хозяйства было связано с кардинальным изменением структуры интеллигенции по ее происхождению.

После февраля 1948 г. интеллигенция пополнялась многочисленными выходцами из рабоче-крестьянской среды, часть которых получала образование на различных курсах и посредством других экстренных форм обучения. Система образования в этот период пополнилась различными каналами подготовки, предоставлявшими их выпускникам,

главным образом из рабочих и крестьянских семей, широкие возможности социальной мобильности. Тем не менее в 1960 г. в Чехословакии 45% ИТР и 58% служащих имели лишь восьмилетнее образование. Высшее образование было всего у 11% директоров предприятий. В промышленности свыше половины ИТР не обладали необходимым образованием, в том числе и 72% директоров промышленных предприятий⁵. Еще хуже была ситуация в сельском хозяйстве, где подавляющее большинство управляемцев были вынуждены опираться в своей деятельности только на свой практический опыт⁶. Представители низших ступеней социальной иерархии встали во главе ее, вытеснив наиболее общественно активные предпринимательские и интеллигентские слои населения. Социокультурная структура общества была поставлена "с ног на голову".

Ликвидация предпринимательства в Чехословакии в 50-е годы привела к сокращению занятости в торговле и сфере услуг в пользу быстрого роста ее в промышленности. Однако на фоне этого роста невысокими оставались пополнения занятости в рабочих профессиях в промышленности. В целом доля рабочего класса существенно не изменилась, хотя сблизились показатели для Чешских земель и Словакии, где эта социальная группаросла наиболее интенсивно в 60-е годы. Определенный прирост количества рабочих в Словакии происходил и в следующие два десятилетия⁷. Гораздо большее по значению было изменение не общих показателей, а внутренней структуры и состава рабочего класса.

Относительно стабильным был в 50—60-е годы удельный вес неквалифицированных рабочих (около 18%). Доля получивших профессионально-техническую подготовку в отраслях, где они работают, не превышала трети⁸. Процент квалифицированных рабочих сокращался, и большинство составили в 50-е годы малоквалифицированные⁹. Уже к началу 60-х годов средняя зарплата промышленных рабочих оказалась ниже среднегосударственного уровня, что дало новый стимул их текучести в поисках более высоких доходов. Кадровые рабочие (по крайней мере, во втором поколении) составляли в 1967 г. менее половины чехословацкого пролетариата¹⁰. Возросшая потребность в малоквалифицированных работниках была вызвана переходом к новому типу промышленного развития страны.

Процесс огосударствления собственности на практике был тесно взаимосвязан с процессом форсированной индустриализации. Превращение представителей различных социальных групп населения, утерявших в ходе обобществления свой прежний статус, в государственных наемных работников происходило одновременно с резким ростом занятости в промышленности. Экстенсивный тип ее развития предполагал постоянно возрастающую потребность в новых материальных и людских ресурсах. Перераспределение их сочеталось с созданием новых производственных мощностей и переходом к всеобщей занятости населения. Именно эти процессы, составляющие сущность первого этапа "социалистического строительства", который начался в Чехословакии в феврале 1948 г. и завершился в первой половине 60-х годов, предопределили исторические судьбы всех стран и наций Восточно-

европейского региона. Вместе с ними Чехословакия встала на путь коренных общественных преобразований, включившись в новую для нее систему экономических отношений.

Годы первой пятилетки (1949—1953) стали временем коренного поворота во внутриэкономической политике страны и характере ее участия в международном разделении труда. Однако за переменами в структуре производства Чехословакии стоял переворот в социально-культурной структуре ее населения: сдвиги в общественном положении и сознании приобрели массовый характер. Потребность в этих сдвигах была вызвана несоответствием достигнутого к февралю 1948 г. уровня общественно-экономического развития Чешских земель курсу на "социалистическое строительство". Это несоответствие породило в чешском обществе активные процессы возвратного характера. Важнейшим среди них в 50-е годы стала реиндустриализация. Чехия и Моравия, т.е. западная часть страны, где концентрировался ее промышленный потенциал, в годы первых пятилеток явились центром тяжести реализации одной из основных закономерностей "социалистического строительства" — индустриализации.

Чешское общество в 50-е годы было вовлечено в процесс пролетаризации населения, формально напоминающий первую стадию развития индустриальной цивилизации. Преимущественно нисходящая направленность такого рода социальных перемещений подразумевала в соответствии с концепцией "социалистической индустриализации" превращение всего трудоспособного населения и прежде всего его средних слоев в отчужденных от собственности наемных работников. По существу, речь шла об их ресоциализации. И главным ее объектом в это десятилетие стали бывшие городские предприниматели, национализация собственности которых к тому времени уже завершилась. Лишенные прежнего общественного положения, они "поглощались" быстро развивающейся промышленностью.

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СУДЬБАХ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ

Стратегия экономического развития Чехословакии после принятия в 1949 г. генеральной линии "строительства социализма" оказалась целиком и полностью подчиненной нуждам отдельных отраслей промышленности. Ориентированное преимущественно на производство средств производства, развитие экономики соответствовало концепции индустриализации как общей закономерности перехода к социализму не только в соседних странах, но и в Чехословакии. При этом, однако, игнорировались естественно-исторические закономерности общественного развития. Структура национальной экономики, как и всей общественной жизни, претерпела, особенно в годы первой пятилетки, глубокие изменения. Уже к началу 50-х годов была создана такая структура чехословацкой экономики, которая не отвечала ни потребностям, ни возможностям дальнейшего развития страны.

Появление и начало реализации самой концепции социалистической индустриализации, датируемое 1950 г., собственно, и было вызвано стремлением оправдать резкое изменение экономического курса, связанное с несколькими этапами пересмотра планов первой пятилетки. Первые его попытки, относящиеся уже к концу 1949 г., были связаны с обеспокоенностью информбюро коммунистических и рабочих партий открытой, как они считали, подготовкой Западом войны против стран так называемого социалистического лагеря. Вся система внешнеэкономических связей Чехословакии была тогда переориентирована на Восток. Чехословацкой Республике как промышленно развитой стране отводилась решающая роль в повышении обороноспособности государств содружества, переходе их к полной экономической независимости от западных стран и политике самообеспечения. Пленум ЦК КПЧ в феврале 1950 г. принял решения о частичном пересмотре плана пятилетки в сторону повышения его заданий, приоритетности тяжелой промышленности и развития отечественной сырьевой базы для metallurgической и машиностроительной индустрии. На основе этих решений в феврале 1951 г. по договоренности со странами — членами СЭВ ЦК КПЧ пошел на еще более существенные и всесторонние корректировки пятилетнего плана, чем предполагавшиеся еще год назад. Требования милитаризации чехословацкой экономики, предусмотренные этим, по существу, новым планом, создали крупные диспропорции в экономике страны. Задачи производства вооружений выходили в ней на первое место, подчиняя себе гражданские структуры.

Форсированное создание военно-промышленного комплекса стран социалистического лагеря опиралось на индустриальный потенциал Чехословакии не только в силу довольно высокого уровня его развития. Использование этого потенциала для нужд военного производства началось еще в годы второй мировой войны. Оккупационные власти одновременно с переводом экономики "Протектората Богемия и Моравия" на военные рельсы осуществляли политику централизации хозяйственных связей. Начавшиеся тогда социально-экономические процессы получили наиболее полное развитие уже в период "строительства социализма".

В это время тяжелое машиностроение, ориентированное прежде всего на нужды военного производства, становилось главным звеном и ведущей отраслью промышленности, а ее ключевой проблемой и мерилом успешности развития индустрии стало наращивание metallurgической промышленности. Возникла "стальная" концепция развития экономики. Резко возросшие потребности в сырье для производства стали диктовали необходимость роста угледобычи, объем которой значительно превысил все прежние показатели. Увеличение инвестиций в развитие горнодобывающей промышленности было вызвано значительно усилившейся потребностью в добыче малоценных рудных ископаемых, их геологическом исследовании и строительстве предприятий по их обогащению. Так в ущерб экономической эффективности осуществлялась "стальная" концепция первой пятилетки.

Именно в период выполнения первого пятилетнего плана были

произведены наиболее крупные изменения в структуре экономики, воспроизведившиеся затем в течение всего последующего периода "строительства социализма". В годы первой пятилетки произошел невиданный, по оценке чехословацких экономистов, рост промышленного производства¹¹. Среднегодовой прирост его составил 14,1%, а в металлообрабатывающей промышленности — даже 26,2%. Более чем вдвое по сравнению с 1948 г. возросло производство средств производства. Его преимущественное развитие сохранилось и во второй половине 50-х годов¹². Отставание в этих условиях легкой, пищевой промышленности и особенно сельского хозяйства проявилось прежде всего в их медленном техническом оснащении, а также в оттоке рабочей силы, особенно молодой и квалифицированной, в приоритетно развивающиеся отрасли индустрии.

В 1949/1950—1954/1955 гг. особенно отчетливо проявилась тенденция нарастания доли экстенсивных факторов в приросте продукции. Своего максимума она достигла в первой половине 60-х годов¹³.

Широкомасштабное осуществление новой экономической политики стало возможным в условиях перехода к высокоцентрализованной директивной — по образцу советской — системе управления экономикой, который был завершен уже в 1951—1952 гг.

Экономические возможности соседних полуаграрных стран не позволяли им столь быстро создать комплекс военно-промышленных отраслей. Чехословакия же с ее высокоразвитой экономикой в течение двух-трех лет смогла перейти к иному типу хозяйственной структуры и отношений. Он предусматривал мобилизацию в такие же короткие сроки национализированных материальных и людских ресурсов и их волевое перераспределение в соответствии с поставленными КПЧ целями. Речь идет не только о коренной переоценке отечественной сырьевой базы, малоэффективная эксплуатация которой получила мощнейший стимул, ни о полном пересмотре концепции использования трудовых ресурсов. Последнее имело наиболее тяжелые последствия для судьб общественного развития страны в целом.

1951 год принес наибольший подъем промышленной занятости. Именно этот год считается важным рубежом, после которого экономика страны отчетливо приобрела многие черты военного хозяйства, хотя начало данного процесса относится уже к первым месяцам 1949 г.¹⁴

В условиях начавшегося вскоре замедления экономического роста неудачными оказались попытки проведения реформы народного хозяйства при сохранении установившегося на рубеже 40-х и 50-х годов типа общественных отношений. Эти попытки, предпринятые в 1958—1959 гг., а затем в середине 60-х годов, неминуемо завершились возвращением к централистской модели управления.

Под влиянием внешнеэкономических факторов структурной перестройки хозяйственной жизни нарушились объективно сложившиеся отношения между промышленностью и другими сферами экономики, между отдельными отраслями промышленности. Абсолютный приоритет добывающих отраслей и тесно связанных с ними материалоемких

производств с относительно низким уровнем технического развития соответствовал первым этапам промышленной революции, пройденным Чешскими землями еще в третьей четверти прошлого века, т.е. столетие назад. По существу, речь шла об их реиндустириализации. Однако масштабы этого процесса, его социальные последствия были столь велики, что именно он в конце 40-х—50-е годы предопределял весь ход общественно-экономического развития страны в целом, включая и ее восточные — словацкие — районы.

Среди новых предприятий, активно возводимых в этот период в Чешских землях, преобладали небольшие и некомплектные, главным образом шахты, металлургические цеха, заводы тяжелого машиностроения. Они оснащались оборудованием, по своим параметрам исходно несоответствовавшим требованиям научно-технического прогресса. В годы первых пятилеток Чехословакия особенно сильно отстала от мировых стандартов в перспективных отраслях промышленности — носителях надвигающейся НТР. По мере исчерпания основных источников роста производства уже после 1953 г. снижался рост производительности труда. Однако особенно явными недостатки технического развития промышленности стали в первой половине 60-х годов, когда снизились общие темпы роста чехословацкой экономики.

Самая тяжелая участь постигла традиционные для Чехии отрасли легкой промышленности. В 1948—1955 гг. численность текстильных предприятий уменьшилась на 40%, стекольно-керамических — на 37%, кожевенно-обувных, для которых было характерно наиболее неблагоприятное развитие, — на 85%¹⁵. Техническое отставание этих отраслей, на реконструкцию которых средства отпускались по остаточному принципу, сочеталось с ростом интенсивности использования оставшихся мощностей. Сложившийся здесь острый недостаток квалифицированных кадров был вызван перемещением части их в тяжелую промышленность и стагнацией подготовки новых пополнений специалистов для этих отраслей. Уже в конце первой пятилетки существовала явная диспропорция между ростом общих объемов производства и его способностью удовлетворить жизненные нужды населения.

Объем продукции сельскохозяйственного производства в Чехословакии в течение 50-х годов оставался ниже уровня последних предвоенных лет: с конца 1950-х годов в стране стала ощущаться острая нехватка продовольствия. Главной причиной этого было неудовлетворительное развитие аграрного сектора чешской экономики, принесенного в жертву "социалистической индустриализации". В результате переструктурирования экономики в сельском хозяйстве сложился особенно большой — даже критический — недостаток рабочей силы, численность которой уменьшилась к 1960 г. почти на треть¹⁶. Сокращение живого труда не компенсировалось овеществленным, т.е. сельскохозяйственной техникой.

Двум фазам кооперирования сельского хозяйства в Чехословакии (1949—1953 и 1955—1959 гг.) соответствовали две волны инвести-

ций преимущественно в промышленность (1949—1952 и 1958—1961 гг.). Капиталовложения в аграрный сектор экономики стали расти лишь после завершения процесса кооперирования на рубеже 50—60-х годов.

Дефицит новой техники острее ощущался в Чешских землях, где уровень механизации сельского хозяйства исходно был значительно выше и в 1960 г. количество сельскохозяйственных машин на единицу площади было на треть больше, чем в Словакии¹⁷. Поэтому довоенный объем производства в чешском аграрном секторе был достигнут лишь в 1967 г.¹⁸ В Словакии же с ее резервами сельскохозяйственной занятости этот объем достиг довоенного уровня уже в 1949 г., а в 1955 г. даже превысил его более чем на 20%¹⁹. Доля Словакии в общей численности занятых в аграрном секторе экономики страны достигла к 1955 г. 42%, хотя в сельскохозяйственном производстве она все еще была значительно меньше²⁰.

Структурные сдвиги первой половины 50-х годов в значительной степени предопределили последующее развитие промышленности и тип индустриализации Словакии. Он имел много общего с советским и был ярко выраженным экстенсивным.

Главной целью индустриализации Словакии на начальных послевоенных этапах считалось устранение аграрного перенаселения и рост промышленной занятости. Поэтому наиболее быстрыми темпами в годы первой пятилетки здесь развивались отрасли обрабатывающей промышленности и прежде всего машиностроение, ориентирующееся на людские ресурсы. Производство машиностроительной продукции возросло тогда втрое при общем росте промышленного производства на 136%. Проблема недостаточной квалификации работников, как и высокой их текучести, остро стояла на этих предприятиях Словакии²¹. В целом при систематическом спаде занятости в сельском хозяйстве в Словакии в 50-е годы не создавалось в достаточной степени условий быстрого роста занятости, особенно женской, и она даже приобрела тенденцию к снижению²². "Переломный период" в процессе послевоенной индустриализации восточной части страны, как и западной, характеризуется преимущественным развитием отраслей тяжелой промышленности (металлургической, химической), нуждающихся в больших объемах сырьевых и энергетических ресурсов. "Социалистическая индустриализация" начинается здесь лишь с конца 50-х годов²³.

Занятость в промышленности увеличилась в Словакии в 1948—1960 гг. с 15,1 до 25,7%, и в 1964 г. она превысила аграрную²⁴. Формально можно было констатировать завершение процесса превращения экономики Словакии в индустриально-аграрную.

Приrostы занятости — общие и во внесельскохозяйственной сфере — достигают максимума в Словакии во второй половине 60-х годов, хотя перераспределение трудовых ресурсов в промышленность продолжается вплоть до 1981 г. В 70-е годы все области ее, кроме столицы Братиславы, имели отрицательное сальдо миграций, что свидетельствовало о сохраняющемся дефиците необходимых рабочих мест в экономике этой республики²⁵. А уже в конце десятилетия происходит спад экономического роста и обнаруживается отставание непроизвод-

ственной сферы²⁶. Таким образом, процессы послевоенного роста словацкой промышленности, начавшись несколько позже, чем в Чешских землях, приобрели затяжной характер. Вряд ли можно говорить о завершении индустриализации и тем более экономического выравнивания двух частей страны и к концу 80-х годов. К этому времени было лишь относительно преодолено стабильное превышение показателей доли республики в использовании национального дохода страны и создании его²⁷.

Трудности процесса так называемого выравнивания уровней связаны не только с различием стартовых условий Чешских земель и Словакии, но, особенно на первом послевоенном этапе, еще и с приоритетом отраслевого подхода в развитии экономики над территориальным и национальным. Именно этот подход диктовал необходимость инвестирования в 50-е годы прежде всего промышленности Чехии и Моравии. Доля же Словакии в общегосударственных капиталовложениях в индустрию в 1948—1960 гг. была меньше ее доли в населении.

Основная часть индустриального потенциала Чехословакии в до-социалистический период приходилась на ее западную часть. Поэтому произведенные в 50-е годы структурные сдвиги коснулись прежде всего Чешских земель.

Центр тяжести индустриального развития Чехословакии в конце 40-х—50-е годы находился в промышленных районах — Остравском, северо-западе Чехии, Пражском регионе. Здесь прежде всего и осуществлялось широкомасштабное строительство новых предприятий и расширение существующих. Вместе с тем источники роста численности рабочей силы были здесь исчерпаны уже в конце прошлого века.

Максимальный прирост промышленного производства в период двухлетки (1947—1948 гг.) и еще в начале первой пятилетки приходится на аграрно-индустриальные области Чехии, располагающие квалифицированной рабочей силой. Помимо Пражского региона, это были Ческебудейовицкая и Йиглавская области.

Начало реализации концепции "социалистической индустриализации", произошедшее в результате корректировок первого пятилетнего плана, в очередной раз перевернув привычные представления, повлекло за собой увеличение значения областей старого индустриального освоения в Чешских землях — Остравской, Северочешской, Пльзеньской, Брненской. Туда перемещалась рабочая сила с предприятий легкой промышленности, располагающихся в традиционно текстильной Либерецкой области, а также в восточной Чехии и центральной Моравии. Значительная часть этих предприятий была перепрофилирована.

Концентрация нового, ориентирующегося на крупные капиталовложения промышленного строительства в "старых" индустриальных областях с их дефицитом рабочей силы вела к большим притокам туда населения из других областей страны, и в том числе из Словакии. Ее многочисленный аграрный пролетариат и полупролетариат часто

направлялся в угледобывающие районы Чешских земель, и прежде всего в соседнюю Остравскую область. Эта ситуация сохранилась и в период второй пятилетки, когда решающая часть инвестиций сосредоточивалась в районах Остравы, Усти-на-Лабе, Карловы Вары, Праги.

Новые шахты, электростанции, цеха металлургических и химических предприятий тяготели к традиционным центрам развития индустрии. Сложившиеся еще в третьей четверти XIX в., эти центры стали опорными базами послевоенной реиндустириализации. Именно здесь сосредоточивалось свыше половины всего прироста промышленной занятости²⁸. Здесь происходила ломка сложившейся в период промышленной революции структуры производительных сил, повлекшая мощные процессы пространственной мобильности населения всей страны. Здесь складывались новые, испытывающие постоянно возрастающую потребность в людских ресурсах промышленные структуры и были наивысшие показатели текучести рабочей силы, прогулов, нарушений трудовой дисциплины²⁹. По существу, речь шла о размывании профессиональной культуры — главного компонента производительных сил этих регионов.

Пятидесятые годы и в особенности период первой пятилетки — один из ключевых отрезков современной чехословацкой истории и по темпам произошедших изменений, и по их значимости. Что касается темпов экономического роста и динамики социальной структуры населения, то этот период не сравним ни с каким другим периодом истории страны³⁰. Тогда была в основном создана нынешняя структура ее экономики, характеризующаяся высокой долей металлургии и тяжелого машиностроения, радикально изменившимся соотношением производственной и непроизводственной сфер в пользу первой.

Форсированный индустриальный рост Чехословакии в годы первой и второй пятилеток опирался на экстенсивные факторы, прежде всего на рост занятости и ее отраслевое перераспределение. По мере их исчерпания к концу 50-х годов страна начала терять свое прежнее исключительное экономическое положение среди стран Восточноевропейского региона.

В 50-е годы были заложены материальные и культурные предпосылки последующей слабой приспособляемости чехословацкой экономики к изменениям внешнего рынка, предпосылки снижения качества выпускаемой продукции, все большего технического отставания производства. "Плановое управление движением рабочей силы" имело особенно большое влияние на главный компонент производительных сил индустриального общества — человека. Для экономики Чешских земель все это приобрело наиболее тяжелые последствия. Выраженный стихийный характер получили здесь радикальные сдвиги в отраслевой и территориальной структуре занятости, осуществлявшиеся на фоне ее общего быстрого роста.

Наибольшая потребность в рабочей силе в 50-е годы существовала в угольной и металлургической промышленности. Практически весь прирост угледобычи обеспечивался в этот период за счет количественного роста занятости, который только в 1945—1955 гг. в Чешских землях составил 12,8%³¹. Большинство приоритетных профессий были связаны с

тяжелым физическим трудом и были чисто мужскими. Перераспределение мужской рабочей силы на шахты и в цеха металлургических предприятий происходило из других отраслей экономики, в том числе из обрабатывающей промышленности. В составе временных бригад эти работники были заняты, как правило, неквалифицированным трудом. Уже в 1950 г. данная категория работников составляла около 30%³².

В начале 50-х годов распространяются новые формы организованного набора на важнейшие стройки и предприятия тяжелой промышленности из неприоритетных отраслей. Они нацелены на ликвидацию категории временных работников, увольняемых теперь с прежнего места работы. Система вербовки рабочей силы, свидетельствовавшая о высоком уровне централизации управления ее движением, действовала до 1958 г. Эта система была не способна обеспечить не только соответствующий уровень подготовки к новым видам производственной деятельности, но даже элементарные условия жизни на новом месте.

Спрос на рабочую силу в ключевых отраслях промышленности имел в 50-е годы тенденцию роста. Высокая потребность в рабочей силе проявлялась наиболее остро в добывающей промышленности. В условиях, когда механизация этой отрасли находилась на начальной стадии, у самих рабочих не было желания использовать технику, поскольку в период овладения ею происходило снижение заработков. Касалось это прежде всего рабочих, не обладающих шахтерской квалификацией. Преобладание их в основной сырьевой базе страны — Остравской области — привело к тому, что и в середине 50-х годов производительность труда там не достигала уровня 1937 г.³³

Следует заметить, что количественное формирование профессиональной группы шахтеров завершилось в Чешских землях к началу нашего столетия. Эта довольно многочисленная группа стала характеризоваться снижением пространственной мобильности и даже тенденцией к сокращению численности³⁴. Более того, добывающая промышленность уже тогда стала практически единственной отраслью, где было полностью преодолено мелкое производство.

Переход к новой структуре занятости в послевоенный период коренным образом изменил ситуацию в этой отрасли. Во второй половине 50-х годов прирост численности рабочих угольной промышленности Чешских земель увеличился до 18,9% по сравнению с 12,8% в первой половине³⁵. Лишь в 1959 г. в этой отрасли начинается стагнация занятости. Переструктурирование индустриальной занятости во второй половине 50-х годов во все большей степени происходит за счет наиболее квалифицированной части кадров чешской промышленности.

В условиях жесткой системы перераспределения занятости практически распался рынок труда. Так, система лимитированного трудоустройства молодежи обернулась резким усилением текучести кадров. Новые пополнения рабочего класса часто отдавали предпочтение случайному видам деятельности перед получением квалификации в ключевых видах производственной деятельности. Не пользовались популярностью и технические специальности среди студентов высшей школы. В 1953 г. изменило место своей работы около половины всех

рабочих³⁶. Всего единицы процентов отработавших срок своего трудового договора работников, особенно в угольной промышленности, оставались на новом месте. Большинство их сразу после его завершения уезжало³⁷.

Необходимость привлечения на предприятия приоритетных отраслей новых пополнений рабочей силы взамен выбывающих все более отодвигала на задний план проблемы квалификационного соответствия их новым видам деятельности. Даже в условиях, когда производственный процесс был в достаточной степени технически оснащен, профессиональная неподготовленность большинства временных работников не позволяла им освоить имеющиеся машины и оборудование. Низкий уровень квалификации и стал важнейшим фактором дестабилизации работников. Нерациональное использование "перемещенных лиц" — специалистов разного уровня и вида подготовки — привело к утере значительной части квалификационного потенциала чешского общества, его профессионально-производственной культуры, сформировавшейся в период капиталистической индустриализации.

Отраслевое и территориальное перераспределение рабочей силы происходило и через централизованно устанавливаемую более высокую оплату труда в приоритетных сферах, систему льгот и т.д. В этих условиях при господстве уравнительной системы оплаты труда стирались различия между квалифицированным и неквалифицированным трудом, снижалась заинтересованность работника в росте уровня профессиональных знаний.

Интенсивная нивелизация заработной платы коснулась прежде всего соотношения ее в отраслях производственной и непроизводственной сферы, где была особенно велика доля квалифицированного труда, в пользу первой. По существу, речь шла об изменении соотношения между физическим трудом и остальными его видами (умственным, организаторским, канцелярским и проч.). В промышленности средняя зарплата возросла в 1948—1955 гг. на 67%, в остальных отраслях социалистического сектора экономики — на 24%³⁸. Приоритет стал отдаваться ручному или частично механизированному труду рабочего традиционного типа, относящегося к начальному этапу процесса индустриализации (шахтера, металлурга).

Собственно, уравниловка и позволила обеспечить максимальную занятость населения. По сравнению с другими странами Восточной Европы в Чехословакии с ее исходно высоким квалификационным потенциалом этот процесс уже в середине 50-х годов достиг особенно больших масштабов.

Новое соотношение оплаты труда в производственной и непроизводственной сферах, сложившееся тогда, относительно стабилизировалось. Практически неизменной оставалась до середины 80-х годов сузившаяся в годы первой пятилетки дифференциация оплаты труда по уровню квалификации³⁹. Главными факторами этой дифференциации стали демографические — пол и возраст. Это значит, что приоритет стал отдаваться практическому опыту работы перед теоретическим, т.е. уровнем образования, особенно высшего, в целом компетентностью работника как самостоятельного субъекта производственной деятель-

ности. Выдвижение в последующем на передний план в дифференциации оплаты труда фактора пола связано прежде всего с очень быстрым в 50—60-е годы ростом представленности женщин среди экономически активного населения.

Массовое вовлечение женщин в общественное производство привело к феминизации целых отраслей. Оно было вызвано прежде всего тем обстоятельством, что рост занятости стал главным источником увеличения трудовых доходов чехословацких семей. Поэтому они все шире переходили к практике получения "второго дохода". На производство, а еще больше в непроизводственную сферу пришли сотни тысяч женщин-домохозяек с минимальным уровнем профессиональной подготовки или даже без всякой подготовки. Снижение квалификационного потенциала непроизводственной сферы, где женская занятость возросла пятикратно, создало социальную основу перехода к новому — экстенсивному — типу экономического развития Чехословакии, и прежде всего ее западной части⁴⁰.

Женщины стали активнейшими участниками перехода к "социалистической" модели экономики. Именно благодаря резкому росту их занятости в неприоритетных с точки зрения общественной значимости и оплаты труда отраслях непроизводственной сферы (в частности, в торговле, общественном питании, здравоохранении, социальном обеспечении, образовании, культуре, связи) стал возможен отток из этой сферы мужской рабочей силы в бурно развивающуюся тяжелую промышленность. Женщины составили и массовую основу новой социально-профессиональной группы, занятой административно-канцелярской деятельностью. Формирование ее было связано с переходом к системе общественных отношений командно-бюрократического типа. Общей тенденцией роста занятости женщин было увеличение их доли в низкооплачиваемых видах деятельности. Поэтому уже в годы первой пятилетки на фоне нивелизации заработков в зависимости от сложности труда и уровня его квалификации различия в оплате его для мужчин и женщин углубились вслед за поляризацией их межотраслевого разделения труда⁴¹.

В конце 40-х—50-е годы проявились "преимущества" соседства в границах одного государства промышленно развитых Чешских земель и аграрной Словакии не только и, может быть, не столько для подъема словацкой экономики, сколько для осуществления политики реиндустриализации Чехии и Моравии. Она происходила при активном участии бывшего сельскохозяйственного населения Словакии, прежде всего молодежи из наиболее экономически отсталых районов. В 1950—1960 гг. из Словакии в Чешские земли переехали всего 288,9 тыс. человек (обратно — 188,9 тыс.)⁴². Они нашли места приложения своего труда на чешских и моравских шахтах, в цехах металлургических заводов, на стройках и в сельском хозяйстве, как правило, в качестве малоквалифицированных рабочих. "Движение на запад стало прежде всего движением занятости"⁴³. Именно в таком смысле применительно к 50-м годам можно говорить о том, что индустриализация Словакии явилась важнейшей составной частью структурной перестройки чехословацкой промышленности в целом. Т.е. Словакия, отстававшая от

4. Н. В. Коровицына

Чешских земель по уровню экономического развития на 50—70 лет, выступила в роли одного из главных факторов ускорения "социалистической индустриализации". Переход к новой модели развития в самих Чешских землях вызвал потери общественного труда. Смена социально-экономических приоритетов, произошедшая там в 50-е годы, предопределила весь последующий процесс воспроизводства рабочей силы.

На примере Чешских земель особенно отчетливо проступают закономерности форсированного перехода к новой системе производственных и в целом общественных отношений. В Чехии и Моравии объективно не стояли задачи формирования современного общества. Процессы индустриализации, тем более ее начальных этапов, связанных с развитием добывающих и материаляемких производств, завершились здесь еще в прошлом веке. Радикальные социальные перемены, произошедшие в 50-е годы, не были вызваны потребностями модернизации чешского общества, превращения его в индустриальное. Напротив, реализация новой модели общественных отношений привела к потере части социокультурного потенциала чешской нации, замещению его менее развитыми структурами. Наличие таких структур не только в среде женского населения, но и населения соседней аграрной Словакии облегчило КПЧ достижение поставленных в феврале 1948 г. общественно-политических целей.

Содержание первого послевоенного этапа чехословацкой истории предопределил процесс формирования нового социального статуса прежде всего чешского рабочего класса. Его основу создали массовые отраслевые и территориальные перемещения не только представителей самого этого класса, но и в целом лишенного собственности и пролетаризированного многочисленного в прошлом среднего класса Чешских земель: бывших мелких и средних предпринимателей — городских и сельских, — интеллигенции и государственных служащих.

В условиях реиндустриализации проявилась тенденция к расщеплению и упрощению труда рабочих. Но — главное — в установившейся системе общественных отношений не только профессиональные знания, но и инициатива, предприимчивость, самодеятельность рабочего класса, как и всех занятых, оказывались ненужными.

Сужение возможностей современного классового бытия непосредственно проявилось в среде занятых в индустриальном производстве, и прежде всего промышленных рабочих, к которым принадлежало почти ^{3/5}, населения Чешских земель. За относительной стабильностью их доли в составе населения в этот период стоят глубочайшие изменения во внутренней структуре и всем социокультурном облике сформировавшегося на этапе капиталистической индустриализации класса чешского общества. В 50-е годы именно в рабочей среде происходили наиболее интенсивные процессы деклассирования населения. Рабочий класс можно, условно говоря, считать основным социальным носителем идеи "строительства социализма" в это десятилетие. Результаты такого рода социальной трансформации не замедлили сказаться. Так, с 1953 г. уже не было зарегистрировано крупных выступлений чехословацких рабочих, если не считать их символических протестов в августе 1968 гг.⁴⁴.

Рабочий класс стал в 50-е годы наиболее массовым субъектом социальных перемещений, связанных со складыванием новой структуры общества в целом. С одной стороны, он пополнялся пролетаризированными слоями населения, с другой — десятки тысяч рабочих, особенно в годы первой пятилетки, переходили на партийную работу, в государственный аппарат, включались в хозяйственно-управленческую деятельность "нового типа". В 1946—1952 гг. доля выходцев из рабочих семей среди служащих увеличилась с $\frac{1}{4}$ почти до $\frac{1}{3}$ ⁴⁵. В 50-е годы десятая часть рабочих перешла в категорию новой интеллигенции и служащих⁴⁶. Изменение социально-профессиональной структуры экономически активного населения Чехословакии в это десятилетие отмечено динамичным ростом представленности в ней нерабочих профессий, который опережал рост доли специалистов, 70% служащих к началу 70-х годов были рабочего происхождения⁴⁷.

Итак, переход к тоталитаризму завершился в Чехословакии к началу 60-х годов, действительно совпав по времени с провозглашенной КПЧ тогда же победой социализма в стране. Социальное содержание этого перехода составила форсированная пролетаризация населения, принявшая в чешском обществе с его развитым институтом собственности, многочисленными социально активными, прежде всего предпринимательскими и интеллигентскими, группами крайние формы. В условиях введения так называемых плановых основ регулирования движения рабочей силы взамен разрушенного рынка труда был создан гигантский слой людей, лишенных возможности профессиональной и в целом социальной самореализации, в сильной мере лумпенизированных.

Важнейшим инструментом перехода к новому общественному строю, фактически совершенного в 1948—1953 гг., и одновременно проявлением его сущности стало радикальное перераспределение занятости населения и рост ее общего уровня. Оправдываемые целями развития промышленности, эти процессы имели значение, далеко выходящее за пределы экономической практики. В годы первых пятилеток не просто утверждался "иррациональный индустриализм", основанный на безмерном поглощении людских и сырьевых ресурсов, а складывалась принципиально новая социокультурная структура народонаселения, соответствовавшая обществу слабо дифференцированному в социально-классовом отношении. Возвращение к обществу такого типа, от которого Чешские земли отделяло по меньшей мере столетие, сопровождалось изменением положения широких слоев населения, их массовыми перемещениями. Совершался переход к новым для них видам деятельности, отношений, к иным жизненным целям и ценностям.

В основных своих параметрах сложившаяся в 50-е годы структура народонаселения Чехословакии относительно стабилизировалась: важнейшие ее элементы получили свое развитие в 60—80-е годы. Опрос общественного мнения, проведенный в 1968 г., показал, что и чехи, и словаки в числе трех самых бесславных периодов своей национальной истории называют 50-е годы⁴⁸. На эти народы в августе 1968 г. и обрушился военно-промышленный потенциал государств социалистического лагеря, первой жертвой формирования которого стала чешская индустрия.

ПРЕСТИЖ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ТРУДА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Трансформация социокультурной структуры населения страны и на втором этапе ее "социалистической" истории — с середины 60-х годов до конца 80-х — осуществлялась путем перераспределения занятости. Проявлением экстенсивного характера роста занятости в условиях исчерпания его источников явилось тогда постоянно увеличивающееся несоответствие двух показателей: уровня квалификации и оплаты труда, т.е. его общественной оценки. Первый из них претерпел крупные изменения, связанные с ростом образованности населения, а второй, сложившись еще в годы первой пятилетки, напротив, стабилизировался. Уже сама дифференциация оплаты труда различных профессиональных групп была одной из наиболее узких не только среди промышленно развитых стран мира, но даже среди стран Восточноевропейского региона⁴⁹. Эта дифференциация была не в пользу сложного, высококвалифицированного труда, материальная оценка которого становилась все ниже. В 1970 г. суммарные показатели заработков специалистов с высшим и средним образованием относительно выравнивались лишь после достижения первыми 39-летнего возраста, а в середине 80-х годов — уже после 46-летнего. Труд специалистов среднего уровня, не достигших этих возрастных рубежей, оплачивался выше по сравнению с их более квалифицированными коллегами того же возраста⁵⁰.

В молодых и наиболее высококвалифицированных возрастных группах населения, рожденных после 1937 г., доход вообще не определялся уровнем образования. В большей степени значение фактора уровня образования проявилось у поколения 1922—1936 гг. рождения. Однако и здесь шансы получения более высоких заработков имели 50% лиц со средним образованием или с рабочей квалификацией, но 44% — с высшим образованием. "Нормальная" — прямо пропорциональная — зависимость образованности и доходов проявлялась лишь в старшем поколении — 1907—1922 гг. рождения, т.е. у людей, близких в конце 60-х—70-е годы к пенсионному возрасту⁵¹.

В условиях, когда значение фактора образованности в системе оплаты труда имело явную тенденцию к снижению, уровень внутрипоколенческой профессиональной мобильности — восходящей и нисходящей — увеличивался. Это видно уже из сравнения доли изменивших категорию сложности труда в поколениях "дедов" и "отцов" — соответственно 30% и 54% — по состоянию на 1967 г.⁵².

Напротив, приоритет отраслевого принципа дифференциации заработка платы, установившийся в годы реиндустириализации, не только сохранился, но и усилился. Оплата труда в отраслях производственной сферы (промышленность, транспорт, сельское хозяйство) постоянно возрастала, а в непроизводственной сфере, где она и так была ниже среднего уровня, снижалась. На рубеже 70-х и 80-х годов произошел особенно резкий спад среднемесячных окладов занятых в сфере культуры: с 89,1% от среднего по стране уровня они сократились до 65,6%. Наблюдалось дальнейшее снижение заработков работников

промышленности, занятых в производстве товаров широкого потребления и в пищевой индустрии, за счет еще большего увеличения их в топливной (с 134,4% от среднего уровня зарплаты в 1975 г. до 144,1% в 1983 г.), энергетической, металлургической промышленности⁵³.

Не только производное административно-распределительной системы управления обществом несоответствие сложности труда уровню его оплаты, но и сама эта система порождала деформацию структуры занятости. Так, фонд рабочего времени использовался на 77%, а 7—8% его приходилось на простой, вызванные технико-организационными причинами. Значительная часть квалификационного потенциала совсем не использовалась. В 1983 г. лишь 65% мест, где требовалось высшее образование, были заняты специалистами соответствующего уровня подготовки. Причем и это несоответствие имело тенденцию роста. "Не на своих местах" в 1978 г. работали 184 тыс. человек, 1983 г. — уже 200 тыс. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в самой системе управления, где менее половины работников на местах с необходимой высшей квалификацией соответствовало этим требованиям. Управленческие функции в значительной степени выполнялись работниками без адекватного образования⁵⁴. В среде занятых в технической сфере этот показатель составлял 57%. В важнейшей для судеб НТР отрасли — машиностроении — доля высокообразованных специалистов была минимальной (13,6% в Чешских землях и 16,2% в Словакии)⁵⁵. Вместе с тем каждый десятый специалист с высшим образованием работал там, где требовался более низкий уровень квалификации⁵⁶.

После 1977 г., как установили экономисты, происходит стагнация реальной заработной платы и связь ее с результатами труда еще больше ослабевает. Одновременно снижается зависимость занятия руководящих мест от уровня образования. Возможности реализации квалификационного потенциала сужаются в начале 80-х годов даже по сравнению с предшествующим десятилетием⁵⁷. Предыдущее ослабление роли образования при занятии управленческих функций датировалось концом 60-х годов и было, очевидно, связано с ликвидацией последствий так называемого кризисного развития, заменой высших структур прежде всего чешского общества. В 1972 г. 64% генеральных директоров предприятий, 61% руководителей крупных отделов не соответствовали формальным требованиям к уровню их образования. Более того, 38% первых и 34% вторых не имели даже аттестата о получении среднего образования⁵⁸.

При быстром росте занятости, превышающем рост численности населения в продуктивном возрасте, ее показатели со временем достигли максимальных величин. В 1980 г. 88,7% трудоспособного населения было вовлечено в общественное производство⁵⁹. Но по-прежнему в сфере материального производства концентрировалось около 77% экономически активного населения. Доля его в промышленности и строительстве постоянно увеличивалась, составив к 1980 г. 48% всех занятых. Около 60% работников этих отраслей принадлежали к возрастной группе 15—39 лет⁶⁰. Вместе с тем переход к НТР предполагал отток занятости из промышленности и в целом из

материального производства в непроизводственную сферу. Несмотря на сближение отраслевых структур занятости населения Чешских земель и Словакии, все же сохранялось превышение непроизводственной составляющей экономики первых, унаследованное от более ранних периодов новой истории.

В целом показатель интенсивности использования производительных сил, по оценкам специалистов, постоянно снижался⁶¹. Особенно это касалось живого труда и было характерно теперь уже не только для Чехии, как в 50-е годы, но и для Словакии. При систематическом росте технической оснащенности производства в течение всего послевоенного периода сохранялась высокая доля работающих на устаревших машинах и оборудовании, особенно в традиционных для чешской индустрии отраслях легкой и пищевой промышленности, в меньшей степени — в отраслях топливно-энергетического комплекса⁶².

В чехословацкой экономике сохранялась значительная потребность в малоквалифицированном труде⁶³. Удельный вес профессий, основывающихся на ручном труде, стабилизировался на уровне около 60% и требовал соответствующего покрытия трудовыми ресурсами⁶⁴. Распространялись представления о том, что рост квалификации рабочей силы опережает рост занятости. На предприятиях возросла потребность в рабочих, обладающих не столько профессиональными знаниями, сколько лишь практическим опытом работы⁶⁵.

В этой обстановке в 60—70-х годах и происходил подъем образовательной мобильности населения. Именно им и определялась тогда динамика социальной структуры населения в целом.

Шестидесятые, а особенно семидесятые годы, когда центр тяжести образовательной мобильности сместился на получение полного среднего и высшего образования, можно было бы назвать периодом "образовательного бума". Отличительной особенностью его является жесткая вписанность социальных процессов в рамки централизованной системы управления обществом, сущность которой противоречила содержанию этих процессов. Вызванный к жизни преимущественно внеэкономическими стимулами подъем уровня образования широких слоев населения страны имел искусственный, формальный характер⁶⁶. Он завершился в начале 80-х годов, прия в острое несоответствие с реальным состоянием экономики. Сложившаяся в Чехословакии на начальном этапе "строительства социализма" система общественных отношений с ее уравнительным принципом оценки результатов труда имела ограниченные перспективы развития. Последствия достигнутого в рамках этой системы в 60—70-е годы роста уровня образования и квалификации населения практически были сведены на нет, поскольку сопровождались сужением возможностей проявления профессиональной инициативы работников, возможностей самореализации личности в труде.

* * *

Доля молодежи со средним образованием или профессиональной подготовкой возросла в 1950—1980 гг. в целом по стране с 16 до 60%, с высшим — с менее 1 до 7%. Среднее число лет обучения эко-

номически активного населения увеличилось в Чешских землях до 10,55, в Словакии — до 10,47⁶⁷. Таким образом, образовательный потенциал двух республик практически выровнялся. Некоторое опережение Чешских земель складывалось за счет старших поколений (свыше 35—40 лет), а также большей доли профессионально обученных рабочих. Вместе с тем к 1980 г. впервые сложилось превышение доли экономически активного населения с высшим и полным средним образованием Словакии по сравнению с Чехией. Численность населения Словакии с высшим образованием увеличилась в 1970—1980 гг. на 90%, с полным средним — на 55,5%⁶⁸. Более выраженным был здесь в это десятилетие и переход от среднего профессионального к полному среднему профессиональному образованию⁶⁹.

Для Словакии стала характерной структура образовательного потенциала с большей представленностью выпускников высших школ и меньшей долей обученных рабочих по сравнению с Чехией⁷⁰.

Опережающий рост числа людей с высоким уровнем образования происходил не только у словаков, но и в целом у женского населения по сравнению с мужским. В структуре прироста женской занятости в 1970—1980 гг. резко сократилась доля обладательниц только основного — 8-летнего — образования (с 30,6 до 13,0%). Одновременно увеличился процент высокообразованных специалисток (с 5,8 до 12,7%), превысивший аналогичный показатель для мужчин.

Характерно, что если в Чешских землях наибольшими были темпы роста профессиональной подготовки женщин при минимальном увеличении их доли среди высокообразованных слоев населения, то в Словакии именно среди женщин удельный вес самых квалифицированных достиг исключительно большой величины — 10,8%⁷¹.

В период с конца 60-х годов особенно ощутимо уменьшается зависимость образованности от социального происхождения (уровня образования родителей), от пола и места жительства. Рост образовательных параметров менее развитых социально-демографических групп населения — словацкого, женского — происходил одновременно со снижением их для более развитых групп — чешского, мужского населения.

Центр тяжести образовательной мобильности мужского населения Чехии пришелся главным образом на "отцов", т.е. "поколение 1930", а в Словакии — на "сыновей" — "поколение 1950 г." Для Словакии, где образовательный статус "отцов" изменялся вдвое реже по сравнению с "сыновьями", был характерен главным образом восходящий тип этой мобильности⁷². В Чешских же землях постоянно возрастала лишь нисходящая образовательная мобильность: все чаще происходил переход от полного среднего или высшего образования у отца к рабочей квалификации у сына⁷³. Переход к более низким уровням образования у детей по сравнению с их родителями стал одним из важнейших средств выравнивания уровня образования прежде всего у различных социальных групп мужского населения.

Процессы социально-образовательных перемещений конца 60-х—70-х годов в Чехословакии отразились прежде всего на радикальном изменении состава и численности интеллигенции. На втором этапе

"социалистического строительства" в ее среде продолжились те же процессы деклассирования, которые начались в 50-е годы в среде рабочего класса.

Только в 1970/1971—1972/1973 гг. в условиях "нормализации" общественно-политической ситуации ранее относительно стабильная доля студентов высшей школы, отцы которых рабочие, увеличилась с 31,9% до 44,6%, а учащихся средней школы — до 61,7%⁷⁴. В 1969 г. в технические вузы Словакии было принято 31,4% учащихся из семей рабочих и крестьян, а в 1979 г. — 63,0%⁷⁵. В результате преимущественного приема в учебные заведения выходцев из рабочих семей увеличился их удельный вес среди служащих и интеллигенции в Чехословакии. Рабочий класс по-прежнему участвовал в формировании прежде всего управленческого слоя служащих и интеллигенции⁷⁶. Особенno значительный рост высокообразованных специалистов произошел среди населения Словакии, основную массу которого еще в конце 60-х годов составляли объединившиеся в кооперативы крестьяне и представители первого поколения индустриального пролетариата. Уже к 1978 г. доля интеллигенции в социальной структуре экономически активного населения Словакии стала выше, чем в Чехии (соответственно 23,2% и 22,3%)⁷⁷.

Динамика социально-классовой структуры населения обеих республик в 1972—1978 гг., была, по подсчетам чехословацких социологов, вдвое выше, чем в 1967—1972 гг.⁷⁸ Новая волна социальных перемещений населения связана главным образом с быстрым изменением его образовательных характеристик именно в эти годы. Если в 50-е годы трансформация социальной структуры населения отражала сильное опережение роста занятости по отношению к росту образования и квалификации, то теперь — в 70-е годы — ситуация стала обратной.

Таблица 2. Динамика среднегодового роста занятости и уровня образования (%)⁷⁹

Годы	Занятость	Квалификация	Годы	Занятость	Квалификация
1953—1960	3,2	0,9	1971—1978	0,9	0,5
1961—1970	1,6	0,4	1979—1983	0,2	1,4

Тем не менее сущность социальных процессов 50-х и 70-х годов имела много общего. В обоих случаях коренным образом изменялось положение в обществе целых социальных групп населения, основы их жизни. Складывалась диспропорция социальных и культурных характеристик "перемещенных лиц". "Поколение 1950 г.", как и предшествующее — "поколение 1930 г.", пережило процессы восходящей социальной мобильности тех групп населения, которые имели низший социокультурный статус, и, напротив, нисходящей мобильности — имевших высший статус. В первом случае произошло отторжение или подавление обществом самостоятельных производителей главным образом материальных ценностей, во втором — то же

произошло с наиболее социально активными слоями интеллигенции, т.е. владельцами собственности интеллектуальной. Импульсом этих перемещений послужили в первом случае политические события февраля 1948 г., во втором — августа 1968 г. Вытесняемые на периферию общественной практики группы замещались каждый раз государственными наемными работниками в лице "новых рабочих", "новых крестьян", "новой интеллигенции". Характерно, что всякий раз противопоставлялись социальные структуры индустриальной чешской нации аналогичным структурам полуаграрной словацкой нации. А на втором послевоенном этапе население Словакии участвовало в процессе социокультурных перемещений уже не менее активно, чем чешское.

Статус высококвалифицированных специалистов, интеллигенции был предопределен уже самим взятым в конце 40-х годов курсом на экстенсивный тип экономического и в целом общественного развития в условиях централизованно-распределительной системы управления. Положение этой группы населения объективно не изменилось и в период ее быстрого количественного роста, т.е. в 70-е годы. Однако в массовом сознании самой интеллигенции тогда произошли крупные перемены. Направленность их в целом аналогична для представителей обеих наций, но масштабы различны: для словаков, очевидно, гораздо больше, чем для чехов. Дело в том, что словаки еще в конце 60-х годов субъективно ставили себя на более высокие социальные позиции даже по сравнению с чехами, хотя в действительности ситуация была обратной⁸⁰. Важнейшим способом реализации этих иллюзорных представлений и стало участие прежде всего словаков в процессах социально-образовательной мобильности. В результате ценность образования и в целом современной культуры была подвергнута ими особенно серьезному пересмотру, в значительной мере девальвирована. Первыми это сделали сами представители многочисленной новой, в большинстве своем технической — в условиях абсолютного приоритета целей индустриализации — интеллигенции. Уже к началу 70-х годов категория ИТР увеличилась в Чехословакии вдвое, а в Словакии — более чем втрое по сравнению с 1953 г.⁸¹ Результаты этого пересмотра имели необратимые последствия для формирующегося социокультурного облика "новой интеллигенции".

Процесс падения престижа высокого уровня образования нашел зеркальное отражение в снижении статуса интеллектуальных видов профессиональной деятельности. Так, социологический анализ престижности отдельных профессий среди жителей Чехии и Словакии, проведенный в середине 60-х годов, показал относительное единство их взглядов в оценке значимости труда высшей квалификации⁸². По сравнению с состоянием на 1937 г., когда было проведено такое же обследование, эта оценка существенно повысилась⁸³. В 1966 г. профессии, требующие высшего образования, — врач, преподаватель вуза, научный работник, инженер-конструктор — заняли первые четыре места в этой иерархии. На пятом месте оказалась профессия шахтера как приоритетная в обществе и материально стимулируемая.

Правда, вместе с тем, как показало исследование, проведенное

Э. Кадлецовой в 1963 г. в Североморавской области, почти половина молодежи, у которой был образец для подражания, видела его в ком-нибудь из спортсменов. Превращение именно спортсмена в "героя того времени" определялось такими присущими ему чертами, как выносливость, боевитость, способность к самопожертвованию, твердая воля. Ценность этих качеств резко возросла уже на первом этапе "социалистического строительства". Однако в начале 60-х годов, на пороге НТР, престижность науки и деятельности ученого все же казались приоритетными. Свои жизненные цели молодежь связывала прежде всего с учебой и трудовой деятельностью, а потому считала, что профессиональная подготовленность и квалифицированный труд наиболее высоко оцениваются обществом⁸⁴. Распространилось представление, что развитие науки и реализация произведенных ею ценностей имеют для молодого поколения такое же революционное значение, как для поколения их родителей — индустриализация и кооперирование сельского хозяйства⁸⁵.

Таким образом, еще во второй половине 60-х годов наука и образование субъективно рассматривались как основной фактор социальной дифференциации и важнейшая общественная ценность. Значение ее было даже несколько абсолютизировано. Возможность социального продвижения, на которое были сориентированы широкие массы населения, связывалась прежде всего и главным образом с получением наиболее высоких уровней образования.

Резко расширявшееся, казалось бы, возможности и стали важнейшим фактором всплеска образовательной мобильности населения. Однако перспективность получения образования, его высших уровней, как вскоре выяснилось, не подтвердилась практикой.

Исследования 60—70-х годов чехословацкого Института труда и социальных проблем (Братислава) выявили следующее соотношение уровня образования и степени удовлетворенности выполняемой трудовой деятельностью — важнейшего показателя отношения к труду.

Еще в 1966 г. зависимость этих двух показателей не была обнаружена. В 1969 и 1972 гг. различия существовали лишь для наиболее и наименее образованных категорий занятых, соответственно наиболее и наименее удовлетворенных своим трудом. Однако уже в 1976 г. эта зависимость стала обратной. Теперь наиболее удовлетворенными трудом стали обладатели низшего уровня образования (неполного среднего и рабочей подготовки), занятые физическим трудом⁸⁶.

Если в 1969 г. максимальные показатели этой удовлетворенности были характерны для специалистов и мастеров, то уже в 1972 г. и в последующем со значительным отрывом от остальных обследованных групп лидировали в этом отношении "руководящие работники". Специалисты в 1976 г. с таким же отрывом отставали от рабочих, технико-административных работников, мастеров, удовлетворенность которых трудом имела близкие значения. К середине 70-х годов снижение оценки социальной значимости образования стало очевидным.

Следует заметить, что явление возрастания неиспользованных резер-

вов профессионального знания с ростом уровня образования и квалификации работников, особенно в технико-экономической сфере, наблюдалось уже в конце 60-х годов. Обследование социально-классовой структуры чехословацкого общества 1967 г. показало, что у половины технической интеллигенции и трети квалифицированных рабочих присутствует ощущение невозможности реализации полученной квалификации. Всего 27% высококвалифицированных специалистов не относились уже тогда к числу потенциальных флюктуантов⁸⁷.

Совершившееся к концу 70-х — началу 80-х годов падение общественного престижа образования и квалификации, как и в предшествующий период, неминуемо сопровождалось разрывом профессиональных связей, дальнейшей дестабилизацией личности работника. Стало еще больше желающих изменить место работы, а при подходящем случае и специальность. Однако на этот раз уменьшилась и доля желающих не только повысить свою квалификацию, но и продвинуться по службе на своем предприятии⁸⁸.

У интеллигенции в первом поколении, формирование основной массы которой датируется 70-ми годами, стремление получить возможно более высокое образование было особенно тесно связано с ориентацией на престижность, перспективность будущей трудовой деятельности⁸⁹. Столкновение этих групп молодой, прежде всего словацкой, интеллигенции с реальной действительностью породило у них неуверенность в наличии объективных возможностей реализации приобретенного образовательного статуса⁹⁰. Одновременно возникло и сознание нецелесообразности его получения.

В условиях спада образовательной мобильности профессиональная и в целом социальная мобильность населения не снижалась. Начался лишь новый этап перемещений людей, по-прежнему стремившихся к изменению своего общественного положения. Теперь уже это были преимущественно высокообразованные специалисты. Обратный переход их в рабочий класс постепенно уступал место переходу в систему индивидуальной трудовой деятельности — как правило, в свободное время — и, наконец, оттоку в "теневую" экономику.

В словацкой среде было особенно сильно явление неудовлетворенности своим положением, не соответствовавшим первоначальным представлениям о нем. Социально-престижные мотивы часто оказывались даже приоритетными по отношению к материальным, тем более у высокообразованных слоев населения. Их стремление к общественному признанию, успеху в наибольшей степени противоречило реальному статусу интеллигенции в обществе. Однако разрешение этой ситуации виделось людьми прежде всего в улучшении взаимоотношений членов производственного коллектива, в наличии авторитарного, но справедливого начальства и, конечно, в поисках иного, как казалось, лучшего места самореализации⁹¹.

Несколько позже по сравнению с высокообразованными специалистами и при большем весе материального фактора производственной стабилизации началось распространение явления неудовлетворенности своим трудом, изменение отношения к нему со стороны рабочего класса. Речь идет прежде всего о рабочей молодежи. Значительный

подъем уровня ее образования произошел в результате реформы системы образования второй половины 70-х годов, ориентированной прежде всего на эту социальную группу общества. Была поставлена цель повысить уровень образования рабочего до полного среднего. Доля неквалифицированных представителей рабочего класса, относительно стабильная в предшествующие два десятилетия, уже в 1971—1979 гг. снизилась с 19 до 14%⁹². Возросшая потребность в самореализации у молодых (моложе 30 лет) рабочих проявилась в том, что и в их среде половина опрошенных указала на невозможность использовать полученную квалификацию. В остальных группах их доля не превышала 20%⁹³. ½ рабочих, меняющих работу, были в возрасте 20—29 лет⁹⁴. Потеря заинтересованности в трудовой деятельности по полученной специальности, как показали данные социологических исследований, проявилась в 80-е годы особенно ярко именно у наиболее квалифицированной рабочей молодежи — обладателей законченного среднего образования⁹⁵.

В результате около половины выпускников профессиональных училищ стали покидать предприятия, куда они были распределены, после завершения срока трудового договора⁹⁶. Большинство увольняющихся переходило на работу по другой специальности. Причиной неудовлетворенности были прежде всего условия труда на предприятиях. Свыше 70% молодых рабочих оценивали свой труд как простой, однообразный, не требующий квалификации и проявления инициативы, как непrestижный с точки зрения окружающих⁹⁷.

Социоэмпирические данные конца 60-х годов свидетельствовали о том, что с ростом квалификации количество рабочих, удовлетворенных, в частности, уровнем оплаты труда, возрастает (при 40% неудовлетворенных ею)⁹⁸. Через десять лет ситуация изменилась. Но неизменным у большинства осталось ощущение невозможности изменить свое положение на занимаемом рабочем месте, неопределенность перспектив и, следовательно, слабая заинтересованность в результатах труда.

В условиях господства уравниловки величина заработной платы связывалась в сознании работника не с результативностью труда, а с совокупностью внешних обстоятельств⁹⁹. Наряду с отношениями в коллективе и с начальством к числу таких факторов относились общественная значимость труда и даже уровень образования¹⁰⁰. В сознании работника производственная деятельность отделялась от ее содержания. Такое разделение вело к формализации труда, и процесса получения трудовой квалификации. Это явление приобретало массовые масштабы.

На втором этапе "строительства социализма" свыше половины рабочих и еще больше ИТР уже отдавали себе отчет в том, что владение ими новой техникой не влечет за собой повышения зарплаты и уровня жизни¹⁰¹. И это соответствовало действительности. В рабочей среде максимальные показатели оплаты труда даже в 80-е годы были у обладателей низших уровней квалификации (так называемых обученных). В 1984 г. в Чехии они составляли 53% всех рабочих, в Словакии — всего 45%. Напротив, рабочие — выпускники полной

средней школы могли рассчитывать лишь на низший уровень доходов. Высшие уровни образования в рабочей среде не требовались¹⁰². Однако в целом дифференциация оплаты труда рабочих в зависимости от уровня образования была относительно небольшой. Явно приоритетным фактором этой дифференциации оставался характер условий труда. Так, оклады рабочих обрабатывающей промышленности превышали только традиционно минимальные для этого периода доходы работников сферы образования и здравоохранения¹⁰³.

Как подсчитала Л. Калинова, при росте численности населения страны в продуктивном возрасте на 0,3% в первой половине 80-х годов занятость возросла на 2,7%¹⁰⁴. Такой ее рост стал возможен в результате не только практически полного исчерпания источников роста занятости женщин и лиц послепродуктивного возраста. В этот период произошло снижение на 21% количества учащихся продуктивного возраста, что лишь в незначительной степени связано с общедемографическими процессами.

В начале 80-х годов материализовалась девальвация ценности образования и снижение статуса квалифицированного труда в чехословацком обществе. В соответствии с реформой системы образования на рубеже 70-х и 80-х годов продолжительность обучения в основной школе сократилась с девяти до восьми лет и примерно по половине вузовских специальностей — с пяти до четырех лет. Доля учащихся в общей численности населения продуктивного возраста в 1980—1985 гг. уменьшилась более чем на 100 тыс. человек, или с 6,3 до 4,9%¹⁰⁵. Сокращение численности учащихся средних общеобразовательных школ (более 62% их составляли девушки), готовящих к поступлению в вуз, вело к дальнейшему снижению количества студентов.

Дефицит рабочих мест для высокообразованных специалистов оказался наиболее острым, и по ряду технических специальностей в вузах возник систематический недобор студентов¹⁰⁶.

С 1982 г. в Словакии и с 1983 г. в Чехии происходит значительное уменьшение численности учащихся высших учебных заведений. Всего в 1980—1988 гг. количество студентов вузов сократилось в Чешских землях на 3,6%, а в Словакии — после предшествующего всплеска — особенно резко, на 14,0%. Причины были недемографического характера¹⁰⁷. Аналогичные цифры не по республикам, а по нациям еще более ярко характеризуют сложившуюся ситуацию: среди чехов учащихся вузов стало меньше на 2,1%, среди словаков — на 15,8%¹⁰⁸.

В это десятилетие доля тех, кто мог бы получить полное среднее и высшее образование, значительно сократилась. Для чешской нации сужение возможностей роста наиболее высокообразованных контингентов населения стало очевидным уже с конца 60-х годов¹⁰⁹. Тогда замедлились темпы этого роста для одной из европейских наций с наиболее высоким накануне "строительства социализма" уровнем образования. Две трети ее мужского населения было ориентировано на получение лишь рабочей квалификации. Такую образовательную структуру П. Матейю считает соответствующей потребностям второго этапа промышленной революции¹¹⁰.

Политика перераспределения "образовательных ценностей", характерная для всего послевоенного периода, привела к тому, что для молодежи 80-х годов получение их не означало ни роста объема знаний или профессионализма, ни перспектив повышения уровня жизни. Вместе с тем значительная часть ее все же рассматривала образование как предпосылку жизненного успеха. Однако под этим успехом понималась только возможность избежать профессий физического труда и занять привилегированные позиции в верхних звеньях социальной иерархии¹¹¹. Сам физический труд стало общепринятым отождествлять с понятием "труд" вообще. На практике же во главе иерархии социальной структуры по-прежнему находились люди невысокого уровня образования. Особенно типично это стало для Чехии, где в системе управления 29% лиц обладали лишь основным образованием или рабочей подготовкой и всего менее 12% — высшим образованием. В Словакии среди них было несколько больше выпускников средних и высших учебных заведений¹¹².

Снижение статуса интеллектуальных видов труда, в целом роли личности в процессе производства вылилось в получившую в 80-е годы широкие масштабы "ценностную апатию" населения. В это — последнее — десятилетие социализма, как показали данные опросов, снизилась степень участия его в общественных делах: желание влиять на них было характерно в 1984 г. для 11% экономически активных, в 1988 г. — для 9%. Уменьшилась субъективная значимость интересного труда, даже материальная заинтересованность в его результатах, инициативность не только в производственной сфере, но и в проведении свободного времени, т.е. в личной жизни¹¹³.

Начавшийся в годы форсированной реиндустрIALIZации переход к всеобщей занятости населения, ее перераспределение вызвали в конце 40-х — 50-е годы подъем социальной мобильности. Потенциальными участниками его явились не только квалифицированные работники отраслей промышленности, попавших в разряд неприоритетных, или вчерашние домохозяйки, но и многочисленные слои бывших собственников — крупных и мелких, городских и сельских. Все они были вынуждены изменить свой социальный статус, включившись в новую систему общественных отношений в качестве государственных наемных работников, чаще всего промышленных.

Два десятилетия спустя, т.е. в конце 60-х — 70-е годы, по всей Чехословакии прокатилась вторая волна социальных перемещений населения. Формирование следующего поколения людей произошло в условиях потери прежних позиций интеллигенцией — главным субъектом событий 1968—1969 гг. Быстрый рост численности высокообразованных контингентов населения был на этот раз порожден всплеском образовательной мобильности. Наиболее отчетливо он проявился в словацкой среде, оставив след в процессе социальной гомогенизации обеих наций, в формировании широких слоев населения "без определенного статуса".

Оба процесса социальных перемещений имели характер присущего данному общественному строю перераспределения не только мате-

риальных ресурсов, но и "человеческих масс". Отражая саму сущность отношений тоталитарного типа, эти процессы предопределили судьбы двух поколений. Целям формирования, а затем сохранения "социалистических" общественных отношений были подчинены интересы самого человека, который оставался лишь инструментом их достижения. Последовательная ликвидация всяких проявлений сопиально активного начала в обществе, явно противоречащая провозглашенным намерениям его модернизации, осуществлялась через деформацию статуса профессионала, его классового самосознания. За четыре десятилетия в стране действительно коренным образом изменилась социокультурная структура населения: определенная степень так называемой однородности стала реальностью. Тоталитарная система общественных отношений лишила два поколения чехов и словаков выраженных социально-профессиональных интересов и черт.

Попытка имитации процессов цивилизационного развития, идентифицировавшаяся с целями "социалистического строительства", составила сущность явления соцмодернизации. Анализ характера и направленности социально-профессиональных и социально-образовательных перемещений населения Чехии и Словакии свидетельствует о том, что эта попытка оказалась исторически несостоятельной.

Глава III

СДВИГИ В СООТНОШЕНИИ ГОРОДА И СЕЛА

ВСПЛЕСК ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОДВИЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Принятие Чехословакией в 1949—1953 гг. новой модели общественно-экономического развития непосредственно отразилось не только на социально-профессиональных, но и в целом на жизненных судьбах населения страны. Изменение социального статуса очень часто сопровождалось изменением и места жительства, а значит, всей системы межличностных связей и отношений, норм поведения переселенцев, их мировоззрения. Складывалось принципиально новое соотношение городской и сельской культур, мощный импульс которому был дан всплеском миграционной подвижности населения в годы первой пятилетки. В этой главе рассматривается процесс формирования "социалистического типа" горожанина и жителя села, поставленных в одинаковые условия отчужденного от собственности существования. Общее для Чешских земель и Словакии "стирание граней между городом и селом" своеобразно проявилось в индустриальной и полуаграрной общностях. Анализ сдвигов в соотношении города и села позволяет сделать еще один шаг в познании особенностей соцмодернизации. "Социалистическая урбанизация", как и "социалистическая индустриализация", приведшая в движение значительную часть населения страны, внешне напоминала переход к более высокому уровню цивилизационного развития. Попытаемся исследовать содержательную сторону этого типа урбанизации, вызванные ею изменения в жизни двух поколений чехов и словаков. Такое исследование существенно дополняет характеристику двух этапов социалистической истории страны. Главные черты первого из них, завершившегося к началу 60-х годов, были предопределены проходившими тогда процессами реиндустриализации Чешских земель.

В условиях реиндустриализации, когда главным механизмом трансформации социального состава населения стало изменение структуры и уровня его занятости, пространственная мобильность была фактически производной от профессиональной. Поиски нового места работы стали в годы первых пятилеток доминирующим мотивом смены места жительства, которое получило массовые масштабы, особенно в Чехии и Моравии.

В 1950—1954 гг. переселялись 49,8 из каждой тысячи жителей Чешских земель, в 1955—1959 гг. — 34,1, в 1960—1964 гг. — 29,7. В Словакии переселенческая активность на первом послевоенном этапе была ниже, соответственно 31,4; 19,8; 19,6 человека¹.

Наиболее распространенным видом переселения сначала — в годы первой пятилетки были миграции на самые большие расстояния, т.е. в рамках страны в целом. Различия в уровне их для чехов и словаков самые значительные. В первой половине 50-х годов в пределах всей страны, в том числе между Чешскими землями и Словакией, переехало 21,2% жителей западной ее части и 12,3% — восточной². Но уже во второй половине десятилетия роль данного вида перемещений резко сократилась. Пик их пришелся на годы первой пятилетки, когда ускоренный рост чешской тяжелой промышленности потребовал привлечения рабочей силы с востока страны, а формирующаяся словацкая индустрия испытала потребность в чешских квалифицированных кадрах. Всплеск этого вида переселенческой активности был непродолжительным, но он оставил и для второго послевоенного этапа трех-четырехкратное превышение выезда из Словакии в Чешские земли по сравнению с обратным движением. (Речь в данном случае идет не только о словаках, но и о возвратном движении самого чешского населения.)

Миграция в Чешские земли стала в 50-е годы одним из главных средств ликвидации аграрного перенаселения Словакии. На ранних этапах форсированного экстенсивного роста чешская промышленность испытывала особенно большую потребность в малоквалифицированных кадрах, покрываемую в значительной степени за счет словаков. Характерно, что и в 1980 г. уровень образования словаков, проживающих в Чешской Республике, был ниже среднего для ее жителей, а чехов в Словакии — наоборот. 62,9% словаков, проживающих в Чешских землях, имели лишь основное (8-летнее) образование, тогда как 15,2% чехов в Словакии были высококвалифицированными специалистами³. Т.е. и это сложившееся в 50-е годы соотношение относительно стабилизировалось.

Реиндустириализация вызвала подъем миграционной подвижности населения не только между Чешскими землями и Словакией, но и в целом отток жителей сельской местности в города, промышленные центры, а также переезд из одного сельского поселения в другое.

На последний вид перемещений — между отдельными селами — приходилась половина всех переездов жителей страны из одного населенного пункта в другой⁴. В 1954—1960 гг. доля переезжающих в другие села сократилась в 52,9 до 41,7% за счет увеличения выезда в города⁵.

Переезды между селами были в гораздо большей степени распространены в Словакии, чем в Чешских землях, где на них приходилось в 1961 г. всего 21,1% всех переселений. Основным видом пространственной мобильности населения западной части страны оставались переезды из города в город. Их удельный вес возрос к 1975 г. до 39,1%, превышая долю переселяющихся из села в город⁶.

И все же миграционный дефицит жителей села, сложившийся к

середине 50-х годов, оказался особенно ощутимым именно для Чешских земель. С 1959—1960 гг. этот дефицит втрое и более раз превышает здесь естественный прирост сельского населения. Уже с 1957 г. начинается естественная убыль сельского населения, возросшая к 1962 г. до 37,0 тыс. человек в год. Наибольший отток сельских жителей пришелся в Чешских землях на 1960—1961 гг. (49 тыс. человек в год).

В Словакии же на рубеже 50-х и 60-х годов еще продолжался рост численности сельского населения, а значения его возрастающего миграционного дефицита в эти годы были ниже, чем в Чехии, и в абсолютном, и в относительном выражениях.

Таблица 1. Среднегодовой прирост (убыль) жителей поселений с менее 2 тыс. человек (%)⁷

Регион	Годы	Динамика изменений	Регион	Годы	Динамика изменений
Чешские земли	1955—1959	—0,5	Словакия	1955—1959	9,9
	1960—1963	—8,7		1960—1963	2,6

Максимальные величины этого дефицита (23—24 тыс. человек) пришлись здесь на 1963—1964 гг. Лишь к середине 60-х годов приостановился рост сельского населения Словакии⁸.

Всего в 1954—1965 гг. численность сельского населения Чешских земель сократилась на 169 тыс. человек. В Словакии она, напротив, возросла (за счет значительно большего естественного прироста и относительно меньшего выезда) на 153,9 тыс. человека. Различия в структуре населения западной и восточной частей страны углубились. Об этом свидетельствовало и сохраняющееся относительное отставание роста городов Словакии, неспособных в 50—60-е годы реализовать миграционный потенциал их сельского окружения⁹. Лишь двое из трех бывших сельских жителей оседали в этот период в городах¹⁰. Значительная же часть их была вынуждена искать место приложения своего труда на предприятиях, главным образом, добывающей промышленности Чешских земель.

Депопуляция чешского села усилилась в результате того, что в город переезжала прежде всего воспроизводственная составляющая его населения, т.е. молодежь. К 1961 г. сложилась такая ситуация, что, чем меньше было сельское поселение, тем менее благоприятной оказывалась его возрастная структура¹¹. В Ламсер констатирует, что неблагоприятная возрастная структура занятости в сельском хозяйстве стала естественным следствием индустриализации, начавшей набирать обороты после 1948 г.¹².

Сокращение сельского населения в Чешских землях означало уменьшение там количества занятых не только аграрным трудом, но и его несельскохозяйственными видами. Занятые в сельском, лесном и рыбном

хозяйстве составляли большинство — 53% — лишь в населенных пунктах с менее 200 жителей. А в целом преимущественно сельскохозяйственными (41,8% занятых в аграрном секторе) в 1961 г. были в Чешских землях поселения с менее 500 жителей. Поскольку к сельским населенным пунктам в Чехословакии относятся поселения с менее 2 тыс. жителей, то отток оттуда населения привел к территориальному перераспределению прежде всего собственно индустриальной занятости¹³.

Бывшее сельское население поглощалось быстро развивающимися энерго- и топливноемкими отраслями тяжелой промышленности в районе Остравы, на северо-западе Чехии и в Пражском регионе, т.е. преимущественно в западной части страны.

Главным очагом концентрации населения в период первой пятилетки стала Североморавская область с центром в городе Острава. Уже на рубеже 40-х и 50-х годов здесь возникают быстро растущие города (Гавиржов, Остров-на-Огржи) — место жительства людей, прибывших в большинстве своем для работы на шахтах Остравско-Карвинского каменноугольного бассейна. В дневное время эти города пустели: $\frac{1}{4}$ населения Гавиржова выезжало на работу за пределы города. Напротив, численность дневного населения крупнейшего центра черной металлургии и тяжелого машиностроения Чехословакии — Остравы — увеличивалась почти вдвое за счет жителей окрестных малых городов и сел¹⁴.

Для Остравского района были характерны высокие показатели притока и оттока населения, свойственные в этот период всей добывающей промышленности, занятость в которой была подвержена сильным колебаниям. В середине 50-х годов здесь даже сложилось отрицательное сальдо миграционного баланса. Однако в годы второй пятилетки индустриальное значение района Остравы вновь возросло, и в 1959 г. прирост населения здесь превысил средние для первой половины этого десятилетия показатели, достигнув 9 тыс. человек¹⁵. В начале 60-х годов более половины положительного сальдо миграций приходилось на Североморавскую область.

Остравская промышленная область со времени своего интенсивного развития во второй половине XIX в. была ориентирована на прилив рабочей силы внeregионального происхождения. Эта ориентация особенно ярко проявилась в годы реиндустириализации, когда сюда устремились многочисленные переселенцы со всех концов страны. Значительную часть их составляло население Словакии.

В Остравской области еще и в период капиталистической индустриализации многие шахтеры и металлурги, даже квалифицированные, долго сохраняли полусельский образ жизни. У них оставались небольшие наделы земли, с которых они получали дополнительные доходы¹⁶. Социокультурная среда рабочих поселков и небольших городов, расположенных на территории Остравского угольного бассейна, имела промежуточный — полугородской-полусельский — тип. Поэтому она и была особенно привлекательна для словацкого полупролетариата.

По интенсивности и долговременным демографическим последствиям развитие комплекса топливно-энергетических отраслей северо-запада

Чехии в послевоенный период адекватно периоду последней трети XIX в. Рост угледобычи в обоих случаях был примерно четырехкратным¹⁷. По сравнению с первой половиной XX в. темп роста здесь городского населения увеличился больше, чем на половину и почти достиг чрезвычайно высоких его показателей последней трети XIX в. На общем фоне резко выделяется рост центров расселения в районе Северочешского буроугольного бассейна. Двух-трехкратное расширение возможностей приложения труда произошло в связанных с угледобывающей центрах развития тяжелой промышленности.

Высокое миграционное сальдо на протяжении 50-х и 60-х годов характерно и для Среднечешской области. Здесь в период капиталистической индустриализации Чешских земель находился центр формирования чешской промышленности, отсюда берет свои истоки современная чешская нация. Увеличение занятости в промышленности стало в Среднечешской области основным фактором прироста населения в первые послевоенные десятилетия.

Спецификой рассматриваемого этапа индустриального развития были минимальные объемы нового строительства и даже в целом инвестиций в промышленность. Ставка делалась на наиболее полное использование не только сырьевых, но и трудовых ресурсов, которыми располагала высокоразвитая чешская нация. Задачи промышленного роста решались здесь преимущественно путем реконструкции уже имевшихся мощностей, старых предприятий или перемещением их в районы с "избыточными" трудовыми ресурсами с целью создания там дополнительных рабочих мест. Ориентация на эти две основные формы проведения реиндустириализации привела к закреплению существовавшей территориальной структуры промышленности¹⁸. В малых городах сохранилась значительная часть промышленного потенциала чешской нации. Так, около 70% занятых на машиностроительных предприятиях в 60-е годы работали в населенных пунктах с менее 20 тыс. жителей¹⁹. Отчетливо проявилась эта ориентация в стремлении максимально использовать промышленные предприятия Среднечешской области с ее развитой производственной и социальной инфраструктурой, жилым фондом и — главное — квалифицированными кадрами.

В многочисленных среднечешских промышленных центрах городского и полугородского типа и в рабочих поселках, возникавших в их окрестностях, появлялись относительно небольшие предприятия или новые цеха на существующих заводах, что вело к усилению исходно высокой территориальной раздробленности чешской промышленности. Преимущественно сюда и стягивалось население переживающих процесс депопуляции сел. Относительная пространственная доступность этих центров для населения близлежащих сельскохозяйственных районов, особенно южной Чехии, стимулировала и рост здесь маятниковых переездов сельского населения к месту работы и обратно.

Стремление наиболее полно использовать квалификационный потенциал Чешских земель проявилось в размещении промышленного строительства в их аграрных и аграрно-индустриальных районах. В 1960 г. по сравнению с 1930 г. численность занятых в индустрии

этих районов возросла на 84%, тогда как в крупнейших промышленных агломерациях всего на 28%²⁰.

Примечательно, что процесс концентрации населения в Среднечешской области практически не распространялся на Прагу и ее окрестности. Рост их, начавшийся в последней четверти XIX в., был особенно интенсивным в 1910—1930 гг. — в период быстрого увеличения численности населения крупнейших городов Чешских земель. С 1940 г. для Праги становится характерным отрицательное сальдо миграций, и еще в 1949 г. количество ее жителей было меньше, чем за десять лет до этого²¹. В послевоенный период с помощью ряда экономических и юридических мер прирост населения Праги поддерживается на уровне не более 4—6 тыс. человек в год²². Главным сдерживающим фактором роста числа переселенцев стала здесь особенно острая жилищная проблема. И в пригородах столицы в течение всего послевоенного периода прирост населения оставался ниже не только по сравнению с этапом крупногородской урбанизации в межвоенный период, но и по сравнению с этапом так называемой основной урбанизации (рост малых и средних городов) на рубеже веков. Население столицы за два послевоенных десятилетия увеличилось на 88 тыс. человек, что составило лишь четверть его прироста за два межвоенных десятилетия²³.

Прага стала, пожалуй, единственной европейской столицей, численность населения которой, включая окрестности, относительно стабилизировалась. Ограничение притока мигрантов сюда началось в 1953 г. и было несколько ослаблено в 1957 г., когда естественный прирост приобрел отрицательные значения, сохранившиеся до 1972 г. Медленный рост столицы привел к высокой степени оседлости ее населения. В этих условиях коренные жители сохранили большинство. Стиль жизни крупного города, его цивилизация, которые в этот период практически не имели тенденцию распространения вширь, остались здесь — в столице — преобладающими²⁴. Прага сохранила свою роль ядра чешской нации, что особенно ярко проявилось в сильной мере локализованных именно здесь событиях 1968—1969 гг.

Остальные области Чехословакии, помимо трех вышеназванных областей Чешских земель — Североморавской, Среднечешской и Западночешской, — имели отрицательное сальдо миграции²⁵. Их жители переезжали в области приоритетного развития промышленности. Наибольший отток населения пришелся на Среднесловакскую и Восточнословацкую области: так называемая форсированная индустриализация Чешских земель осуществлялась при их активном участии. Аграрное население Словакии в первое послевоенное двадцатилетие, как и раньше, было вынуждено искать место приложения труда за пределами своей национальной территории.

Во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов с наступлением нового этапа в послевоенной истории страны изменяется содержание и направленность процессов социальной мобильности населения. Наряду со спадом его переселенческой подвижности происходит резкая переориентация миграционных потоков. Теряет прежнее

Таблица 2. Динамика миграционного сальдо областей Чехословакии в 1960—1974 гг. (тыс. человек)²⁵

Область	1960—1964 гг.	1965—1969 гг.	1970—1974 гг.	1960—1974 гг.
Среднечешская (включая Прагу)	29,7	27,3	22,0	79,0
Южночешская	-6,8	-0,6	2,9	-4,5
Западночешская	7,3	7,7	2,3	17,3
Северочешская	-1,4	-11,1	-9,1	-21,6
Восточночешская	-13,1	-5,1	-4,3	-22,5
Южноморавская	-17,4	-11,0	-0,9	-29,3
Североморавская	39,2	23,6	6,1	68,9
Западнословацкая (включая Братиславу)	-8,8	1,4	8,8	1,4
Среднесловацкая	-13,9	-16,7	-14,1	-44,7
Восточнословацкая	-14,8	-15,5	-13,8	-44,1
Величина положи- тельного сальдо	76,2	60,0	42,1	166,6

значение основного центра концентрации населения Североморавская область, которая становится "убыточной" по отношению ко всем областям Чешских земель. Существенно снижается и роль северо-запада Чехии, возникших здесь в годы первой пятилетки производств, связанных с добычей бурого угля. Относительно высокое иммиграционное сальдо по отношению к остальным областям Чешской Республики, кроме Южночешской, сохраняет лишь столичная Среднечешская область. Напротив, в эти годы возрастает притягательность ранее имевших отрицательное сальдо миграции преимущественно аграрных, но экологически более чистых Южночешской, а затем и Южноморавской областей, относительно слабо затронутых процессами реиндустриализации. Крупным центром притока населения становится Братислава с окрестами, практически единственный регион, сравнимый по уровню индустриального развития с чешскими областями в довоенный период. Начинается рост количества переселенцев в Западнословацкую область. Получающее только в 60-е годы распространение массовое жилищное строительство создает для этого реальные возможности.

В основе всех этих сдвигов находилось коренное изменение мотивационной основы переселения у "поколения 1950 г. рождения" по сравнению с "поколением 1930 г." На втором этапе послевоенной истории страны цели ее реиндустриализации утеряли свое первостепенное значение, и вслед за этим сменился тип миграционной подвижности населения. Экономически мотивированные миграции, т.е. связанные со стремлением получить на новом месте более высокие доходы, теряют в эти годы свое значение. Преобладающий до конца 60-х годов фактор смены места работы становится причиной переезда в менее чем четверти всех случаев переселения, что ненамного больше, чем такая мотивировка, как вступление в брак²⁷. Почти половина всех переселений вызвана теперь стремлением улучшить жилищные условия.

Итак, отраслевые и территориальные сдвиги в чешской промышленности в годы первой и второй пятилеток обусловили массовые перемещения населения. Однако все они оказались лишь временным явлением, вызванным к жизни на рубеже 40-х — 50-х годов политическим курсом КПЧ, соответствующим концепции форсированного перехода к социализму всех государств Восточноевропейского региона. Начало следующего этапа "социалистического строительства" связано с очередным изменением его концепции в новых условиях. Это изменение повлекло за собой ответную волну социальных перемещений. В значительной мере они носили черты возвратного движения, последовавшего за предшествующим всплеском индустриальной занятости. Движение населения приобрело иные формы: гораздо реже оно сопровождалось переселением. Территориальная подвижность чехов и словаков к концу 60-х годов относительно стабилизируется и остается на уровне 26—28% даже в период урбанизационной волны 70-х годов²⁸.

Явление интенсивной социальной мобильности становится одной из основных особенностей рассматриваемого типа общественного развития. Крутые повороты в жизненных путях в 50-е годы в наибольшей степени присущи представителям чешской нации.

*Таблица 3. Динамика переселенческой активности
на 1 тыс. жителей по видам²⁹*

	Внутрирайонная	Внутриобластная	Внутригосударственная
1950—1954 гг. Чешские земли	12,9	15,7	21,2
Словакия	6,2	12,9	12,3
1960—1964 гг. Чешские земли	11,7	8,2	9,8
Словакия	9,1	6,8	3,7

При общем спаде миграционной подвижности и сближении ее уровней для Чехии и Словакии к началу 60-х годов различие в ее характере для чешского и словацкого населения возрастает. Пространственная мобильность населения Словакии явно становится все в большей степени внутрирайонной, т.е. здесь преобладают переселения на небольшие расстояния. Напротив, для чешского населения показатели переселенческой активности в рамках района и всей страны относительно выравниваются. Повышенным остается уровень его межобластной мобильности: и в 1960—1980 гг. в Чешских землях переселились в другие области 1,8 млн человек, в Словакии — 0,4 млн³⁰. В целом дальность переездов чехов сохраняет свой более высокий по сравнению со словаками уровень.

ЧЕШСКИЕ И СЛОВАЦКИЕ ГОРОЖАНЕ ПЕРИОДА РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Промышленный подъем первых пятилеток оказал особенно большое влияние на рост некоторых категорий городов, т.е на состояние сети городских поселений Чешских земель, переживавших в конце 40-х—50-е годы один из переломных периодов своего формирования. Крупные изменения претерпела и жизнь обитателей этих поселений.

Непосредственная зависимость роста городов от увеличения численности занятых в промышленности существовала в Чехии на первом этапе промышленной революции, завершившемся на рубеже 60-х и 70-х годов XIX в., а также в начале второго ее этапа. Эта зависимость ослабла с окончанием капиталистической индустриализации в 1921—1950 гг., когда численность занятых в промышленности даже снизилась тем более чем на полмиллиона человек. Напротив, города в этот период пережили значительный рост: на 706 тыс. человек увеличилась численность населения городов с более чем 5 тыс. жителей³¹. В послевоенный период с его скачком индустриальной занятости процесс концентрации населения Чехословакии, как и остальных стран Восточной Европы, стал предопределяться ходом развития промышленности, созданием новых рабочих мест в этой отрасли. Однако первый послевоенный период самого интенсивного по некоторым параметрам роста концентрации населения в городах Чешских земель был и относительно кратковременным. Уже в 60-е годы зависимость индустриализации и урбанизации там начинает опять ослабевать, а центр их тяжести смещается с запада страны на восток. И все же вплоть до 1970 г. распределение темпов роста занятости в промышленности в городах различной величины практически не меняется. Наибольшие приrostы индустриальной занятости в Чешских землях характерны для городов с 5—20 тыс. жителей, в 60-е годы — еще и с 50—100 тыс. жителей. Быстро, особенно в 50-е годы, развивалась промышленность и в самых мелких индустриальных центрах, малых городах. Вместе с тем в крупнейших городах роль ее к 1970 г., напротив, упала³².

Еще в довоенный период $\frac{3}{4}$ промышленных поселений Чешских земель принадлежало к числу индустриализированных деревень и городков, в которых проживало не более 2 тыс. человек³³. Их сеть в основном сформировалась уже к 1890 г. Малые города вновь стали основой размещения промышленности в 50-е годы XX в., когда многочисленные предприятия или их цеха с относительно небольшой численностью занятых возникали главным образом в индустриально наиболее развитых районах Чешских земель в расчете на максимально полное использование их трудовых ресурсов. Поэтому в отношении не только отраслевой, но и территориальной структуры промышленности, всего процесса роста городов можно говорить о повторении на первом этапе послевоенной истории чешского общества пути, пройденного почти столетие назад. Приоритетное развитие малого города отличает эти два этапа от разделяющего их периода 1890—1950 гг. с опережающим тогда развитием крупных городов.

Ускорение так называемой основной урбанизации, т.е. роста малых поселений городского и полугородского типа, в период реиндустириализации сочеталось с замедлением роста крупнейших городов. Особенно ярко это проявилось в относительной стабилизации численности населения Праги³⁴.

Сходство процессов роста чешских городов в период промышленной революции третьей четверти XIX в. и в 50-е годы XX в. проявилось не только в ориентации на создание и развитие в обоих случаях небольших промышленных центров. Для этих двух периодов характерен и подъем в интенсивно растущих центрах уровня рождаемости, т.е. временное распространение там доиндустриальных норм расширенного воспроизводства населения³⁵. В условиях капиталистической урбанизации это было закономерным результатом перенесения в городскую среду традиционного типа воспроизводства, который сохранялся на протяжении жизни горожан первого поколения. В 50-е годы, когда переход к интенсивному типу естественного воспроизводства завершился практически уже на всей территории Чешских земель, отход от него мог быть вызван только чрезвычайными обстоятельствами. Такие обстоятельства сложились в условиях форсированной реиндустириализации. Результатом ее стал особенно массовый в Чешских землях отток из села, и не только из села, воспроизводственной составляющей населения в небольшие промышленные центры часто с минимально развитой социально-культурной инфраструктурой. Преимущественно экономические мотивы переезда предопределяли весь образ жизни переселенцев.

Реиндустириализация сопровождалась разрушением сложившихся связей и отношений между людьми. Одним из проявлений ресоциализации личности стал отход от сложившихся к середине XX в. норм городской культуры чешского общества и принятие им более архаичного типа естественного воспроизводства части населения в новых местах его поселения. В 50-е — начале 60-х годов в чешских городах наблюдается возврат к нормам расширенного воспроизводства населения, присущего доиндустриальному обществу.

Для первого послевоенного периода оказалось нехарактерным распространившееся еще в годы буржуазной республики ограничение рождаемости чешскими горожанами. Особенно стабильными были повышенные показатели рождаемости в городах с 20—50 тыс. жителей, в 1951—1954 гг. — даже больше, чем в сельской местности³⁶. Данная категория городов составила и исключение из общей закономерности снижения числа семей с тремя и более детьми в зависимости от роста величины поселения. В этом отношении города с 20—50 тыс. жителей были ближе к селу, чем даже к поселениям с 2—5 тыс. жителей³⁷. В поселениях с менее чем 50 тыс. жителей в наибольшей степени проявилось в 50-е годы и омоложение брачности³⁸. В начале следующего десятилетия плодовитость населения малых чешских городов с 5—10 тыс. жителей оставалась выше средней, а с 10—50 тыс. — выше средней для городов³⁹. Для этих категорий чешских городов в 1961 г. был характерен наиболее высокий удельный вес населения детского возраста⁴⁰.

В шахтерском Гавиржове, расположеннном в Остравском угледобывающем регионе, в 1957 г., т.е. через 10 лет после его основания, 65% всех невест были в возрасте 15—19 лет, почти половина всех браков расторглась, лишь четверть замужних женщин были экономически активными, значительно выше средней была здесь детская составляющая населения⁴¹. Таким образом, в промышленных центрах сформировался специфический для Чешских земель тип демографического воспроизводства. Следует к тому же учитывать, что 78% прироста населения здесь в 1956—1957 гг. составляли чехи⁴².

Значительно ниже среднего уровня оказался естественный прирост только в крупнейших (свыше 100 тыс. жителей) городах, доля которых в общей численности населения практически не менялась. На рубеже 50-х и 60-х годов снижение там естественного прироста до минимума (0,3% в 1960—1963 гг.) привело к убыли населения Праги (в 1957—1963 гг.) и Пльзеня (в 1959—1962 гг.).

Отток основной воспроизводственной составляющей населения чешского села был настолько значительным, что в начале 60-х годов его естественный прирост в отличие от городского населения не достигал и среднего уровня. Демографическая ситуация здесь оказалась в этом отношении неблагоприятной, как и в крупнейших городах, тоже испытавших некоторый отток людей молодого и среднего возраста в центры реиндустириализации — населенные пункты с 10—20 тыс. жителей.

Формирование современной сети городов Словакии, по существу, начинается лишь в 50-е годы. Однако темпы увеличения численности населения городов с более чем 10 тыс. жителей в годы первых пятилеток здесь даже ниже по сравнению с довоенными⁴³. В целом переселенческая активность в восточной части страны была в 50-е годы еще слабой, а ее социально-демографические последствия гораздо менее значительны, чем в западной части. Лишь на рубеже 50-х и 60-х годов в Словакии возникает некоторое превышение среднегодового естественного прироста в полугородских-полусельских поселениях с 2—5 тыс., а затем и с 5—10 тыс. жителей по сравнению с чисто сельскими поселениями с менее 2 тыс. жителей. Повышенные показатели плодовитости зарегистрированы в этот период в городских пригородах. Туда, как и в крупные села, малые города, часто больше похожие на рабочие поселки, и сместилась к началу 60-х годов основная воспроизводственная составляющая сельского населения. Поселения с 2—20 тыс. жителей и в 1970 г. характеризует наиболее многочисленная детская составляющая населения⁴⁴. Поэтому действительное начало процессов расширенной индустириализации и роста городов Словакии следует относить уже к рубежу 50-х и 60-х годов. Возрастная структура городского населения Словакии 1970 г. отражает последствия урбанизационных процессов предшествующего десятилетия. Доля населения трудоспособного возраста увеличивается тогда пропорционально величине города⁴⁵.

Итак, в результате реиндустириализации в наибольшей степени увеличилось за счет миграций население чехословацких городов с 10—20 тыс. жителей, чуть меньше — с 20—50 тыс. Основным источ-

ником роста центров форсированной реиндустриализации — поселений с 10—20 тыс. жителей — было бывшее сельское население и жители поселений переходного типа с 2—10 тыс. человек. Однако в отличие от всех остальных категорий населенных пунктов эта росла еще и за счет более крупных поселений (с 20—50 тыс. и даже с более 100 тыс. жителей!).

Таблица 4. Прирост (убыль) населения Чехословакии за счет миграции в поселениях различной величины (%)⁴⁶

Количество жи- телей, в тыс.	1955— 1959 гг.	1960— 1962 гг.	Количество жи- телей в тыс.	1955— 1959 гг.	1960— 1962 гг.
Менее 2	—6,9	—11,8	20—50	12,7	18,5
2—5	0,9	—0,7	50—100	8,3	20,6
5—10	4,4	7,4	Свыше 100	4,4	9,0
10—20	12,8	12,9			

В начале 60-х годов социально-экономическая ситуация в стране меняется: цели реиндустриализации теряют первостепенное значение. Вместе с тем миграционный дефицит сельских поселений достигает в эти годы своего пика. В 1960—1963 гг. в Чехословакии на миграционный приток приходится в городах с более чем 10 тыс. жителей уже 66% общего прироста населения⁴⁷. Несмотря на снижение здесь рождаемости, в результате интенсивного притока в города бывших сельских жителей Чешских земель, а затем и Словакии происходит ускорение их роста. Однако в отличие от предшествующего десятилетия распределение этого притока в города различной величины теряет свой характерный для периода реиндустриализации выборочный характер. Индустриальные поселения с 10—20 тыс. жителей больше не принимают на себя основную массу мигрантов, среди которых значительно увеличивается доля выходцев из села.

В 1960—1962 гг. значительно возросшая интенсивность миграционного притока увеличивалась уже прямо пропорционально размерам поселения. Единственное исключение в этом отношении составляли пока крупнейшие города. В наибольшей степени в эти годы за счет переселенцев пополнились не они, а крупные города с 50—100 тыс. жителей. К их числу относятся основные административные и промышленные центры опять же Чешских земель: Пардубице, Градец-Кралове, расположенные в местах угледобычи Гавиржов, Карвина, Мост, Теплице и др. Именно там главным образом и шло жилищное строительство⁴⁸. В Словакии на рубеже 50-х и 60-х к числу быстро растущих городов этой категории принадлежало лишь Кошице, где тогда началось возведение крупного металлургического комбината. К 1970 г. численность населения Кошице достигла 145 тыс. человек, и в Словакии стало два наряду с Братиславой города, относящихся к категории крупнейших.

Итак, первый послевоенный период, или первый этап "строительства социализма" в Чехословакии, завершившийся к середине

60-х годов, был временем не только реиндустриализации Чешских земель, но и преимущественно "чешской урбанизации". В основе ее находился процесс роста промышленной занятости населения, преодолевший все стороны жизни целого поколения, прежде всего чехов.

Отраслевая и территориальная структура промышленности и городская сеть, характеристики самого городского населения действительно претерпели тогда, особенно в Чешских землях, крупные изменения. Но это было всякий раз скорее возвратное не только экономическое, но и социально-демографическое движение — от более высокой к более низкой стадии развития, соответствующей начальным этапам модернизации. По важнейшим параметрам эта раннеиндустриальная стадия была пройдена чешским обществом еще в третьей четверти XIX в. В 50-е годы XX в. промежуточный — полугородской-полусельский — тип населенного пункта, характерный для него образ жизни и тип личности вновь пережил здесь короткий период своего расцвета. Относительно небольшие промышленные центры стали в период реиндустриализации очагами деформации социально-профессионального статуса и демографического поведения широких слоев населения. Прежде всего здесь локализовались наиболее активные процессы социальных перемещений, ставших важнейшими компонентами перехода чехословацкого общества к новой системе общественных отношений.

Как свидетельствуют данные микропереписи 1967 г., относительно благоприятнее на общем фоне был статус — уровень образования и доходов — переселенцев в меньшие по величине поселения (с 20—100 тыс. и 5—20 тыс. жителей) из более крупных. С другой стороны, в группах населения с более высокими доходами, лучшими жилищными условиями, наличием автомашины выше и доля мигрантов⁴⁹. Переселенцы стали важнейшими носителями процессов роста положения в обществе и уровня жизни⁵⁰. "Нисходящий" тип пространственной мобильности, т.е. процесс дезурбанизации, стимулировался расширением возможностей социального продвижения вверх по социальному-иерархической лестнице.

Массовые переселения на первом этапе "строительства социализма" сопровождались радикальными изменениями сущностных характеристик их субъектов. У жителей небольших промышленных центров в наибольшей степени проявилась смена совокупности их отношений с внешним миром, а значит, всей картины мира.

Основа нового мировоззрения закладывалась процессами секуляризации, с которыми социально-экономическое переструктурирование общества на первом этапе его послевоенной истории было очень тесно сопряжено. Больше всего настроенных антирелигиозно стало среди жителей Северочешской, Западночешской и Среднечешской областей, где концентрировались "перемещенные" слои населения⁵¹.

В 1963 г. в Североморавской области было проведено исследование параметров религиозности населения под руководством Э. Кадлецовой. В ходе его были выявлены коренные различия в уровне религиозности старожилов и переселенцев периода форсированной

реиндустриализации. Доля атеистов среди последних оказалась вдвое выше. Еще больше их было среди переселенцев времен первой пятилетки. Однако атеистами оказались преимущественно представители интеллигенции и служащих, в большинстве своем чехи. Это люди трудоспособного возраста, главным образом мужчины, горожане, как и следовало ожидать, занятые в промышленности, т.е. активные участники процессов "социалистического строительства"⁵². Рабочие же были единственной социальной группой, у которой доля неопределившихся, колеблющихся в мировоззренческом отношении значительно превышала средний уровень⁵³. Особенно много неопределенчившихся оказалось среди переселенцев из Словакии, подавляющее большинство которых составили рабочие в первом поколении — почти 3/5 их⁵⁴. Таким образом, участие в процессах реиндустриализации было связано со сменой мировоззренческих ориентаций у целого поколения ее главных субъектов — переселенцев. Для служащих переезд нередко сопровождался вынужденным отказом от религии, точнее, изменением характера веры, для рабочих, особенно выходцев из крестьянской среды, он означал потерю всяких жизненных ориентиров.

Процесс духовного перерождения был обусловлен материально. Как выяснилось, лишь каждый десятый, оценивающий материальное положение своей семьи отрицательно, был атеистом, тогда как половина их относилась к числу верующих⁵⁵. Характерно, что по сравнению с предвоенным периодом улучшили свое положение главным образом семьи атеистов, ухудшилось оно у верующих. Не произошло никаких перемен в этом отношении в большинстве случаев тоже у верующих — рабочих, крестьян, их жен⁵⁶. Новый общественный строй за полтора десятилетия не принес им улучшения благосостояния.

Всего 17% опрошенных в 1963 г. в Североморавской области, как выяснилось, пережило религиозный кризис, т.е. кризис своего мировоззрения. Среди атеистов это почти каждый пятый. Большинство же населения просто перешло в разряд колеблющихся, сохраняя двойственность своих взглядов на мир и составив социальную основу процессов люмпенизации.

Мировоззренческий кризис как массовое явление, характерное для 50-х годов, выражался не только в отказе от религии значительной части населения, но и в противоположном процессе углубления религиозной веры. Каждый четвертый верующий стал в этот период более последовательным приверженцем религиозного мировоззрения. И всего 8% опрошенных повернулось к религии, а не наоборот⁵⁷. В целом можно сказать, что в 50-е годы массовый характер приобрела трансформация взглядов на окружающую действительность, ломались привычные представления и человеческие судьбы. Происходила поляризация мировоззренческих ориентаций, и закладывались основы их противопоставления.

У четвертой части населения одного из очагов форсированных общественных перемен — Североморавского — отношение к миру приняло экстремальные формы отказа от религии или решительного

поворота к ней. Остальные — колеблющиеся — практически были выведены из процесса разворачивающегося идеиного противоборства, "нейтрализованы". Их социокультурная активность резко снизилась, взгляды стали ярко выраженным конформными. Вместе с тем, как установила Э. Кадлецова, именно колеблющиеся в отличие от верующих составили массовую основу общественных движений того времени, вне которых они стояли реже других⁵⁸.

Выше уже упоминалось, что большинство колеблющихся приходилось на рабочих, главным образом словацких. Именно для них — выходцев из села — приобщение к индустриальной культуре, т.е. формирование личностных характеристик сознания, имело первостепенное значение. Однако как раз они в этот период и лишились тех жизненных ориентиров, которые раньше им предоставляла религия, переставшая выполнять роль нравственной основы поведения подавляющего большинства опрошенных (83%). От прежнего мировоззрения, особенно у колеблющихся, осталась лишь потребность в Боге как носителе религиозной идеи⁵⁹. Консервация наиболее ортодоксальных элементов религиозной веры сочеталась с усилением прежде всего ее компенсационных функций в условиях все большего превращения человека в объект социального манипулирования.

Сравнение полученных в Североморавской области в 1963 г. данных с данными обследования уровня религиозности населения в целом Чешских земель в 1946 г. показало резкое уменьшение доли верующих в Бога (с 64 до 34%) в ходе реиндустриализации⁶⁰. И это несмотря на пополнение промышленных предприятий области значительным числом традиционно религиозных словаков, присутствием здесь в подавляющем большинстве верующего польского меньшинства. У трех из пяти опрошенных жителей Северной Моравии родители были более религиозными, чем они сами. Надо заметить, что среди молодежи уровень религиозности оказался вдвое ниже среднего по области: в этой демографической группе общественные перемены всегда проявляются наиболее ярко.

Итак, промышленные центры стали центрами секуляризации общества, т.е. центрами изменения самого типа его культуры, носителем которой явилось "поколение 1930 г." Именно его молодость пришла на время реиндустриализации.

Смена в 50-е годы жизненных основ этого поколения была далеко не безболезненным процессом. По результатам исследований чешских социологов, наибольшее распространение самоубийств характерно в начале 60-х годов именно для интенсивно развивающихся в предшествующее десятилетие промышленных центров. В городах с 20—50 тыс. жителей доля самоубийц значительно превышала средний уровень. Второе место по этому показателю заняли города с 50—100 тыс., третье — с 10—20 тыс. жителей. Минимальной эта доля была в сельской местности. В отличие от Чешских земель в Словакии, как и в случае с уровнем рождаемости, стремление к добровольному уходу из жизни возрастало пропорционально величине поселения, достигая максимума в Братиславе⁶¹.

Кризис личности оказался наиболее характерным для городов

с высокой занятостью в топливно-энергетической и металлургической промышленности, в 50-е годы испытавших большой приток населения. К их числу относятся Кладно, Хеб, Соколов, Теплице и другие города, расположенные преимущественно на территории Остравского и Северочешского угольных бассейнов. В противовес им относительно благоприятной в этом отношении оказалась ситуация в старых чешских городах со стабильной численностью населения — таких, как Пардубице, Градец-Кралове, Ческе-Будеёвице⁶².

Максимальные показатели доли самоубийств в 1960/1961 г. были зарегистрированы в Северочешской области (на 58% больше общегосударственных средних), минимальные — в Восточной Словакии. В целом наблюдалась убыль значений этого показателя с запада на восток страны. Его среднегодовые значения в 1960—1964 гг. в Чешских землях составляли 25,2%, в Словакии — 11,6%⁶³. Зависимость между количеством желающих добровольно уйти из жизни и уровнем социальной мобильности населения в наибольшей степени проявилась среди мужчин молодого и среднего возраста, составлявших основную часть занятых в так называемых приоритетных отраслях.

Влияние радикальных экономических сдвигов на жизнедеятельность населения Словакии начало в полной мере проявляться уже после массового включения его в процессы социально-экономического переустройства общества. Переломным пунктом в развитии этого процесса стало относительное выравнивание показателей промышленной и аграрной занятости населения, произошедшее в 1964 г. Достижение "критической массы" государственных наемных работников в сфере индустрии открыло широкие возможности перехода к новой системе общественных отношений. В словацкой среде он был связан, в частности, с закономерным ростом преступности, прежде всего в центрах индустриализации⁶⁴. Именно с 1964 г., как обнаружилось, этот рост и характеризуется более высокими по сравнению с Чешскими землями темпами⁶⁵. Индустриализация как закономерность "строительства социализма" смогла в полной мере реализоваться в Словакии на полтора десятилетия позже, чем в Чешских землях. Однако ее роль и социокультурные последствия были здесь не менее значительны.

"Социалистическая индустриализация" вызвала наиболее крупные перемены в социальной структуре словацкого села — места традиционного сосредоточения общественной жизни словаков. Особенности формирования системы расселения, соответствующей такому роду социально-экономического развития, составляют социалистический тип урбанизации. Его основные черты более отчетливо проявились на втором этапе послевоенной истории Словакии. Предпосылки же этого типа урбанизации были заложены в переломные 50-е годы.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТИП УРБАНИЗАЦИИ: СЛОВАЦКИЙ ВАРИАНТ

В отличие от Чешских земель в преимущественно аграрной Словакии города традиционно формировались как центры занятости не в индустриальной, а в непроизводственной сфере. Гипертрофия обслуживающих функций городов особенно ярко проявилась здесь еще в межвоенный период, когда, по оценке Я. Светоня, они были прежде всего экспозитурами государственной власти⁶⁶.

Словакские города с их широким сельскохозяйственным окружением и в послевоенный период долгое время были не способны поглотить излишки рабочей силы села. В условиях, когда центр тяжести промышленного развития был сдвинут в западные области, значительная часть словакских мигрантов оседала в чешских и моравских городах. Поэтому и в 50-е — начале 60-х годов города Словакии росли прежде всего как носители новых административно-политических функций, как ядра формирующейся системы управления и в меньшей степени — как промышленные центры⁶⁷.

Город — центр развития крупной индустрии еще в 50-е годы был практически неизвестен Словакии с ее низкоэтажной застройкой, слабой технической оснащенностью городов, сохранивших полуфеодальный облик. Поэтому с началом форсированной индустриализации интенсивный рост пережили новые промышленные центры. Строительство там заводов и фабрик вело к росту численности населения этих центров. Однако данный тип индустриализации недостаточно располагал к концентрации рабочей силы. Усиливающаяся, особенно на первом послевоенном этапе, территориальная и отраслевая раздробленность производства проис текала из распыленности капиталовложений в промышленность. Размещение их в многочисленных малых городах и даже крупных селах объяснялось, в частности, неразвитостью пассажирского транспорта для ежедневных маятниковых перевозок большого количества рабочей силы из сельской местности на промышленные предприятия городов⁶⁸. Ориентация на комплексность производственных циклов, создание промышленных узлов и агломераций реализовалась лишь с начала 60-х годов. Кроме того, приоритетные для форсированной индустриализации отрасли группы "A" — топливно-энергетическая, металлургическая, строительная, химическая — имеют ограниченный градообразующий потенциал. Поэтому наиболее индустриальными здесь, как и в Чешских землях, становились малые и средние города (с 5—20 тыс. жителей)⁶⁹. Градообразующие функции промышленности проявились в наибольшей степени в Средней Словакии с ее многочисленными предприятиями тяжелой индустрии и слабее всего — в экономически отсталой Восточной Словакии. Там основу роста городов составляла в 50-е годы непроизводственная сфера⁷⁰.

Однако опережающие темпы роста имела в первый послевоенный период в Словакии не эта (5—20 тыс.), а следующая категория городов — с 20—50 тыс. жителей. Большинство их принадлежало к числу административных центров районного масштаба. В 1950—

1970 гг. их количество увеличилось с 6 до 16, а с числом жителей 10—20 тыс. — вдвое. Вместе с тем число более крупных городов оставалось неизменным — их было всего два. Численность служащих в городах с 20—50 тыс. жителей была уже выше, чем рабочих⁷¹.

Город в Словакии стал отличаться от деревни прежде всего по удельному весу семей служащих, заселивших новые города и районы городских новостроек. Особенно значительным прирост служащих был в крупных городах, где увеличение доли рабочего класса оказалось минимальным. Новые служащие существенно изменили социальный облик словацких, как и в целом социалистических, городов, составив большинство их обитателей.

И в 1970 г. словацкие города оставались менее пролетарскими и менее индустриальными, чем чешские. Доля городов с административно-политическими функциями в Словакии выше уже постольку, поскольку общая численность городов здесь ниже. Но главные причины этого состояния крылись в сущности той системы общественных отношений, в которой город — и тем более крупнейший город — становился прежде всего средоточием административно-перераспределительной и в меньшей степени производственной деятельности. Вместе с тем представленность рабочего класса возрастила от областных центров к районным и, наконец, к городам, не имеющим административно-политических функций (пригородные населенные пункты, районы городских агломераций)⁷².

Сельские населенные пункты с их высокой долей населения, занятого в промышленности, были в 50-е — начале 60-х годов в Словакии, пожалуй, основными объектами форсированной индустриализации. В значительной степени утеряв в этот период свой сельскохозяйственный характер, т.е. пережив процесс социальной дезаграризации, эти поселения тем не менее сохранили свое положение в структуре расселения. Если представленность рабочего класса в городских и сельских поселениях Чешских земель в 1961 г. была практически одинаковой, в Словакии рабочие характерны в большей степени именно для сельских поселений.

Словацкий промышленный рабочий с его низким уровнем квалификации и невысокими заработками предпочитал жить в селе. Свою индустриальную деятельность он рассматривал как источник получения дополнительных доходов по отношению к деятельности аграрной⁷³. В отличие от Чешских земель, где рабочий уже во второй половине XIX в. в большинстве промышленных областей отошел от труда в сельском хозяйстве для получения основного заработка, в Словакии и в 50-е годы XX в. такое положение было еще исключительным. Здесь сложилась относительно многочисленная, опирающаяся на традиции коворольничества группа населения, нуждающаяся для обеспечения своего существования в двух источниках доходов и выполняющая соответственно два вида производственной деятельности. Вынужденное расширение сфер деятельности при низком уровне подготовленности к ней было характерно для крестьянства так же, как и для женского населения. На привлечении к промышленному труду этих людей и основывалась политика занятости

в условиях экстенсивной, но форсированной индустриализации. При снижении среднего уровня заработной платы и уровня квалификации общественного труда увеличение количества источников получения доходов стало главной возможностью повышения материального благосостояния и движущей силой мощных — отраслевых и территориальных — перемещений.

Если в годы первой пятилетки коворольники оказались среди первопроходцев в реализации идеи кооперирования сельского хозяйства, то создание в ходе ее большого количества мест приложения их труда коренным образом изменило их намерения. Уже в 1952—1953 гг. полупролетарские слои, имевшие, особенно в Словакии, глубокие социальные корни, предпочли возможность получения более легких, как они считали, и высоких заработков во внесельскохозяйственной сфере⁷⁴.

Полукрестьянин-полурабочий чувствовал себя крестьянином в заводской среде и рабочим в селе⁷⁵. Такое промежуточное состояние, естественное для начального этапа индустриализации, стало, однако, имманентной частью новой системы общественных отношений. По мере улучшения условий жизни в селе с начала 60-х годов, по мере развития системы коммуникаций между городом и селом миграция, заканчивающаяся переселением, приобрела тенденцию к спаду. Напротив, возрос объем ежедневных и еженедельных перемещений. В этой ситуации труд в промышленности продолжал рассматриваться как временный, и промежуточный социальный статус сельского жителя закрепился на фоне его массовых перемещений⁷⁶.

Процесс урбанизации в Словакии в 50—60-е годы наиболее выразительно проявился в набирающем размах индивидуальном жилищном строительстве в сельской местности, в оснащении деревенских домов на манер городских. Стремление к приобретению во все возрастающих масштабах личного имущества можно рассматривать, в частности, как поиск гарантий материальной стабильности в условиях социальной, а значит, и духовной и культурной неопределенности.

В городах Словакии в этот период особенно остро стояла жилищная проблема. В 1946—1970 гг. там было построено 292 тыс. квартир при приросте рабочих мест в промышленности в 480 тыс.⁷⁷. Жилой фонд Словакии в большей степени, чем чешский, пострадавший во время войны, и до ее начала находился на более низком уровне. В послевоенный период, когда душевые показатели этого фонда имели тенденцию к снижению, в Словакии очень большая часть нового жилищного строительства размещалась в сельской местности⁷⁸. В 1946—1970 гг. в сельских поселениях было построено немногим меньше квартир, чем в городах, а вместе с поселениями переходного типа (2—5 тыс. жителей) — значительно больше (соответственно 376 и 292 тыс.)⁷⁹. Возникла углубляющаяся диспропорция между системой расселения и системой размещения производительных сил, а следовательно, между неаграрным и городским населением.

Около половины жилищного строительства в деревнях приходи-

лось на так называемые семейные дома. Инициатива его шла снизу, от самих сельских жителей и реализовывалась на основе соседской взаимопомощи сельчан. К 1961 г. уже треть всех индивидуальных домов в Словакии была послевоенной постройки (в Чешских землях — всего 1/10)⁸⁰. Массовое строительство этих домов осуществлялось рабочими, доходы семей которых значительно увеличились с ростом индустриальной занятости. В 50—60-е годы численность промышленных рабочих в словацком селе резко возросла. В поселениях с менее чем 500 жителей их доля среди экономически активного населения увеличилась с 34,4% в 1946 г. до 48,1% в 1967 г., в поселениях с 500—1 тыс. жителей — соответственно с 35,3 до 54,7%, с 1—2 тыс. жителей — с 48,7 до 56,5%⁸¹.

Если словацкое село в первое послевоенное двадцатилетие приобрело преимущественно пролетарский характер, то в крупных и крупнейших городах прирост рабочего класса был низким. Процесс концентрации рабочего класса в городах шел в Словакии еще медленнее, чем населения в целом. В 1961 г. в поселениях с более чем 5 тыс. жителей сосредоточивалось 27,5% рабочего класса (в 1930 г. — 25%) и 29,8% всего населения (в 1930 г. — 22,7%)⁸². Шестидесятые годы — период кульминации роста числа крупных сельских населенных пунктов в Словакии (с более чем 1 тыс. жителей, но не городского типа)⁸³. Уже тогда относительно стабилизировался промежуточный, неопределенный социальный статус формирующегося рабочего класса Словакии, что препятствовало развитию его самосознания, выработке и защите классовых интересов. Индустриальный пролетариат — и чешский, и словацкий, — ставший на первом послевоенном этапе социальным носителем важнейших процессов "социалистического строительства", испытал на себе и наиболее сильные их последствия.

Крупное село в Словакии, как и малый город в Чешских землях, превратилось не только в главный центр притяжения населения, но и в центр интенсивных, как правило ежедневных, маятниковых его перемещений — к месту работы и обратно. Разница в численности "дневного" и "ночного" населения индустриальных поселений возрасала. В Чешских землях эта диспропорция проявилась прежде всего в центрах реиндустириализации, во всех районах развития добывающей промышленности. Жители городов, расположенных на территории угольных бассейнов, особенно часто выезжали на работу за их пределы. Наибольший спад численности населения происходил в дневное время в возникшем в годы первой пятилетки Гавиржове (на 3/4), а также в Литвинове, Острове, Мосте и др. Количество обитателей Остравы — центра Североморавской области, напротив, днем увеличивалось почти вдвое за счет жителей окружающих ее поселений⁸⁴.

Но еще большее распространение маятниковые миграции получили в Словакии с ее в 50-е годы преимущественно сельским населением и "очаговым" характером промышленного роста. В начале 60-х годов здесь насчитывалось 32 города с более чем 10 тыс. человек. Однако по количеству "дневного" населения таких городов было

наполовину больше — 48⁸⁵. Из поселений с 500—2 тыс. жителей ежедневно уезжало на работу в города и промышленные центры большинство их обитателей.

По состоянию на 1961 г. Словакия оставалась республикой с низким уровнем урбанизации. Рост городов — более медленный по сравнению не только с Чехией, но и с соседними странами — получает здесь распространение лишь с середины 60-х годов.

Из 119 городских поселений лишь в Братиславе в 1961 г. численность населения превышала 100 тыс. Кошице принадлежали к категории городов с 50—100 тыс. человек. В 97 городах проживало менее 10 тыс. человек⁸⁶. По доле городского населения Словакия отставала не только от высокоразвитых наций (немецкой и чешской), но и от среднеразвитых — польской и венгерской⁸⁷. В 60-е годы удельный вес городского населения в Словакии изменился незначительно, достигнув к 1970 г. всего 35%. Отставание в уровне урбанизации складывалось главным образом за счет особенно низкой доли городского населения, проживающего в крупных (с 50—100 тыс. жителей) и тем более крупнейших (с более 100 тыс.) городах. В общей численности городского населения на эти две категории городов в 1961 г. приходилось соответственно 6,0 и 18,4%⁸⁸.

По подсчетам М. Хампла, уровень территориальной концентрации населения в Словакии в 1970 г. был аналогичен чешскому, характерному для 1900 г. Причем в 1950—1970 гг. этот разрыв не сократился. На фоне 15—20-летнего отставания Словакии в 1970 г. от Чешских земель по доле экономически активного населения, связанного с сельскохозяйственной деятельностью, ее 70-летнее отставание по показателю концентрации населения было особенно значительно⁸⁹.

Причины возрастающих в 50—60-е годы различий в уровне урбанизации двух частей страны коренились в глубоких социально-экономических сдвигах этого периода. Они происходили тогда на фоне воспроизводства в Словакии некоторых традиционных демографических структур, в частности структур расселения. Консервация и даже развитие функций города, особенно крупного, как подструктуры аграрного общества сопровождалось смещением центра тяжести социальных процессов в сельскую местность. В результате крупное село так и осталось основной формой расселения. Однако облик его начал быстро и радикально меняться, а значение в жизни всего словацкого общества и — главное — городов существенно возросло. Перенесение производственной деятельности сельского жителя в городскую среду сопровождалось сохранением прежних условий его жизни. Так, например, изменения типа естественного воспроизводства в словацком селе в отличие от чешского в 50-е годы были минимальными⁹⁰.

Фундамент городской культуры словацкой нации в условиях социалистической урбанизации закладывался иными социально-демографическими субъектами, чем чешской на рубеже веков. Сильное влияние на этот процесс оказала внешняя по отношению к самому городу социальная действительность. Так, прежде всего в сельской местности происходило формирование словацкого рабочего класса.

Отсюда же осуществлялся массовый переток будущих многочисленных кадров словацких служащих и интеллигентии, породивший мощный административно-бюрократический слой городского населения. На его основе в значительной мере и складывалась городская культура социалистического типа. Для такого рода урбанизации характерно, что среди переселенцев в крупные и крупнейшие города, из которых рекрутировались представители государственного аппарата, большинство составляли женщины⁹¹. Особенно "женскими" стали к 1970 г. в Словакии росшие опережающими темпами города с 20—50 тыс. жителей⁹².

Напротив, переживавшие в тот же период бурный подъем промышленные центры Чешских земель с 10—20 тыс. жителей испытывали потребность главным образом в мужской рабочей силе. Разница в мотивационной основе процессов пространственной мобильности чешского и словацкого населения проявилась уже в годы первых пятилеток. В Чешских землях ее основным стимулом было стремление к росту доходов, в Словакии — чаще и со временем все большее — к повышению социального статуса в системе общественных отношений сословно-иерархического типа. Словацкий вариант мотивации переселения в города в 70—80-е годы получает свое полное проявление, распространяясь и на Чешские земли. Он соответствует сущностным и долговременным характеристикам установившейся системы общественных отношений и составляет специфику урбанизации социалистического типа. Второй ее этап происходил в обеих частях Чехословакии — и западной, и восточной — на преимущественно внеэкономической основе.

* * *

На пороге 70-х годов в Словакии еще сохранялся значительный демографический потенциал урбанизации, судя по большим различиям в плотности сельского и сельскохозяйственного населения, высоким майтниковым переездам работников от мест жительства и обратно. Рост городов должен был коренным образом трансформировать формально уже перешедшее в разряд индустриального словацкое общество.

Урбанизация Словакии происходила уже после завершения основных процессов форсированного промышленного роста, выразившегося главным образом в реиндустриализации Чешских земель. Рост городов в восточной части страны осуществлялся на фоне пониженной по сравнению с предшествующим периодом общей интенсивности территориальной подвижности населения, которая к 70-м годам относительно стабилизировалась. Ее новый подъем, вызванный урбанизационной волной, был уже столь небольшим, что не достиг и минимальной величины переселенческой мобильности 50-х годов, характерной для периода ее спада.

Содержание, предпосылки, темпы двух этапов миграционной подвижности населения Чехословакии, которые соответствовали двум этапам ее социально-экономической и социально-культурной динамики, или двум этапам "строительства социализма", существенно

Таблица 5. Общая интенсивность миграций (на 1 тыс. жителей) в Чехословакии (%)⁹³

Годы	Интенсивность миграций	Годы	Интенсивность миграций
1950—1954	48,9	1970—1974	26,3
1955—1959	32,7	1975—1979	27,8
1960—1964	28,7	1980—1984	25,8
1965—1969	26,2		

различались. Вместе с тем второй этап стал закономерным следствием первого, логическим продолжением и завершением процессов, начавшихся еще на рубеже 40-х и 50-х годов.

Шестидесятые годы были переходным периодом в истории чехословацкого общества, когда смена ориентаций его развития отчетливо выразилась в рассмотренном выше изменении направленности и мотивов переселенческой мобильности. Важнейшей составной частью этого поворота стали сдвиги в территориальном распределении приростов городского населения. По сравнению с предшествующим десятилетием именно тогда особенно ощутимо возрастает среднегодовой относительный прирост населения в оставшихся в стороне от бурных процессов реиндустриализации городах Южночешской (на 187,6%) и Южноморавской (на 110%) областей⁹⁴.

В 60-е годы началось и ускоренное преодоление отставания Словакии от Чешских земель по доле городского населения. Однако несмотря на опережающий рост словацких городов, соотношение уровней урбанизации их тогда мало изменилось. Свое полное развитие этот процесс получил лишь в 70-е годы и касался наибольших по величине различий двух республик по доле населения крупных городов. Темпы концентрации словацкого населения в городах, самые низкие по сравнению с другими нациями региона в 50—60-е годы, в 70-е годы вышли на одно из первых мест⁹⁵. Именно 70-е годы коренным образом изменили структуру расселения, как и структуру образованности населения Словакии.

Процесс концентрации его в городах с более 10 тыс. жителей в это десятилетие происходил в Словакии значительно более высокими темпами, чем в предшествующие. В городах этой величины проживало в 1950 г. 18,0%, в 1961 г. — 20,6%, в 1970 г. — 28,3%, а в 1980 г. — уже 42,8% населения (см. табл. 6). В 70-е годы доля городов с более чем 10 тыс. жителей возросла в полтора раза. В результате по удельному весу населения, проживающего в городах с 10—20 и 20—50 тыс. жителей, различия между Чешскими землями и Словакией стали к 1980 г. малозначительными. Однако далеко не адекватным остался процент населения более крупных населенных пунктов, особенно крупнейших — свыше 100 тыс. жителей. Доля населения последних увеличилась в Словакии в 1950—1980 гг. вдвое, и было преодолено соответствующее обществу аграрного типа слабое развитие прежде всего этой категории городов. Значительную часть их населения составляли мигранты, о чем свидетельствовал хотя бы высокий естественный прирост в Братиславе и Кошице. За его счет

общая численность населения здесь возросла в 70-е годы не намного меньше, чем за счет притока новых жителей.

И все же именно крупнейшие города оставались и в 80-е годы основным фактором, консервирующим различия не только в характере расселения чехов и словаков, но и в уровне развития чешского и словацкого общества. Удельный вес городов с более 100 тыс. жителей в структуре населения Словакии и к 1980 г. значительно отставал от их доли в Чешских землях в 1950 г. (соответственно 11,7 и 17,2%).

Таблица 6. Структура населения по величине поселения (%)⁹⁶

Количество жителей	Чешские земли			
	1.3.1950 г.	1.3.1961 г.	1.12.1970 г.	1.11.1980 г.
Менее 199	5,9	2,9	2,1	0,8
200—499	15,0	11,3	9,5	5,1
500—999	14,2	13,7	12,7	9,3
1000—1999	11,2	12,1	11,1	9,4
2000—4999	12,8	13,8	12,3	11,5
5000—9999	7,2	8,4	8,6	9,3
10 000—19 999	6,0	7,3	8,3	10,8
20 000—49 999	7,2	7,8	7,7	10,9
50 000—99 999	3,3	5,0	8,9	12,0
100 000 и более	17,2	17,7	18,8	20,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
В поселениях городского типа	—	54,6	62,1	71,6

Количество жителей	Словакия			
	1.3.1950 г.	1.3.1961 г.	1.12.1970 г.	1.11.1980 г.
Менее 199	1,3	0,8	0,6	0,6
200—499	12,0	7,9	6,7	5,0
500—999	20,3	17,4	15,4	11,4
1000—1999	22,3	21,8	20,0	16,1
2000—4999	17,9	22,3	20,4	16,6
5000—9999	8,2	9,2	8,6	7,5
10 000—19 999	6,5	7,0	7,0	10,9
20 000—49 999	4,1	5,9	11,4	11,8
50 000—99 999	1,8	1,9	—	8,4
100 000 и более	5,6	5,8	9,9	11,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
В поселениях городского типа	—	31,4	41,4	53,0

Таким образом, вслед за превращением в 60-е годы Словакии в преимущественно индустриальную по показателю занятости населения республику, в следующие десятилетия здесь был ускоренными темпами совершен переход через еще один важнейший формальный рубеж на пути к обществу современного типа. Из преимущественно сельской словацкой нации превратилась в преимущественно город-

скую в количественном отношении: более половины населения стало жителями населенных пунктов городского типа. Однако в этом переходе главную роль в 70-е годы сыграли города с 50—100 тыс. жителей. Одновременно темпы роста крупнейших городов — центров зарождения и формирования современной городской культуры даже относительно замедлились по сравнению с 60-ми годами, когда их стало два: к Братиславе присоединилось промышленное Кошице. Численность населения Кошице в течение этого десятилетия возросла в полтора раза. Появление тогда в структуре расселения второго крупного городского центра имело, по мнению Я. Пашиака, чрезвычайно важное значение⁹⁷. Урбанизационная волна 70-х годов такого следа не оставила, поскольку природа ее была уже внеиндустриальной.

Усиление в период после событий 1968—1969 гг. тоталитарного характера чехословацкого общества нашло свое яркое выражение в формировании сети городов, как и многочисленной так называемой новой интеллигенции и служащих, составляющих социальную основу их населения. Социалистические города все больше превращались в центры прежде всего государственной власти всех уровней и средоточия осуществляющих ее групп.

Очевидна недостаточность только количественных показателей уровня цивилизованного развития той или иной нации. Объективную картину этого развития дает анализ его содержания и результатов. Так и рассматриваемый тип урбанизации можно понять только обратившись к судьбам отдельных социальных групп прежде всего словацкой нации в условиях "строительства социализма". В аграрных и полуаграрных в начале этого строительства нациях соцмодернизация как совокупность процессов социалистической индустриализации и урбанизации наложила особенно сильный отпечаток на образ жизни сельского населения, изменив общественное положение и взгляды разных его групп. Главной жертвой, последовавшей в результате этих процессов социальной гомогенизации в Словакии, стало крестьянство. В этом смысле оно повторило по прошествии двух десятилетий путь чешского рабочего класса к социализму.

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СТАТУСА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

На рубеже 60-х и 70-х годов центр тяжести социальных перемещений населения сдвигается из Чешских земель в Словакию, а из городской среды — в сельскую. В этой ситуации роль главного носителя общественных изменений переходит от рабочего класса к кооперированному крестьянству. Представители нового крестьянского класса, возникшего в предшествующие два десятилетия, в наибольшей степени отвечали сущности типа общественных отношений, который ярко проявил себя в период так называемой ликвидации последствий кризисного развития 60-х годов.

К середине этого десятилетия завершился важнейший этап в по-

левоенной истории всего чехословацкого общества. Одной из главных его черт был преимущественно стихийный и относительно чрезмерный отток трудовых ресурсов из аграрного сектора экономики. Усилившийся в 1949 г., т.е. с началом "строительства социализма", этот отток сопровождал процесс ускоренного огосударствления собственности в сельском хозяйстве и был одним из основных его компонентов. Масштабность ухода населения из сельского хозяйства и в целом из сельской местности была обусловлена не только и даже не столько существовавшим там избытком рабочей силы, сколько принятым курсом на изменение общественного строя. Реализация курса на социализм одинаково относилась к Чехии и Словакии, находившимся на совершенно различных уровнях общественно-экономического и цивилизационного развития.

В этих условиях важнейшим фактором сокращения численности сельского населения стал не актуальный главным образом для Словакии переход к обществу современного типа и формирование его социально-классовых и социально-демографических субъектов в среде горожан и жителей села, а кооперирование крестьянства как еще один рубеж на пути провозглашенного КПЧ перехода чешского и словацкого общества к социализму. Крупные социальные перемещения, последовавшие за этим, действительно были нацелены на коренное изменение общественного положения бывшего крестьянства. Однако характер и направленность такого рода изменения отражали саму сущность социалистического типа модернизации общества.

Новый статус крестьянства Чехословакии, как и других стран Восточноевропейского региона, складывался на основе радикальной трансформации отношений собственности. Переход бывших крестьян-единоличников в ряды кооперированного крестьянства сопровождался резким сокращением численности занятых аграрным трудом, особенно остро проявившимся в 50-е годы в высокоразвитой индустриальной Чехии. В целом по стране количество крестьян-единоличников уменьшилось в 1949—1958 гг. на 60%. Однако в кооперативы перешла всего треть их. Остальные, которых ни экономические результаты деятельности кооперативов, ни условия труда и жизни их членов не обнадеживали, вынуждены были покинуть аграрный сектор экономики.

На первом послевоенном этапе положение и социальный престиж крестьянства, а уже как результат — их численность стремительно падали. В 60-е годы убыль аграрного населения происходила уже главным образом из самих единых сельскохозяйственных кооперативов (ЕСХК), число работников в которых тогда снижалось⁹⁸. В 1960—1964 гг. оплата труда в социалистическом секторе сельского хозяйства составляла в Чехословакии 66,4% ее среднего по народному хозяйству уровня, или чуть больше, чем в предшествующее десятилетие⁹⁹. Вместе с тем объем свободного времени членов ЕСХК в отличие от рабочих и служащих продолжал сокращаться¹⁰⁰.

Середина 60-х годов стала поворотным пунктом в судьбах вчерашних крестьян, а ныне работников кооперативов. Их статус вновь радикально меняется. Произошедшее в 1966—1969 гг. существенное

улучшение социально-экономического положения крестьянства, рост технической вооруженности его труда стали результатом переориентации стратегии "строительства социализма". Окончательно уходит в прошлое политика форсированной реиндустириализации Чешских земель. Попытка повернуть вспять колесо истории завершается известными событиями 1968 г., когда становится очевидным, что сохранить "завоевания социализма" в Чехии можно только усилиями извне. Начинается новый — второй этап послевоенной истории страны, главным действующим лицом которого становится "новый класс", продемонстрировавший в 1968—1969 гг. свое тождество существующему общественному строю: в эти годы не распался ни один сельскохозяйственный кооператив. В течение нескольких лет кооперированное крестьянство превращается из наименее в наиболее приоритетную группу общества, резко потеснив рабочий класс. "Новое" крестьянство противопоставляется главной политической силе оппозиционного движения конца 60-х годов — интеллигенции, прежде всего чешской, и становится опорой тоталитарного режима.

Среднегодовые темпы убыли рабочей силы из сельского хозяйства во второй половине 60-х годов сократились до 1,2% по сравнению с 7,5% в 1949—1952 гг., 5,3% в 1957—1960 гг. и 2,3% в 1961—1965 гг.¹⁰¹ И даже некоторое ускорение темпов убыли аграрной занятости в первой половине 70-х годов до 2,4% в год, связанное с урбанизационной волной, уже не сопровождалось усилением напряженности баланса рабочей силы в сельском хозяйстве. Во второй половине этого десятилетия сокращение сельскохозяйственной занятости — в среднем на 1,9% в год — происходило в основном за счет остатков частного сектора и ухода крестьян на пенсию¹⁰². В 1978—1980 гг. темпы этого сокращения были уже минимальными¹⁰³.

Динамика аграрной занятости в стране адекватна изменению соотношения среднего уровня оплаты труда в социалистическом секторе сельского хозяйства и в промышленности, т.е. непосредственно предопределена материальными факторами. В 1955 г. заработка плата в госхозах и ЕСХК составляла 67,4% по отношению к промышленности, в 1960 г. — 63,9%, в 1965 г. — 75,1%¹⁰⁴. К началу 70-х годов доходы крестьян приблизились к среднегосударственному уровню. Однако в 1972—1973 гг. темпы их роста заметно увеличились. В 1972 г. по сравнению с 1971 г. средняя оплата труда постоянно занятого члена ЕСХК увеличилась на 9,0%, госхоза — на 6,1% при общем показателе этого роста в 4,2%. До конца 70-х годов, точнее, до 1978—1979 гг. темпы роста оплаты труда в сельском хозяйстве сохранили опережение по отношению к несельскохозяйственным сферам экономики, хотя уже в середине этого десятилетия средняя зарплата здесь выравнялась со средней по народному хозяйству¹⁰⁵.

Более льготными в начале 70-х годов стали и условия оплаты крестьянского труда натурой, что, как пишут З. Ламсер и И. Сура, "находилось в противоречии с общественными потребностями"¹⁰⁶. При снижении выручки от продажи сельскохозяйственных продуктов в 1967—1975 гг. доходы семей кооперированного крестьянства воз-

росли на 152,1% от работы в ЕСХК, внесельскохозяйственные заработки — на 192%, выплаты по социальному обеспечению — на 226,3%. Еще в 1965 г. доля сельскохозяйственного населения в фондах общественного потребления была самой низкой по сравнению с рабочими и служащими, а уже в 1973 г. стала самой высокой¹⁰⁷.

Таким образом, в конце 60-х и особенно в начале 70-х годов произошло резкое ускорение роста материального благосостояния членов ЕСХК. Если в 1967 г. семьи кооперированных крестьян по уровню денежных доходов на одного члена уступали семьям служащих и рабочих, то к середине следующего десятилетия они обогнали по этому показателю семьи рабочих и приблизились к уровню семей служащих. Учитывая натуральное личное потребление, к концу 70-х годов семьи кооперированных крестьян находились на одном уровне с семьями служащих и существенно опережали семьи рабочих¹⁰⁸. В середине 80-х годов заработка плата кооперированных крестьян была выше среднего по стране уровня, в том числе и для занятых в промышленности¹⁰⁹. Уменьшилось и отставание его в объеме свободного времени от рабочих и служащих¹¹⁰. Работники сельского хозяйства имели примерно такой же, а частично и более высокий, чем рабочие и служащие, уровень оснащенности предметами длительного пользования¹¹¹. В относительно короткие сроки социально-экономический статус занятых аграрным трудом резко возрос, что было высоко оценено ими. В 1969 г. 69,3%, в 1974 г. уже 88% опрошенных в Словакии лучшей формой ведения сельскохозяйственного производства считали кооперативную¹¹².

Однаковая в 1965 г. оплата труда членов ЕСХК в Чешских землях и Словакии характеризовалась различными темпами роста. Индекс увеличения оплаты труда чешского кооперированного крестьянства в 1965—1979 гг. составил 230,9%, словацкого — 212,4%¹¹³. Эти различия имели возрастающую тенденцию, особенно отчетливо проявившуюся в 70-е годы — период "нормализации" общественной жизни после неудавшейся попытки ее демократизации, предпринятой чешской интеллигенцией.

На рубеже 60-х и 70-х годов у членов ЕСХК отмечались наиболее высокие по сравнению с рабочими и служащими темпы увеличения расходов на промышленные товары и товары длительного пользования (автомобиль, телевизор, холодильник и т.п.), покупка которых часто была связана и с соображениями престижного характера. Сумма годовых денежных расходов крестьянства на протяжении всего рассматриваемого периода остается самой большой. Напротив, у них самые низкие темпы роста денежных сбережений (в 1967—1979 гг. — на 156,5% при 209,8% у служащих и 233,5% у рабочих)¹¹⁴. Сбережения делались и использовались прежде всего с целью строительства крестьянством собственных домов и на проведение других строительных работ. Возможность получить квартиру, а тем более построить семейный дом в сельской местности, по сравнению с городской, становится все шире, особенно с серединой 60-х годов, когда в селе разворачивается массовое строительство индивидуального жилья. В 70-е годы сельскохозяйственные застройщики наход-

дились в льготных по отношению к представителям других групп населения условиях.

Наиболее широкое распространение строительство семейных домов получило в Словакии, где жилищная проблема стояла особенно остро. На словацкое село пришелся центр тяжести всего жилищного строительства страны. Именно здесь во второй половине 60-х — начале 70-х годов оно осуществлялось самыми высокими темпами¹¹⁵. В семейных домах послевоенной постройки стало проживать уже 3/4 крестьянства. Тенденция спада в их строительстве проявилась в Словакии уже после 1970 г., в Чехии — только после 1977 г. Основной размах его в западной части страны пришелся на 70-е годы. И это была следующая — чешская волна индивидуального жилищного строительства, в большей степени, чем предыдущая — словацкая, связанная с городской средой.

В 80-е годы объемы строительства семейных домов находятся уже на относительно низком уровне по сравнению с предшествующим десятилетием¹¹⁶. Как минимум треть всех занятых в сельском хозяйстве проживает в домах, появившихся в 70-е годы¹¹⁷.

Возвведение семейного дома стало в сельской местности главным каналом использования доходов, особенно среди молодых квалифицированных работников. Судя по характеру межчеловеческих связей в процессе строительства жилых домов, на место преимущественно локальных в прошлом форм пришла взаимопомощь членов одного производственного коллектива. Традиционные институты взаимопомощи и социального контроля сохранили в сельской местности свое достаточно большое значение¹¹⁸.

Широкие возможности решения жилищной проблемы на селе привлекали сюда городскую молодежь, увидевшую материальные преимущества сельскохозяйственного труда и в целом достоинства сельского образа жизни. Материалы социологических исследований свидетельствуют о том, что оплатой труда удовлетворено 66% членов ЕСХК (в госхозах — половина), условиями труда — 82% (соответственно 71%)¹¹⁹. Большинство опрошенных высказывало нейтральные и половинчатые оценки самого содержания сельскохозяйственного труда, относительную неудовлетворенность возможностями профессионального продвижения и проявления здесь трудовой инициативы¹²⁰. И все же текущесть кадров в сельском хозяйстве, в отличие от остальных сфер экономики, оставалась довольно низкой. Минимальной она была у кооперированных крестьян (3,7—3,8% в 1981—1983 гг.)¹²¹. Даже по сравнению с рабочими госхозов члены ЕСХК хотя и несколько менее образованы, но более стабильны в своей производственной деятельности и месте жительства. Они в большей степени ориентированы и на работу в личном приусадебном хозяйстве, в которой участвуют всей семьей¹²².

Усиление материальной заинтересованности работников сельского хозяйства выразилось в изменении половозрастной структуры занятых в аграрном секторе. Возможность получения более высоких доходов и решения жилищного вопроса привлекала в село прежде всего молодых мужчин. К тому же механизированный сельскохоз-

зяйственный труд предоставлял им более широкие профессиональные возможности, связанные с использованием современной техники. В 1970 г. доля постоянно занятых в сельском хозяйстве женщин впервые уменьшилась настолько, что составила менее половины работников аграрного сектора экономики. Этот процесс в чехословакском сельском хозяйстве, происходивший одновременно с феминизацией непроизводственной сферы, привел к сокращению удельного веса женщин в аграрном секторе к 1980 г. до 44,3%¹²³. Важнейшим каналом роста занятости и в сфере сельского хозяйства стала для них административная деятельность. Среди хозяйствственно-технических работников, доля которых в кооперативном секторе увеличилась в стране в 1970—1977 гг. с 9,0 до 11,8%, удельный вес женщин постоянно возрастал.

Привлекательность сельскохозяйственного труда для молодежи в 70-е годы выразилась в систематическом сокращении уже с середины 60-х годов среднего возраста занятых им. К 1965 г. он достиг 46,8 лет, что было еще почти на десять лет больше, чем в промышленности¹²⁴. Наиболее благоприятным для изменения возрастной структуры работников сельского хозяйства оказалось начало 70-х годов, когда опережающими темпами среди них увеличивалась доля 25—29-летних, главным образом мужчин¹²⁵. Во второй половине этого десятилетия в условиях относительной стабилизации роста доходов крестьянства удельный вес молодежи в сельском хозяйстве несколько уменьшился. Это было непродолжительное время большей привлекательности для молодежи городов с их "облегченными" по сравнению с селом условиями жизни¹²⁶. Однако и в этот период урбанизационной волны для сельскохозяйственного населения, в отличие от всего остального, были характерны рост производственной стабильности и снижение доли потенциально мобильных. В начале 70-х годов последние составляли почти половину занятых, а в конце — всего четверть¹²⁷.

К 1980 г. средний возраст занятых в аграрном секторе сократился до 42,5 лет, что было все же значительно выше, чем в промышленности: продолжали сказываться последствия форсированной индустриализации 50-х годов. Всего доля работников сельского хозяйства в возрасте 20—39 лет увеличилась в 1970—1980 гг. с 31,4 до 42,6%¹²⁸. Ощущимый рост их удельного веса во второй половине 70-х годов вызывал главным образом быстрым сокращением численности работников пенсионного возраста (с 21,1 до 16,9%), до этого времени продолжавших активную производственную деятельность.

Отток молодежи из сельского хозяйства, в разной степени характерный для всего послевоенного периода, прекратился в начале 80-х годов, а доля ее стабилизировалась. С середины этого десятилетия даже начала проявляться обратная тенденция роста и относительных, и абсолютных показателей аграрной занятости молодежи¹²⁹.

Изменение половозрастной структуры кооперированного крестьянства было связано со значительным ростом числа квалифицированных специалистов, занятых в сельскохозяйственном производстве. Образовательная структура крестьянства претерпела в послевоенный

период наиболее крупные изменения¹³⁰. В 1980 г. она уже соответствовала аналогичной структуре сельского населения в целом, хотя еще значительно отставала от средних по стране показателей¹³¹.

В 60—70-е годы межпоколенческий сдвиг к высшим уровням образования был характерен прежде всего для кооперированного крестьянства Словакии, где еще в 1950 г. практически все занятые в сельском хозяйстве являлись производителями универсального типа с низшими уровнями образования — основным и неполным основным. Наибольший интерес для работников сельского хозяйства и их детей представляло получение полного среднего и высшего образования, что не в последнюю очередь объяснялось соображениями престижности, желанием повысить социальный статус потомства¹³².

Опрос, проведенный среди сельскохозяйственных работников в 1980 г., показал динамичную картину межпоколенческой образовательной мобильности¹³³.

	Основное образование	Обученные (профпод- готовка)	Среднее профессиональное	Полное среднее профессиональное	Полное среднее общее	Высшее
Респондент	38,0	13,5	34,0	9,5	1,5	3,5
Его муж (жена)	31,2	14,5	34,6	13,5	3,7	2,5
Его отец	64,1	8,2	21,9	4,6	1,0	0,2
Его мать	80,7	8,9	8,1	1,8	0,5	0,0
Желаемое образование для детей	0,8	2,4	28,5	39,3	14,0	15,2

Кооперированное крестьянство предъявляло наиболее высокие требования к образованию своих детей, даже по сравнению с рабочими госхозов. Дело в том, что каждый четвертый кооперированный крестьянин, несмотря на радикально изменившиеся в 70-е годы условия его труда и быта, однозначно не хотел, чтобы его дети тоже работали в сельском хозяйстве¹³⁴. Действительно лишь 20% выходцев из крестьянских семей продолжали семейные традиции¹³⁵. Подавляющее же большинство детей членов ЕСХК, заявивших о своей удовлетворенности кооперативной системой хозяйствования, меняло свой социально-классовый статус, переходя в рабочие и служащие¹³⁶.

Во второй половине 70-х годов, по существу, завершились крупнейшие поколенческие сдвиги в структуре сельскохозяйственного населения. В процессе смены поколений эту отрасль покинули потомственные крестьяне досоциалистической формации, и она активно заполнялась работниками других сфер экономики — выходцами не только из сельской, но и городской среды, привлеченными в аграрный сектор материальными стимулами.

В молодом поколении кооперированных крестьян высока доля лиц, имеющих уже не крестьянское, а рабочее происхождение. В 70-е годы 24% кооперированных крестьян происходило из среды промышленных рабочих и 10% — из сельскохозяйственных, 6% — из служащих. Среди новых пополнений работников аграрного сек-

тора, в том числе кооперированного крестьянства, рабочие, главным образом молодые, составляли большинство¹³⁷. Эти пополнения достаточно многочисленны. В 1970—1978 гг., как показали результаты социологических исследований, доля кооперированных крестьян в социальной структуре сельского населения Словакии значительно увеличилась — с 17,0% до 20,5% при продолжающемся сокращении ее в Чехии. Этот сдвиг был одним из наиболее значительных в период, который для словацкого общества рассматривался в качестве переходного к современности¹³⁸. Численность кооперированного крестьянства росла в Словакии до середины 80-х годов, когда оно достигло 11% всех занятых. "Некрестьяне по происхождению" составляли теперь большинство в крупных ЕСХК, особенно расположенных в пригородах городских центров. Таким образом, воспроизводство кооперированного крестьянства в Чехословакии происходило на иной социальной основе, чем его формирование на первом этапе "строительства социализма". В Словакии это воспроизводство имело в условиях "социалистической модернизации" расширенный характер. Важнейшим элементом ее и явилось формирование нового сельскохозяйственного сословия, начавшееся в 50-е годы. Смысл его сводился к ликвидации прежней — крестьянской — основы и в словацкой, и в чешской среде. По существу, речь шла о ярко выраженных процессах деклассирования аграрного и в целом сельского населения, о его "раскрестьянивании". В их ходе бывшее крестьянство приобретало все более рабочий, или, точнее, пролетарский характер не только по содержанию и организации труда, но и по своему социальному происхождению, наконец, по образу жизни и культурным характеристикам.

На рубеже 70-х и 80-х годов прежний крестьянский стиль жизни окончательно утерял свою социальную базу среди занятых сельским хозяйством представителей старшего поколения, условно говоря "поколения 1910 г. рождения", или всех родившихся в 1900—1920 гг. — последних из бывших крестьян-собственников. Социальная основа крестьянской культуры среди их детей — "поколения 1930 г. рождения" (родившихся в 1920—1940 гг.) — оказалась резко суженной не только в силу того, что за период жизни этого поколения сельскохозяйственная занятость сократилась более чем на половину, но и потому, что коренным образом изменились сами общественные отношения в сельской среде. Причем, если первая группа обстоятельств оказалась более характерной для индустриальной Чехии, то вторая — для полуаграрной Словакии. "Поколение 1930 г." было там "потеряно" прежде всего для сельского хозяйства. Прервалась традиция развития крестьянства как класса: на глазах этого поколения произошла ликвидация крестьянских семей.

Представители так называемого класса кооперированного крестьянства, отчужденные от сельскохозяйственной собственности, некоторое время еще сохраняли элементы крестьянской культуры. Однако в 70-е годы в результате активной государственной политики в отношении этого "нового класса" произошло утверждение иной системы ценностей, вытеснившей прежнюю. Носителем ее стало уже

"поколение 1950 г. рождения" (родившиеся в 1940—1960 гг.) — повернувшиеся "лицом к селу" представители широких слоев сельского и городского населения.

На втором этапе послевоенной истории Чехословакии рост материальных потребностей занятых в сельском хозяйстве далеко опережал развитие потребностей духовных. Формировался замкнутый рамками продолжительного по времени труда в кооперативе и на приусадебном участке образ жизни. Значительный рост удовлетворенности этим трудом определялся достаточно высоким уровнем материальной компенсации. У крестьянства, особенно словацкого, возникло глубокое несоответствие между социально-экономическим положением и возможностями его реализации в сфере культуры и особенно общественно-политической деятельности. На противоречие между технико-экономическим и духовно-нравственным прогрессом начиная с 60-х годов указывали результаты многочисленных социологических обследований состояния культурного потребления населения словацкого села¹³⁹. Неадекватность роста материального и культурного уровня жизни кооперированного крестьянства выражалась здесь, например, в том, что численность владельцев автомашин оказалась обратно пропорциональной количеству книг в личных библиотеках. Но особенно большим было отставание в развитии политической культуры¹⁴⁰.

С начала 70-х годов кооперированное крестьянство, в первую очередь словацкое, представляло собой, пожалуй, наиболее удовлетворенную условиями своего существования группу населения, а следовательно, и наиболее соответствующую этим условиям и потому стабильную в социально-политическом отношении. Члены ЕСХК имели больший, чем в госсекторе, уровень доходов, высокое натуральное потребление при пониженных расходах на жизнь. Дорога к месту работы была у них самой короткой, а решение жилищного вопроса — самым простым и эффективным. В 80-е годы — период расцвета теневых структур экономики — углубление дифференциации потребления происходило в пользу этой социальной группы. Возможности осуществления ее представителями различных "дополнительных" видов производственной деятельности, ее индивидуальных форм были наиболее широкими¹⁴¹.

И все же можно говорить о кризисном положении чехословацкого крестьянства как общественной группы, а тем более как класса в 70—80-е годы, как, впрочем, и в предшествующие два десятилетия. Изменение формы собственности означало для него переход к новой системе общественных отношений, а значит, к новому типу личности самого крестьянства. Этот переход был усилен и ускорен системой социально-экономических мер государства в отношении ЕСХК и их членов в условиях ликвидации последствий "послекризисного" развития страны.

Земля, наследование которой лежало в основе межпоколенческих отношений в крестьянской среде, утеряла свой статус главной жизненной ценности. Владение ею больше не предопределяло общественного положения крестьянства, самого его существования, а следова-

тельно, всей системы его взглядов на мир. Эта система поколебалась уже в период реиндустрIALIZации, когда временно резко возрос статус промышленного труда, расширились возможности участия в нем и произошел отток значительной части крестьянства из сельского хозяйства. Полная смена социального типа сельскохозяйственного производителя произошла двумя десятилетиями позже и касалась того же поколения участников колLECTивизации и следующего за ним поколения людей, неоднородного по своему социальному происхождению.

Крестьянство "поколения 1930 г." первым из собственника земли превратилось в лишенного на нее прав наемного сельскохозяйственного работника с достаточно высоким уровнем доходов. Отношение к земле утеряло для него свой прежний социокультурный смысл. В условиях общественного землепользования оно перестало быть стержнем крестьянской культуры. Работа в ЕСХК рассматривалась теперь как аналогичная любому другому виду производственной деятельности с точки зрения прав и обязанностей занятого, характера и содержания его труда, условий и организации этого труда. Участие в работе кооператива расценивалось как более значительная деятельность, чем собственно труд на земле, ставший вторичным, дополнительным по отношению к этому участию делом¹⁴². Поле стало чем-то вроде загодского цеха, куда приходят зарабатывать деньги. Причем объем произведенной сельскохозяйственной продукции слабо связывался с оплатой труда¹⁴³. Крестьянство утеряло экономическую мотивацию, обусловленную осознанием собственности на средства производства, и начало мыслить как разновидность государственных служащих, а не хозяев своего труда, пользующихся авторитетом в сельском обществе и в собственной семье.

Процессы "раскрестьянивания" непосредственно отразились на состоянии классового самосознания сельскохозяйственных производителей. Результаты социологических обследований первой половины 80-х годов показали, что относит себя к классу кооперированного крестьянства лишь около трети его действительных представителей. Наибольшая степень расхождения самооценки с объективной принадлежностью к этой группе наблюдалась у словаков, поскольку формирование современных; т.е. классовых, социальных структур у них не было завершено к началу колLECTивизации¹⁴⁴. Примерно каждый третий член ЕСХК, больше занятый нефизическим трудом, считал себя служащим, а занятые нетрадиционными для сельского хозяйства видами труда, близкими к индустриальному, — рабочими. "Субъективно, — делали вывод чехословацкие социологи, — кооперированное крестьянство как класс пока не конституировалось или уже находится на последней ступени распада"¹⁴⁵. Прогрессирующее деклассирование сельского населения соответствовало целям ликвидации классовых субъектов деятельности и отношений, перехода к обществу социальной однородности, т.е. к обществу доклассового типа, независимо от стартовых характеристик процесса "строительства социализма".

Две рассмотренные выше волны коренных изменений статуса

ческого и словацкого крестьянства деформировали всю систему его жизненных ценностей, до основания изменив бытие, взаимоотношения, менталитет представителей этой социальной группы.

Доминирующее значение землевладения в системе ценностей определяло активную, деятельную направленность культуры крестьянства, выражавшуюся в сельскохозяйственном труде, землепользовании. После потери земельного участка такой высшей ценностью стало домовладение, а также оснащение дома и приусадебного хозяйства. Изменение отношения к земле и стимулировало развитие потребности вложения финансовых средств в индивидуальное жилищное строительство. Домовладение стало рассматриваться и самим крестьянством как главное проявление роста его цивилизационного уровня¹⁴⁶. В 70-е годы установилась непосредственная зависимость характера убранства жилища крестьянина, его оснащенности предметами длительного пользования от общественного положения их владельца¹⁴⁷. Поворот от ценности землевладения как наиболее приоритетной к ценности домовладения привел к усилению замкнутости образа жизни сельскохозяйственных производителей рамками своего домашнего хозяйства, своей семьи.

Отказ от земельной собственности, владения крестьянским хозяйством, социально-экономической самостоятельности и переход к наемному труду в сельскохозяйственном кооперативе означали включение занятых в аграрном секторе экономики в систему отношений внеэкономического подчинения. Крестьянство было превращено в аграрный пролетариат не только по характеру деятельности и отношений, т.е. социально, но и по культурным параметрам. Трансформировалась вся система взглядов на окружающую действительность сельскохозяйственных производителей, особенно словацких, культура традиционного типа которых в 50-е годы еще была доминирующей. Менее гибкая, чем у чешского крестьянства, основанная на почти всеобщей религиозности¹⁴⁸, система народной культуры словацкого крестьянства пришла в острое противоречие с новыми — социалистическими ценностями.

Важнейшей идеологической основой процесса огосударствления собственности стала секуляризация. Она оказалась производной от скачка в уровне материального благосостояния крестьянства в начале 70-х годов. На этот период и пришелся спад религиозности всего населения Словакии. По своим результатам он был равносителен предшествующим двум десятилетиям нарождения атеизма среди словаков. Доля верующих сократилась к 1974 г. до 55%, а атеистов возросла вдвое, достигнув 30%.

Во второй половине 70-х годов уровень религиозности жителей республики практически стабилизировался. Верующих становилось меньше уже только за счет увеличения процента колеблющихся, тогда как доля атеистов оставалась практически неизменной. 2/5 населения Словакии, лишенные религиозной доминанты своей культуры, не имели четких мировоззренческих ориентаций и принадлежали к числу колеблющихся, неубежденных атеистов или пассивных верующих.

Таблица 7. Динамика уровня религиозности населения Словакии в 1968—1979 гг. (%)¹⁴⁹

	1968 г.	1974 г.	1979 г.
Атеисты:			
убежденные		16,4	17,0
неубежденные	14,1	13,5	12,0
Верующие:			
активные		31,8	40,0
пассивные	70,7	23,8	9,0
Колеблющиеся	15,2	12,5	18,0
Не ответили	—	2,0	3,0

Объяснение причин спада религиозности в первой половине 70-х годов и его последующей относительной стабилизации заключается в особенностях динамики мировоззрения, прежде всего словацкого крестьянства. Среди него доля верующих сократилась тогда в течение нескольких лет особенно значительно — с 4/5 до 3/5¹⁵⁰. Наименьшие межреспубликанские различия в уровне религиозности оказались характерны к началу 80-х годов именно для крестьянства, тогда как среди рабочих и служащих верующих в Словакии оставалось вдвое больше, чем в Чехии.

Еще в конце 60-х годов словацкие социологи отмечали разрушение традиций народной культуры в среде их естественного существования. Функции этой культуры уже тогда сузились до преимущественно развлекательных и проявлялись только во время проведения праздников¹⁵¹. Однако распад основ народной культуры был связан с рассмотренным процессом секуляризации начала 70-х годов. Тогда были вытеснены господствовавшие в Словакии еще два десятилетия назад формы сознания аграрного общества. Но вместе с религиозностью сельского, патриархального типа, т.е. с традиционной крестьянской культурой, религиозной по содержанию, форме, мотивации была уничтожена и оборотная сторона веры — фольклор, народная культура. Последнюю заместила односторонняя ориентация на массовую культуру.

Важнейшим механизмом этой смены стало создание современных каналов трансляции культурных ценностей в сельской местности. Адаптированные к существующей общественно-политической системе, эти псевдоценности население стало получать главным образом через средства массовой информации (СМИ), т.е. телевидение, радио, периодическую печать. Из неподготовленного к их вопрятанию сельского жителя "новые" ценности и формировали личность "нового типа". Вписанная в систему жесткого социального контроля, эта личность потребляла все виды духовных ценностей, в том числе эстетические и научные, в опосредованном этой системой виде. Не успев превратиться в субъект современных общественных отношений, сельский житель Словакии обратился к непривычным для него каналам распространения культуры и стал послушным объектом социального манипулирования. Ориентация на односторонние, ниско-

дящие формы трансляции культуры подорвала те естественные элементы самостоятельности, которые существовали у крестьянина.

Массовая культура, распространяемая через СМИ, усилила процесс социокультурной нивелизации общества, составляющий доминанту его послевоенной динамики, и способствовала утверждению тоталитарной системы управления им. Псевдокультура "промежуточного типа" связывала верхушку общества с массами наемных работников. В сельской местности с ее ограниченной социальной и культурной инфраструктурой пассивное восприятие информации через каналы СМИ стало в 70-е годы практически единственной формой культурной деятельности населения. Массовая культура вытеснила ее активные формы, представленные в деревне различными видами народного творчества. Нарастало негативное отношение к ценностям народного искусства. У "поколения 1930 г." фольклор ассоциировался с экономической и образовательной отсталостью предков. Их дети — "поколение 1950 г." — довели этот процесс до логического конца. Они стали первыми универсальными потребителями массовой культуры, как их родители — первыми представителями нового типа аграрного пролетариата¹⁵². Спонтанные проявления позитивного отношения к эстетическим идеалам и обычаям прародителей чаще относились уже к городской среде и были вызваны к жизни модой¹⁵³.

Широкое распространение именно в 70-е годы среди всех слоев и сельского, и городского населения сближающего их "домашнего" способа проведения свободного времени было в значительной мере обусловлено вторжением в повседневную жизнь телевидения. Просмотр телепередачи стал главным и основным по продолжительности видом проведения досуга, средством развлечения и отдыха. В целом по стране в 1979—1980 гг. к числу регулярных телезрителей относилось 82% населения, в том числе в Словакии — 95%¹⁵⁴. Распространение телевидения происходило на фоне упадка общественно-политической жизни, особенно в бывшей крестьянской среде, и явилось его составной частью¹⁵⁵. Для словацкого села эта своего рода культурная революция довершила процесс формирования новой социальной структуры его населения.

* * *

Итогом послевоенного развития чехословацкого села стало разрушение его тождества с сельским хозяйством, а сельского населения — с крестьянством.

Уже к 1970 г. в населенных пунктах с менее 5 тыс. жителей концентрировалось не только свыше 9/10 кооперированных крестьян, но и более половины рабочих (49% в Чешских землях и 65% в Словакии), треть служащих (соответственно 28 и 37%)¹⁵⁶. Село превратилось в место жительства большинства занятых в материальном производстве — аграрном и индустриальном. Словацкое село по составу населения стало даже более промышленным и рабочим, чем город. Утвердилась ярко выраженная смешанная социальная структура сельского населения при преобладании его несельскохозяйственного сектора.

зяйственных слоев во всех категориях поселений. Промышленные рабочие еще в 1967 г. составляли в Словакии около половины экономически активного населения даже в селах с менее 500 жителей, тогда как в 1946 г. соответственно треть¹⁵⁷. В социальной структуре села и даже большинства сельских семей все группы населения были теперь представлены адекватно их удельному весу в структуре общества в целом¹⁵⁸. Сельское население, особенно его молодые поколения, стали жить в "смешанных" в социальном отношении семьях. Исчезла прежняя социально-профессиональная гомогенность сельской семьи и в горизонтальном измерении (муж—жена), и в вертикальном (родители—дети). Сложились все предпосылки ликвидации прежнего социокультурного своеобразия села, особенно полупатриархального словацкого.

Раньше преимущественно сельскохозяйственное село превратилось в место жительства и отдыха разных групп населения независимо от рода их производственной деятельности. Функции села как пространства жизнедеятельности людей стали не столько производственными, сколько потребительскими.

Снижение численности работников аграрного сектора в 1950—1975 гг. наполовину (с 1890 тыс. до 990 тыс. человек)¹⁵⁹ происходило в условиях относительной стабильности населения сельских поселений. Даже в 1959—1970 гг. поддерживалось равновесие удельного веса городской и сельской (в поселениях с менее 5 тыс. жителей) популяций. Количественная адекватность перемещений населения из села в город и обратно усилилась в 70-е годы, когда существенно увеличилась и доля лиц, ежедневно ездащих на работу на сельскохозяйственные предприятия.

Таблица 8. Динамика численности сельского населения в поселениях с менее 5 тыс. жителей¹⁶⁰

Регион	Абсолютная численность (тыс. человек)			
	1950 г.	1961 г.	1970 г.	1980 г.
Словакия	2539,2	2932,8	2859,6	2488,0
Чешские земли	5226,7	5161,3	4674,2	3707,6
Регион	Индекс роста численности (%)			
	1950 г.	1961 г.	1970 г.	1980 г.
Словакия	100,0	115,5	112,6	97,9
Чешские земли	100,0	98,7	89,4	70,9

Высокая стабильность сельского населения оказалась более характерной для полуаграрной Словакии, где его абсолютная численность, даже несколько увеличившаяся в 50-е годы, начала снижаться по отношению к стартовому послевоенному уровню лишь в 70-е годы. Показатели этой численности на 1950 и 1980 гг. оказались тождественными (около 2,5 млн человек). Напротив, сельское население

индустриальных Чешских земель сократилось в этот период почти на треть.

В этих условиях произошла консервация "сельскохозяйственной основы" промышленного пролетариата и части интеллигенции Словакии, на которой и воспроизводились черты так называемой социальной однородности.

Детерминантой образа жизни не только членов ЕСХК, но и всего сельского населения в 70-е годы стала деятельность по строительству личных особняков и ведению подсобного хозяйства, а для работников городских предприятий — еще и ежедневные поездки к месту работы и обратно¹⁶¹. Жизнь сельского населения стала предопределять высокая продолжительность занятий по строительству, ремонту и благоустройству своего дома, по уходу за домашними животными, обработке приусадебного участка и т.п.

Сокращение свободного времени оказалось платой за возможность значительного увеличения доходов и улучшения условий жизни, которой было лишено в большинстве своем все остальное население. А ведь еще на рубеже 60-х и 70-х годов городской образ жизни оценивался прежде всего самими сельскими жителями выше по сравнению с их собственным — традиционным, регламентированным религиозными и семейными обычаями и нормами. Жители сел, особенно индустриализированных и пригородных, высоко ставили тогда фактор ограниченности рабочего времени у занятых внесельскохозяйственной деятельностью¹⁶². Однако уже через десятилетие ситуация радикально изменилась, что нашло выражение в новых жизненных приоритетах сельских жителей: дополнительные доходы стали предпочтаться свободному времени. А характер использования его стал основой формирования особого социокультурного типа, получившего широкое распространение в сельской местности. В то же время социологические исследования фиксировали различные проявления пониженного интереса к основной производственной деятельности при таком "двухсменном" труде, не говоря уж об интересе к политике¹⁶³.

Рост привлекательности села на втором этапе послевоенной истории страны вызван прежде всего возможностью реализации дополнительных источников доходов в собственном хозяйстве. Поэтому 90% опрошенных сельских жителей заявили, что не собираются менять свое место жительства, переселяться в промышленные или культурно-административные центры, особенно в столицу¹⁶⁴. Вместе с тем подавляющее большинство их работает не там, где живет. Наиболее предпочтительной по-прежнему считается жизнь в крупном сельском населенном пункте с достаточно развитой инфраструктурой¹⁶⁵.

В результате оттока населения из сельского хозяйства, разрушения традиционной связи места жительства и работы уже к началу 60-х годов образовалась массовая мятниковая миграция населения. Масштабы ее относительно стабилизировались с развитием промышленности и созданием системы мест приложения труда. Однако эта миграция возрастила быстрее, чем увеличивалось количество пере-

селенцев в город, особенно на начальных этапах массового жилищного строительства, т.е. до середины 60-х годов¹⁶⁶. С конца этого десятилетия маятниковая миграция из явления преимущественно социально-экономического превратилась и в социокультурное, характерное для образа жизни и сущностных характеристик сельского жителя. Особенно широкое распространение и значение она получила в Словакии.

В 1980 г. более 2/3 экономически активного населения словацкого села работало за пределами своего места жительства. Их доля возрастила с уменьшением величины населенного пункта, достигая 3/4 жителей в поселениях с менее 500 жителей. Занятость сельским хозяйством в поселениях этой категории в Словакии была ниже, чем в Чехии, а доля маятниковых мигрантов, напротив, существенно выше, так как возможности трудоустройства там во внеаграрной сфере были значительно уже¹⁶⁷.

Поскольку в Словакии еще почти половина трудоспособного населения оставалась сельским, "жителем села — работником города" был каждый третий работающий житель республики¹⁶⁸. Маятниковая миграция глубоко укоренилась в жизни сельского населения, ее характерной чертой стало отделение места работы от места жительства. Хотя маятниковая миграция на дальние расстояния (за пределы своего района и тем более области) в 70-е годы снижалась, однако существенных изменений в затратах времени на нее не произошло. Напротив, все шире участвовали в переездах женщины, экономическая активность которых росла. Причины этого положения — в сохраняющейся связи формально уже внеаграрного населения с сельским хозяйством, в предпочтении им сельского места жительства и особенно, если речь идет о собственном доме, приусадебного участка.

Социокультурный облик чехословацкого села в 80-е годы предопределял окончательно оформленныйся к этому времени новый тип сельского жителя. Он обладал общими, независимо от того работал ли он в сельском хозяйстве, на промышленном предприятии или в государственном учреждении, чертами наемного работника. Живущий в сельской местности рабочий или служащий во многих отношениях — способ получения доходов и структура потребления, особенности проведения свободного времени и восприятия культурных ценностей — был ближе к крестьянину. Однако речь идет о совершенно новом, сформировавшемся в послевоенные десятилетия типе самого крестьянина, общественную практику и сознание которого радикально трансформировали — ресоциализировали — две волны "социалистических преобразований".

Культивирование в бывшей крестьянской среде внеклассовых социальных структур привело к ее политическойнейтрализации. Крестьянское сословие, как и в целом село, осталось в стороне не только от событий 1968—1969 гг., но и от антитоталитарной революции 1989 г. Более того, на втором этапе послевоенной истории страны оно выступило в качестве важнейшего фактора общественной "стабилизации" в противовес оппозиционным движениям 60-х годов. В следующие два десятилетия бывшее крестьянство, по существу,

выполнило роль социальной основы закрепления радикальных перемен в системе общественных отношений, совершенных после февраля 1948 г. Осуществлению этих перемен в послевоенный период были подчинены все процессы общественно-экономического развития страны. Лишь по внешним параметрам, таким, как временное сокращение аграрной занятости в 50-е годы или рост городского населения в следующие два десятилетия, эти процессы были тождественны переходным к обществу современного типа. По содержанию же и последствиям они противоречили прогрессивным, ведущим не к росту так называемой однородности на основе массовой люмпенизации, а к социокультурной дифференциации населения, формированию и развитию полноценных субъектов деятельности и отношений, которые и составляют сущность процессов модернизации общества. О внутренней противоречивости соцмодернизации свидетельствует характер развития важнейших — городских — субъектов современной общественной практики.

СУБЪЕКТЫ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДА СОЦИАЛИЗМА

Лишь применительно ко второму этапу послевоенной истории Словакии можно говорить о появлении там определенного типа городской культуры как результата социалистической урбанизации. Рост переселенческой мобильности словаков в 60—70-е годы привел к формированию достаточно многочисленной группы горожан в первом поколении, по характеру жизнедеятельности которых можно судить об особенностях самой соцмодернизации. Изучение специфики "неогородской" культуры дополняет представления о сорокалетней истории развития словацкого общества. Оно, как установлено выше, так и осталось сельским, хотя доли городского и сельского населения Словакии к 1980 г. относительно выровнялись. Это произошло через полтора десятилетия после того, как словацкое общество стало преимущественно индустриальным по показателям занятости населения.

Для 70-х годов характерен выбор человеком места жительства исходя уже не только из экономических факторов, т.е. обеспечения своего материального достатка, как в период реиндустрIALIZации. Совершился переход к более свободному выбору места жительства. Расширение мотивационной основы мобильности сопровождалось и увеличением разнообразия форм миграционной активности. Усиливается ее двусторонняя направленность из села в город и из города в село, особенно в Чешских землях¹⁷⁰. Однако при изменении самой социальной сущности миграционных процессов в сознании населения приоритетным остается небольшой населенный пункт как наиболее желательная форма расселения. Правда, теперь это уже не промышленный центр, как прежде. И даже не малый город — традиционный центр притяжения сельского населения. В 1971—1977 гг. доля предпочтитающих жить там несколько сократилась¹⁷¹. Одновре-

Таблица 9. Динамика численности городского населения
(в поселениях с более 5 тыс. жителей)¹⁶⁹

Регион	Абсолютная численность (тыс. человек)			
	1950 г.	1961 г.	1970 г.	1980 г.
Словакия	903,1	1241,2	1677,7	2503,2
Чешские земли	3669,4	4410,2	5133,5	6584,3
Регион	Индекс роста численности (%)			
	1950 г.	1961 г.	1970 г.	1980 г.
Словакия	100,0	137,4	185,8	277,2
Чешские земли	100,0	120,2	139,9	179,4

менно увеличилось значение крупного сельского населенного пункта в структуре предпочтений чехов и словаков. В крупном, хорошо обустроенным селе хотело бы жить более половины опрошенных в 1977 г. сельских жителей¹⁷². Приоритетной формой расселения для горожан оказался тогда пригородный населенный пункт или окрестности крупного города¹⁷³.

Город все же привлекал, особенно молодежь, гораздо более широкими возможностями потребления — материального (оснащенность квартир, выбор товаров и т.п.) и духовного (проведение досуга)¹⁷⁴. Число ориентирующихся на постоянное проживание в небольших поселениях вблизи крупных городов существенно превышало число жителей этих поселений. Для удаленных сельских населенных пунктов и крупнейших городов ситуация была обратной. Причем по сравнению с данными 1968 г. в 1976 г. пригородные поселения стали еще более предпочтительной формой расселения¹⁷⁵.

Желающих жить в крупном городе (областном или районном центре) — каждый четвертый — оказалось в 1977 г. меньше, чем желающих жить в его пригороде. Наименее привлекательными и для городского, и для сельского населения были столица (7,7% в 1978 г. среди горожан и всего 0,5% в 1979 г. среди жителей села) и новые промышленные центры, возникшие в условиях реиндустриализации (около 1% опрошенных)¹⁷⁶. Наряду со снижением в 70-е годы притягательности крупных городов и промышленных центров в еще большей степени уменьшилась доля желающих поселиться на постоянное жительство в небольших, удаленных от города деревнях. Одновременно они получили бурное развитие как место отдыха горожан в условиях подъема в этот период дачного строительства.

В 70-е годы у сельских жителей прошла идеализация городской жизни. Реальные преимущества села осознали прежде всего занятые физическим трудом. Причем переоценка привлекательности населенных пунктов различной величины как возможного места жительства в Чехословакии произошла буквально в течение нескольких лет. И это еще одно подтверждение переломного значения 70-х годов для судьб прежде всего сельского населения Словакии. Если

в 1971 г. об однозначной привлекательности жизни в городе говорило 43% опрошенных, то в 1977 г. — менее 13%¹⁷⁷. Больше стало и тех, кто считает преимущества и недостатки городской и сельской среды обитания равноценными. Их в общей сложности около 60%. Наконец, в еще большей степени (до 1/5) увеличилась доля тех, кто рассматривает жизнь в сельской местности как более привлекательную и отрицательно относится к жизни в городе, даже малом, не говоря о крупном¹⁷⁸.

Нельзя, однако, забывать о том, что усиление склонности сельских жителей, и в первую очередь кооперированных крестьян, к пространственной стабильности в отношении постоянного места своего жительства произошло в период подъема урбанизационной волны в Словакии, когда крупногородская культура — важнейший компонент общества современного типа — там только еще начинала складываться. Резко суженными оказались потенциальные возможности формирования субъектов этой культуры, просто дальнейшего роста крупных городов.

Переход к положительной оценке села как места проживания проявился не только у его обитателей, но даже у горожан Чехословакии. Каждый пятый из них в 1978 г. предпочитал постоянно жить в селе¹⁷⁹. Наиболее привлекательными для горожан оставались средние по масштабам страны города с 20—100 тыс. жителей. В 1973 г. там хотело бы жить 42% населения. Города с более 100 тыс. жителей не являются предпочтительным местом расселения даже для людей с высшим образованием, хотя с ростом его закономерно увеличивается стремление к жизни в более крупном поселении¹⁸⁰.

Спад притягательности промышленных центров, в том числе крупных, после завершения реиндустириализации произошел в течение 10—15 лет. В 1978 г. районы Северочешского, Соколовского буроугольных бассейнов, а также Острава, Кладно и даже Прага были наименее желательными для проживания в Чехии, но не только по их неблагоприятным экологическим условиям¹⁸¹. Опрос учащихся в Усти-на-Лабе показал их неудовлетворенность и социокультурной инфраструктурой этого крупнейшего центра углеперерабатывающей промышленности. Остаться здесь навсегда, если не произойдет ничего непредвиденного, хотело всего 30% опрошенных¹⁸².

Более благоприятные — не только в природном, но и в социокультурном отношении — условия проживания выдвинули на передний план по привлекательности для постоянного проживания районы южной Чехии — Чески-Крумлов, Трутнов, Ческа-Липа. В начале 60-х годов они были, напротив, наименее популярными среди населения. Стремление к возврату в традиционные места проживания, к историческим корням было вызвано, особенно у чехов, предшествующими коньюнктурными сдвигами в системе их расселения. В сильной мере это стремление приобрело характер движения из индустриальных районов в аграрные и полугородские. Величина населенного пункта, куда совершился переезд, играла в этом случае второстепенную роль.

Для Словакии 70-х годов создание крупных городских центров было составной частью перехода к современному обществу. В 50—60-е годы здесь формируется лишь сеть поселений малой и средней величины. К концу 60-х годов появляется второй город с более 100 тыс. жителей — Кошице. Однако главным центром формирования городской культуры оставалась столица словацкой республики — Братислава — с ее более чем четвертьмиллионным населением.

Концентрация населения Словакии в этом традиционно крупнейшем ее городе привела к росту доли Братиславы с 4,2% до 7,6% в общей численности жителей республики в 1945—1980 гг. Этот показатель сопоставим с Прагой, где проживало в 1980 г. 11,4% населения Чешской республики¹⁸³. Свыше половины прироста населения Братиславы в 1961—1980 гг. пришлось на мигрантов¹⁸⁴. В 70-е годы в результате изменения ее юридического статуса и расширения ее функций центра экономической, политической, культурной жизни словацкой нации здесь наблюдался один из наиболее высоких показателей среднегодового прироста численности населения, зарегистрированных в истории этого города (2,17%). В абсолютном выражении он был максимальным — 74,3 тыс. жителей. 62,4% этого прироста пришлось на долю переселенцев¹⁸⁵. По сравнению с 60-ми годами их количество возросло в полтора раза¹⁸⁶. Таким образом, Братислава достигла относительно высокого уровня концентрации населения, в том числе городского. В 1980 г. здесь проживало 15,2% его общей численности по Словакии, в Праге — соответственно 17,9% городского населения Чешской республики¹⁸⁷. Темпы миграции в столицу в 70-е годы достигли максимума. Переселенцы здесь, как и в других городах Словакии, стали составлять большинство. Одновременно формировалась и новая среда обитания мигрантов — многочисленные районы городских новостроек.

Размах жилищного строительства начался в республике, и в том числе в ее столице, в 60-е годы. Характерной чертой застройки городов в послевоенный период было отставание жилищного строительства от промышленного. Резкий скачок его произошел уже в 70-е годы, на которые приходится почти половина всех квартир, построенных в Братиславе после войны¹⁸⁸. Районы новостроек составляют большую часть жилой застройки столицы¹⁸⁹. Аналогичная ситуация и в Кошице.

Отличительной чертой этого этапа жилищного строительства в крупнейших городах Словакии, в том числе и в Братиславе, было значительное отставание социокультурного оснащения районов новостроек от роста их площадей и количества проживающего там населения¹⁹⁰. В этих условиях и происходило формирование городской культуры словацкой нации.

Население крупнейших городов и промышленных агломераций оказалось наименее удовлетворенным условиями своей жизни, прежде всего жилищными. Хотя на города с более 50 тыс. жителей приходилось 45% всех новых квартир, построенных в стране в 1961—1975 гг., но недостаток жилья особенно остро ощущался именно

в крупнейших городах, особенно Праге и Братиславе. Доля населения, оценивающего свои жилищные условия как мало- и неудовлетворительные, возрастала пропорционально величине города¹⁹¹.

Ситуация осложнялась не только недостатком квартир, но качеством жилой застройки, ее "монокультурным" характером. Она состояла из многоэтажных панельных домов с малогабаритными квартирами. Преобладающей формой развития селитебной части крупных городов долгое время оставалось строительство крупных жилых комплексов с минимальным развитием социальной инфраструктуры и возможностей приложения труда. Как показали результаты социологического обследования, в 1974 г. лишь 5,3% экономически активных жителей одного из районов новостроек Братиславы работало в месте своего жительства¹⁹². Особенно ограниченными были в таких районах возможности общения, отдыха и развлечения.

Массовое жилищное строительство сопровождалось появлением преимущественно "спальных" районов в крупных городах. Монокультурный характер застройки сочетался там с монокультурной функциональной направленностью. Недостаточная транспортная связь городской периферии с центром, где концентрируется практически вся сфера обслуживания и реализуется производственно-профессиональная деятельность населения, стала одной из доминант образа жизни значительной части горожан. Развивавшиеся преимущественно как административно-управленческие центры в системе общественных отношений перераспределительного типа, крупные города Словакии характеризовались явной диспропорцией их ядра, где сосредоточивались учреждения главным образом непроизводственной сферы, и монокультурной периферии — места жительства работников именно этой сферы. Все это привело к утверждению в городе, как и в селе, промежуточного — полугородского-полусельского характера существования человека.

Затраты времени и сил на дорогу к месту работы и обратно у жителей крупных городов оказались такими же, как и у жителей самых малых поселений с менее чем 500 жителяй¹⁹³. Обитателями городских новостроек возникающие в результате этого трудности оцениваются даже более негативно, чем сельскими жителями. 27,5% их не удовлетворены длительностью вынужденных перемещений к месту работы в городах с более чем 100 тыс. жителей. В поселениях с менее 500 жителей их было всего 18,5%, в остальных — еще меньше. Жители крупнейших городов недовольны состоянием сети учреждений здравоохранения, торговли, а особенно культуры в большей степени, чем жители городов с 50—100 тыс. человек¹⁹⁴. Непроизводственная сфера экономики крупнейших городов оказалась ориентированной на обслуживание не столько их жителей, сколько системы управления обществом.

Социологические исследования жизни обитателей некоторых городских новостроек Братиславы и Кошице, проведенные в 70-е годы, показали, что большинство их жителей составляют служащие. Однако в этих районах с десятками тысяч обитателей слабо развита со-

циокультурная инфраструктура. Неразвитость сферы обслуживания обитателей новостроек стимулирует сохранение характерных для выходцев из села отношений соседской взаимопомощи (при совершении покупок, уходе за детьми, в непредвиденных ситуациях и т.п.). Состояние сети учреждений культуры серьезно осложняет процесс самореализации жителей новостроек в свободное время. Характер его использования не соответствует функциям городской цивилизации. Всего около 14% населения Братиславы использует в свободное время преимущества своего столичного проживания, как правило связанное с посещением центра города¹⁹⁵. Несмотря на рост численности населения Братиславы с 1950 г. более чем на 140 тыс. человек, сеть театров, кинотеатров и т.д. осталась практически без изменений¹⁹⁶. Поездки жителей городской периферии в центр, где концентрируются эти учреждения, оказываются непосильными для людей, и без того вынужденных совершать ежедневные переезды к месту работы и обратно. Возникает состояние социокультурной изоляции, при котором формирование нового горожанина, прежде всего служащего, как правило высокообразованного, происходит преимущественно в узкой домашней среде.

Средний возраст жителей словацкой столицы чуть больше 30 лет. Это несколько выше только по сравнению с Кошице, но ниже, чем в среднем для крупных городов страны. Тем не менее активность их в области искусства, занятий спортом и рекреационной деятельности сужена, доминируют пассивные, замкнутые рамками своего дома, семьи формы проведения свободного времени. В городской среде, как и в сельской, с 70-х годов преобладает потребительский, недифференцированный тип восприятия массовой культуры через СМИ¹⁹⁷. К числу регулярных (хотя бы раз в неделю) читателей газет и телезрителей относятся практически все жители Братиславы. Всего лишь 2% горожан совсем не смотрят телевизор и не читают газет¹⁹⁸.

Рассмотренный консервативный или инерционный тип преимущественно домашнего проведения свободного времени стал характерной чертой городского образа жизни в целом. В особенности это касалось городских новостроек. Об этом свидетельствуют результаты целого ряда социологических обследований, проведенных в конце 60-х — 70-е годы в различных городах страны¹⁹⁹.

Проявлением этой консервативности является и ориентация на вне-городские формы проведения выходных дней. Эта ориентация, казалось бы, контрастирует с замкнутым своим жилищем проведением свободного времени в будние дни (у 65% жителей словацкой столицы), но в действительности оба эти обстоятельства тесно взаимосвязаны. Оторванность от центра города породила в 70-е годы прежде всего у жителей новостроек, численность которых резко возросла в этот период, все большую тягу к селу как месту проведения досуга.

Около трети жителей Братиславы уезжает в выходные дни за пределы своего города²⁰⁰. Средняя длина пути этих поездок составляет 59 км, т.е. их целью являются достаточно удаленные сельские

населенные пункты, часто бывшее место постоянного жительства горожанина. А в средних и крупных городах выезжает в сельскую местность для отдыха около 2/3 их жителей²⁰¹.

Очевидно, несмотря на концентрацию в Братиславе десятой части населения республики, в том числе значительной части горожан, и в послевоенный период там не сложилась реальная социокультурная основа становления словацкой нации как современной, т.е. городской.

Надо заметить, что в Братиславе в 70-е годы произошло не только увеличение количества, но и изменение социального состава мигрантов. Среди них ощутимо сократилась доля занятых в сфере образования и культуры, науки и здравоохранения, но увеличилась, особенно после 1970 г., как, впрочем, и в Праге, доля работников системы управления и правосудия²⁰². Уменьшение удельного веса квалифицированных рабочих сопровождалось ростом представленности техников и занятых нефизическими видами труда в целом. Поэтому среди переселенцев была высока доля лиц, имеющих высшее — каждый десятый — и общее среднее — каждый четвертый — образование. Много было и обладателей ученых степеней (11% высококвалифицированных мигрантов)²⁰³.

Переезд в Братиславу у значительной части (более 40%) переселенцев был связан с повышением их социально-профессионального статуса, а для почти половины из них — уровня образования. Так, более чем наполовину сократилась численность в прошлом подсобных рабочих. Многие из них — 12% — стали административными работниками²⁰⁴. Из числа квалифицированных рабочих к этой категории государственных служащих присоединилось после переезда в столицу менее 10%. Наконец, 79% бывших домохозяек, переселившихся в Братиславу, включились в общественное производство главным образом в роли административных служащих. В отличие от рабочих, частично "расторвившихся" в городской среде, занятые в непроизводственной сфере, напротив, имели активное сальдо своей численности после переезда в столицу. Группа административных служащих в сильной мере — на четверть — пополнялась и выпускниками вузов. Они составили основную часть новых работников умственного труда. Общая численность лиц, перешедших после переселения в город в категорию социалистической интеллигенции, была особенно большой по состоянию на 1978 г., количественный состав этой категории выходцев из села возрос после переезда на 3/4²⁰⁵.

Таким образом, формирование Братиславы как крупного городского центра словацкой нации совсем не походило на аналогичный процесс в Чешских землях и Праге. Как и в довоенный период, рост Братиславы, значительно ускорившийся в 60-е и особенно 70-е годы, по-прежнему был связан с усилением ее как административно-политического, а не индустриального или культурного центра. В условиях административно-бюрократической системы главный город и формируется как центр этой системы. В этом случае важнейшая составная часть модернизации — городская культура — складывается

как подчиненное тоталитарной системе образование, обслуживающее ее и предназначенное прежде всего для реализации потребностей ее партийно-государственных, а не социальных субъектов — от отдельной личности до всего общества.

Противоречиво происходило в этих условиях формирование личности горожанина. Отказ первого поколения горожан от религии, переход их на позиции атеизма не означали ликвидации идеалистической основы их сознания, а привели лишь к изменению содержания веры.

События 1968—1969 гг. вызвали "инверсию" форсированной секуляризации, которая продемонстрировала неустойчивость новых мировоззренческих ориентаций бывших верующих. "Нормализация" 70-х годов стимулировала у стихийных или практических атеистов явление "вторичной мифологизации сознания". Особенно ярко оно проявилось в среде высокообразованных специалистов — жителей промышленных центров и крупных городов. Именно в крупных и крупнейших городах, по оценкам социологов, стало наиболее вероятно оживление иррациональных способов мышления²⁰⁶. Социальный опыт быстро растущей количественно в эти годы группы служащих и новой интеллигенции подвергся наиболее кардинальным переменам. Теперь уже прежде всего они, а не рабочий класс, как в годы реиндустириализации, превратились в городской среде в главных носителей мировоззренческой индифферентности, выражавшейся в размытости идеальных и нравственных ориентаций. Доминировавший ранее традиционный сельский тип религиозности уступает к концу 70-х годов в Словакии место городскому, и уровень ее относительно стабилизируется.

Рост среди словацких горожан удельного веса мировоззренчески неопределенчившихся сочетался в 70-е годы с медленным снижением их религиозности: соответственно с 57 до 54% для рабочих и с 39 до 35% для служащих. В результате, если различия в уровне религиозности крестьянства между Чехией и Словакией резко сократились, среди рабочих и служащих этот уровень все еще сохранял в Словакии двукратное превышение²⁰⁷.

Именно в это десятилетие в восточной части страны исчезает четкая еще в начале его зависимость между уровнем религиозности и величиной населенного пункта²⁰⁸. Перенесение центра тяжести мифотворчества из села в город стало ярким примером так называемого стирания границ между ними, предопределило весь социокультурный облик формирующихся субъектов городской культуры Словакии.

В Чешских землях удельный вес "перемещенных лиц" был больше всего в промышленных, а не в крупных административно-политических центрах, как в Словакии. Социально-культурные последствия реиндустириализации проявились в промышленных центрах западной части страны во всей полноте, сформировав здесь и у следующего поколения ориентацию на смену социального статуса. Так, большинство выросшей в одном из крупнейших индустриальных центров — Усти-на-Лабе — молодежи согласилось бы переехать в село или малый город²⁰⁹.

В жизнь чешских, как и словацких, горожан в 70-е годы прочно вошли формы переходного, полусельского бытия. Однако в отличие от словаков, городских жителей преимущественно в первом или втором поколениях, социальные связи с селом у чехов были уже давно прерваны. Восстановлению их послужило получившее в 70-е годы особый размах дачное строительство. В это десятилетие произошел явный поворот к дачным формам проведения выходных дней²¹⁰.

Чем больше в Чехословакии город, тем больше там доля семей, имеющих так называемое второе место жительства, выполняющее рекреационные и не только рекреационные функции. Доля владельцев дач и дачных домиков увеличилась в 70-е годы в полтора раза, достигнув в Праге и Пльзене наибольших величин. Каждая четвертая семья имела дачу. В Братиславе и Кошице такие семьи составляли лишь 8—9%, т.е. чуть выше среднего уровня²¹¹. В целом по стране в 1980 г. дачи имело около 30% жителей городских новостроек, т.е. почти вчетверо выше среднего уровня. Освоение рекреационных функций села происходило в 70-е годы так же стихийно и неорганизованно, как и отток сельского населения в города 20 лет назад. Это проявилось, в частности, в хаотическом характере самой застройки окрестностей городов²¹².

С начала 70-х годов население крупных городов все активнее стало стремиться к общению с природой. Строительство дач, а тем более приобретение сельских домов способствовало включению горожанина в новую для него систему отношений удаленных от города небольших сел. В отличие от в недавнем прошлом аграрных стран, например Польши и СССР, где в этот период преобладало стремление горожан к получению садового участка, в Чехословакии, как и в аналогичной ей по цивилизационному уровню ГДР, речь шла прежде всего о строительстве вилл, домов и домиков, т.е. дополнительного к городскому жилища²¹³. Усилившееся тогда центробежное движение городских жителей, своеобразное бегство из города — средоточия общественных отношений "нового типа" — привели к массовому строительству ими "вторых квартир", главным образом в пригородной зоне. Наибольшие масштабы это движение и получило среди жителей крупнейших городов Чешских земель. В ряде поселений в окрестностях Праги в выходные дни численность населения увеличивалась пятикратно, т.е. на одного постоянного жителя приходилось, как минимум, пятеро отдыхающих²¹⁴. "Вторичное заселение" села способствовало изменению его социальной структуры. Оно оказалось важнейшим фактором усиления преимущественно потребительского отношения чешского населения, как и словацкого, к сельской местности, уже имевшего социальную основу в лице маятниковых мигрантов. Село все больше рассматривалось как среда получения материальных и духовных благ, а не их производства.

Новым явлением в жизни чешских городов с начала 70-х годов стало стихийное и небывалое по размаху возрождение и обновление народных обычаяев религиозного содержания, особенно рождественских, пасхальных, а также связанных со свадьбой и крещением.

Празднования выливались даже на пражские улицы. А на предприятиях и учреждениях города начали бурно и широко отмечаться юбилеи сотрудников, которые имели много общего с сельской традицией, неумело перенесенной в иную среду²¹⁵. Проникновение тогда традиционных элементов деревенской жизни в города способствовало унификации характеристик городского и сельского населения²¹⁶.

Исследования сдвигов в структуре свободного времени, в распространении отдельных видов деятельности во внера бочее время подтвердили, что некоторые черты сельского образа жизни в 80-е годы стали присущи и городу. Выходные дни горожан, как и жителей села, все больше становились похожими на будни. Горожане все большее времени проводили в сельской местности — за обновлением и ремонтом домов, за работами типа "сделай сам" и сельскохозяйственными. Именно эти виды деятельности превратились в главные формы самореализации личности, удовлетворения ее потребности в творчестве²¹⁷. Но главное — горожане внутренне все больше тяготели к селу, возвращаясь к его традициям, образу жизни, типичному для сельской семьи.

По данным социально-статистического исследования 1984 г., каждые двое из трех опрошенных имели участки земли, большинство из них вело мелкое сельскохозяйственное производство, производя отдельные продукты питания, главным образом для собственного потребления. К этой последней категории населения принадлежало и 43% городских семей²¹⁸. Развитие у них способности к самообеспечению стало мощным двигателем переноса образцов и норм сельской жизни в город. Чаще всего, если не считать кооперированных крестьян, владельцами земельных участков были служащие (64% их имели такие участки), чуть реже — рабочие (соответственно 59%). Жизнедеятельность всех землевладельцев в большей степени определялась, как выяснилось, фактом наличия участка и необходимостью его обработки, чем принадлежностью к соответствующей социальной группе. По характеру проведения свободного времени не было различий между интеллигентом — владельцем земельного участка и землевладельцем-рабочим²¹⁹.

Итак, население крупных и особенно крупнейших городов в 70—80-е годы испытывало потребность бегства оттуда в село, где обратилось к устройству своего "второго жилища". При этом оно, как и "жители сел — работники городов", остро ощутило ситуацию "разорванности" своего существования, порожденную неопределенностью социального положения. Городское и сельское место жительства вслед за уровнем образования и сложностью выполняемого труда, в сущности, перестало быть важным социально-дифференцирующим фактором. Но достигнуто это было не столько в результате прогресса села или приближения его к городу, сколько под влиянием процессов обратного порядка, сопровождавшихся массовыми социальными перемещениями. При столкновении двух традиций — города и села — вторая в данной системе общественных отношений одержала верх.

Обусловленные самим содержанием социальных изменений периода

социализма тенденции такого рода гомогенизации общества были усилены условиями малой страны. В Чехословакии, где город и село максимально приближены и могут предопределять жизнь всего населения, проблема рураллизации города стала особенно остро. Это касалось и Чешских земель, и Словакии, несмотря на различный уровень развития субъектов их городской культуры. Соседство преимущественно сельской (даже по формальным показателям до конца 70-х годов) Словакии оказало в этой ситуации на Чешские земли с их развитой городской сетью на втором этапе "социалистического строительства" такое же воздействие, как полуаграрная культура восточной части страны на ход промышленного развития западной на первом его этапе. Социокультурные последствия рураллизации сравнимы с аналогичными последствиями предшествующей ей индустриализации. Оба этих процесса, в разное время предопределивших судьбы двух поколений чехов и словаков, составляют сущность явления соцмодернизации.

Восьмидесятые годы вошли в историю Чехословакии не только как период явного спада интереса к получению образования, особенно высшего, но и как время замедления роста численности населения крупных городов и начавшегося увеличения сельского. Таким образом, социально-профессиональные и социально-пространственные сдвиги, вызревавшие в чешской и словацкой нациях с конца 60-х годов, но предопределенные типом общественных отношений социализма, всей его послефевральской историей, материализовались.

Глава IV

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ СОЦМОДЕРНИЗАЦИИ

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ

Предпосылки перехода к однородности общества, растворения в нем личностного начала были заложены в Чехословакии в конце 40-х — 50-е годы — в период совершенного там социокультурного переворота. Но свое наиболее полное выражение и для чешской, и для словацкой наций сдвиги в системе общественных отношений нашли уже в 70-е — начале 80-х годов. Эти сдвиги тогда охватили все группы населения и вторглись в самые глубокие пласты человеческого существования. Новые формы приобретали социальные перемещения, неиссякаемым стимулом роста которых послужили события первой пятилетки. Это отчетливо проявилось в изменившемся статусе и взаимоотношениях важнейших демографических субъектов общественной практики — мужчин и женщин, старшего и младшего поколений. Положение этих субъектов характеризует уже сама динамика показателей естественного воспроизводства населения — смертности, продолжительности жизни, рождаемости и планирования семьи.

СМЕРТНОСТЬ

Демографические процессы в чехословацком обществе, как и социальные, по существу, распадаются на два отличных по содержанию и направленности сдвигов этапа. Разделяющий их рубеж находится на начало — середину 60-х годов.

Снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни населения страны произошли в период после окончания второй мировой войны и продолжались в течение всех 50-х годов. Тогда Словакия перешла к новому историческому типу смертности, что наиболее ярко выразилось в интенсивном спаде чрезвычайно высокой младенческой смертности, и в том числе смертности новорожденных в среде крестьян и особенно промышленных рабочих¹. Снижение этого вида смертности было основным путем уменьшения общей смертности населения и в межвоенный период². Доступность его объяснялась высокой зависимостью младенческой смертности

от внешних (экзогенных) факторов — прежде всего распространения современных норм санитарии. Особенно большие значения этого показателя в первые послевоенные годы были связаны, кроме того, и с компенсационным подъемом уровня рождаемости. Некоторое снижение уровня смертности, тоже главным образом младенческой, произошло и среди сельскохозяйственного населения Чехии, здесь уже практически после завершения демографической революции.

Новая ситуация со смертностью населения трудоспособного возраста была вызвана ослаблением зависимости от внешних факторов жизни прежде всего женского населения, изменением положения женщины в обществе. Новый тип смертности характеризуется постоянно возрастающим превышением мужской смертности над ранее более высокой женской, увеличивающейся разницей в средней продолжительности их жизни. В результате более быстрого снижения смертности женщин в Словакии в 50-е годы постепенно ликвидируется типичная для довоенного периода сверхсмертность средних возрастных групп женского населения, соответствовавшая медико-санитарным и социально-культурным условиям того времени. Уменьшение смертности населения продуктивного возраста пришлось в 50-е годы в основном на женщин³. Переход к более благоприятной динамике этого показателя для женщин имел своим результатом постепенное выравнивание величин сверхсмертности мужского населения обеих республик⁴. Вместе с тем условия труда мужчин, весь образ их жизни не позволили достичь в этот период таких успехов в снижении смертности, каких можно было достичь уже тогда для женщин. Темпы этого снижения для мужчин продуктивного возраста оказались втройне ниже по сравнению с младенческой смертностью⁵. По оценке демографов, темпы снижения смертности населения продуктивного возраста в целом в 1950—1958 гг. были относительно близки и даже несколько отставали от аналогичных темпов, характерных для 1930—1950-х годов, тогда как темпы уменьшения младенческой смертности на треть опережали показатели межвоенного периода⁶. В 1960 г. по уровню детской смертности Чехословакия занимала передовые позиции среди развитых стран, утерянные в последующие годы⁷. Она была и на одном из последних в мире мест по интенсивности общей смертности. Средняя продолжительность жизни мужчин имела тогда максимальные за весь послевоенный период значения⁸.

В целом более крупное снижение смертности в Словакии по сравнению с Чешскими землями привело к сближению их по этому показателю к 1960 г.⁹ Это стало одним из наиболее ярких проявлений ускоренного преодоления отсталости Словакии, прежде всего социокультурной. Вообще конец XIX — первая половина XX в. — период демографического перехода, или демографической революции, для большинства европейских наций. Тогда в течение жизни трех поколений ее средняя продолжительность почти удвоилась¹⁰. Для Словакии этот процесс оказался лишь сдвинутым во времени по отношению к Чешским землям.

Динамика смертности населения Чехословакии в период после

1960 г. приобретает новый характер по сравнению с 50-ми годами. Преобладающей становится тенденция роста не только абсолютного количества умерших, но и коэффициентов смертности. Особенно неблагоприятно изменение средней продолжительности жизни мужского населения, которая, в отличие от относительно стабилизированного состояния ее для женщин, сначала снижается, а затем переживает период стагнации¹¹. "1960 год стал решающим временным рубежом в динамике смертности мужчин старше 40 лет"¹². Начинает сказываться рост нагрузок, далеко не всегда производительных, на главного субъекта процессов форсированной реиндустиализации — мужское население. В 60-е годы — период максимального роста смертности — сокращение продолжительности жизни охватывает в Чешских землях мужчин в возрасте уже старше 30, в Словакии — лишь старше 45 лет¹³. На ухудшение возрастной структуры (старение) пришлось в 60-е годы 2/3, а на фактический рост смертности — более трети всего прироста количества умерших¹⁴. Особенно значительное увеличение коэффициента смертности произошло среди мужского населения трудоспособного возраста в Чехии¹⁵. Это положение относительно стабилизируется. В середине 80-х годов смертность мужчин старше 30 лет оставалась там на том же уровне, что и 35 лет назад, для женщин — на уровне 60-х годов¹⁶.

Данные переписи населения 1970 г. свидетельствуют о явном превышении мужской смертности над женской и о более высоком уровне этого показателя для населения Чешских земель по сравнению со Словакией. Исключение составляло лишь женское население полуаграрной южной Моравии, где уровень его смертности достигает максимума по стране в целом¹⁷. Высшие значения этого показателя характерны для мужчин чехов, проживающих на территории Чешской Республики¹⁸.

Расчеты, произведенные чешскими демографами на основании переписи населения 1961 г., показали, что более высокая смертность (после исключения влияния различия возрастных структур) чаще имела место в промышленных районах с высокой концентрацией населения. Между тем ниже уровень смертности в сельскохозяйственных районах с низким удельным весом городского населения¹⁹. Как показали аналогичные расчеты, произведенные Федеральным статистическим управлением в 1980 и 1981 гг., региональная дифференциация смертности за истекшее двадцатилетие претерпела незначительные изменения²⁰. Сложившееся в период реиндустилизации разделение на районы с наибольшей и наименьшей интенсивностью смертности осталось практически тем же; лишь несколько уменьшились существующие между ними различия.

В начале 80-х годов уровень смертности Чешской и Словацкой Республик по-прежнему имел значительные отличия. Показатели смертности приобрели тенденцию к снижению в направлении с северо-запада на юг и восток страны²¹. Вместе с тем отдельные "острова" повышенной смертности встречаются и на территории Моравии (район Остравы) и Словакии (аграрный юг).

В 1980—1981 гг., как и в 1960—1961 гг., наиболее высокая смерт-

ность регистрировалась почти исключительно, кроме промышленной зоны Кладно—Бероун в Среднечешской области, в Северочешском и Западночешском пограничье. На 20% выше средней она была главным образом в местах добычи и переработки угля (Мост, Дечин, Хомутов, а двадцать лет назад — Теплице, Мост, Соколов)²². У мужчин, проживающих в центрах буроугольной промышленности Северочешской области (Хомутов, Теплице, Мост), средняя продолжительность жизни самая короткая в стране²³. Региональные различия в уровне смертности мужчин, отражающие различия в территориальной и отраслевой структуре развивавшейся в послевоенный период промышленности, остаются ярко выраженными на всем его протяжении. Характерно, что гораздо менее опирающиеся в своем развитии на индустриальную основу и особенно добывающую промышленность крупнейшие города, прежде всего Брно и Братислава, отличаются относительно низким уровнем смертности²⁴. К их числу принадлежит и Кошице, в структуре населения которого высока доля переселенцев молодого возраста. Не превышает среднего уровня и смертность населения Праги. На большей части относительно слабо затронутых бурными социально-экономическими процессами послевоенного периода, и особенно 50-х годов, территорий юга Чехии и Моравии смертность населения остается на уровне ниже средней по стране.

Промышленное развитие и увеличение смертности населения, прежде всего мужского, остались на протяжении всех четырех рассматриваемых десятилетий неотделимыми друг от друга. Крупнейшие демографические последствия форсированного роста промышленности во время первых двух пятилеток остро проявились в индустриальных Чешских областях в 60-е, в несколько меньшей мере — в 70-е годы. В условиях реиндустриализации Чешских земель форсированный рост приоритетных с точки зрения государства отраслей промышленности оказал определяющее влияние не только на жизненные пути людей, но и на их продолжительность.

РОЖДАЕМОСТЬ И ЕЕ ФАКТОРЫ

Наиболее неблагоприятная демографическая ситуация существовала в Чехословакии во второй половине 60-х годов. Она характеризовалась не только высокой смертностью, но и низкой рождаемостью, уровень которой постоянно снижался после короткого периода компенсационного подъема в 1946—1952 гг. Вместе с тем и средний возраст вступления в брак сокращался по всей стране вплоть до середины 60-х годов, когда в основном завершились мощные территориальные перемещения населения, главным образом молодежи. Тогда средний брачный возраст относительно стабилизировался на достаточно низком уровне. Обратные тенденции динамики этого показателя стали проявляться уже в 80-е годы²⁵.

В Чешских землях в 1966—1972 гг. уровень рождаемости не обеспечивал даже простого воспроизводства населения²⁶. В Словакии, закономерности популяционного развития которой были отличны от чешских, а рождаемость росла вплоть до 1957 г., такого поло-

жения не складывалось. Временное повышение рождаемости в первой половине 70-х годов было вызвано комплексом социальных мер (пособия, льготы, расширение жилищного строительства), стимулирующих ее рост. Так же как и предыдущий спад, этот рост более ярко проявился в Чешских землях²⁷. Подъем рождаемости коснулся прежде всего возрастной группы 25—29-летних, а в Чешской Республике — даже 30—34-летних женщин, за счет вторых и особенно часто третьих детей²⁸. Рождение их в предшествующие 10—15 лет откладывалось вследствие неблагоприятной социально-экономической ситуации и в начале 70-х годов приобрело компенсационный характер. В эти годы, кроме того, снизился возраст рождения первых и вторых детей женщинами молодых поколений. В целом в демографическом подъеме участвовало, особенно в Чешских землях, сразу несколько генераций населения (с 18 до 34 лет). В Словакии возросла рождаемость только у младших возрастных категорий, и начавшийся там после 1957 г. ее общий спад лишь замедлился или был ослаблен, но не сменил направленности, как в Чехии.

Вершина значительной демографической волны 70-х годов приилась уже на 1974 г., после чего она пошла на убыль — сначала медленно, а с 1980 г. ускоренными темпами. Различия в характере воспроизведения в Чехии и Словакии вновь возросли. Новый спад рождаемости еще раз подтвердил стабильность чешской двудетной модели семьи, сложившейся после завершения в Чешских землях демографической революции, и постепенный переход к ней в Словакии. Там еще относительно велика была и в 1980 г. доля трехдетных семей. Модель двудетной семьи, по данным переписи 1980 г., утвердилась лишь среди словацких женщин, имеющих высшее образование, служащих. Поэтому наибольшие различия между Чешскими землями и Словакией оставались в режиме воспроизведения в семьях рабочих²⁹.

Преимущественно чешская демографическая волна начала 70-х годов снизила популяционный дефицит предшествующего десятилетия и еще раз отчетливо продемонстрировала во всех отношениях большую способность населения Чешских земель к восприятию любых внешних социально-экономических импульсов, в том числе и ведущих к существенным изменениям в демографическом поведении³⁰. Не только степень вовлеченности чешских мужчин в процессы реиндустириализации оказалась существенно выше, чем словацких, но и чешские женщины были более "отзывчивы" на изменения демографической и социальной политики. Оба эти явления в наибольшей степени проявились в районах, к которым было приковано внимание социалистического государства — угледобывающих.

Высшие показатели плодовитости в 60-е годы приходились на женщин Североморавской области — центра промышленного развития страны на первом послевоенном этапе. В этой области, испытывавшей потребность преимущественно в мужской рабочей силе, произошел возврат к экстенсивному типу воспроизводства населения, в частности к многодетной семье. К концу 70-х годов

максимум плодовитости сместился в другую угледобывающую область — Северочешскую при минимуме в Среднечешской и особенно — на протяжении всего периода 50—80-х годов — в Праге, как и остальных крупнейших городах (за исключением Остравы)³¹. Средний уровень рождаемости в Чешских землях в 70-е годы оставался максимальным в малых городах (при сохранении в Словакии, как и в 50-е годы, закономерности снижения этого уровня с ростом величины города)³².

Радикальное снижение высокого, характерного для общества традиционного типа уровня плодовитости пришлось в Словакии на 50-е годы. Тогда на большей части ее территории проходил заключительный этап второй фазы демографической революции. Окончание этого процесса здесь датируется П. Верешем 60-ми годами³³. Наиболее быстро он завершился на юге Словакии, в приграничных с Венгрией районах с высокой долей венгерского населения и в Братиславе. В северных и особенно северо-восточных районах тенденция спада плодовитости была характерна и для 70-х годов. Полное завершение второй фазы демографической революции на территории Словакии относится П. Верешем уже к 80-м годам. Западные и особенно южные районы Словакии стали в послевоенный период центром тяжести социально-экономических и демографических процессов, что подтверждают данные динамики показателей не только плодовитости, но и смертности населения. Для словацкой популяции практически весь послевоенный период был временем прохождения демографических процессов формирования общества современного типа. События первых двух пятилеток отразились на ней в гораздо меньшей степени, чем на чешской популяции. К тому же сам рост индустрии в эти годы и его последствия были в Словакии выражены меньше, чем в высокоразвитых Чешских землях, угледобывающие районы которых стали "промышленным сердцем" социалистической Чехословакии и большинства соседних стран региона.

Своеобразно в этих условиях происходило изменение демографического поведения населения. Главным фактором снижения рождаемости стал не столько сам по себе рост занятости женского населения, сколько стремление поддержать соответствующий имеющимся представлениям уровень материального благосостояния семьи. В результате у экономически активных женщин плодовитость подчас оказывалась даже выше, чем у домохозяек³⁴. В 70-е годы — период демографической волны и следующих за ней лет — рост рождаемости происходил при одновременном увеличении как абсолютных, так и относительных показателей занятости женщин, и так уже находившихся к этому времени на достаточно высоком уровне.

Особенно возросла в 70-е годы интенсивность роста занятости женщин с малолетними детьми³⁵. У двудетных женщин в Чешской Республике экономическая активность в этот период стала даже выше, чем у однодетных, достигнув чрезвычайно больших величин (933 из 1 тыс. замужних женщин)³⁶. Занятость женщин с детьми максимально приблизилась к аналогичному показателю для без-

детных женщин. Наличие одного-двух детей практически перестало оказывать влияние на включенность женщины в общественное производство. Чехословацкие демографы делают вывод о том, что занятость женщин в 80-е годы, по существу, уже не предопределяла уровень рождаемости. Постепенно выравнивались и различия в численности детей у женщин разного уровня квалификации — фактора рождаемости даже более важного, чем принадлежность к социальной группе или профессии³⁷.

В конце 70-х годов произошли значительные перемены в репродуктивном поведении населения страны. Спад абсолютных и относительных величин рождаемости, сменивший довольно короткий период их роста в начале десятилетия, свидетельствовал об устойчивых чертах популяционного климата рассматриваемого периода. Особенно ярко они проявились в демографической депрессии 60-х годов. Причины спада рождаемости стали предметом анализа чехословацких демографов.

Регулярные социально-демографические исследования проблем планирования семьи начались в Чехословакии в 1956 г. Сравнение их материалов с аналогичными данными конца 70-х и 80-х годов демонстрирует прежде всего резкое, характерное для обеих республик снижение в течение очень короткого периода среднестатистического показателя представления об идеальном количестве детей в семье с 2,49 в 1977 г. до 2,23 в 1981 г. и 1,85 в 1985 г.³⁸ Он стал даже меньше, чем показатель тоже уменьшавшегося количества детей, реально планируемого каждой из семей. В 1977 г. ситуация была обратной (1,85 по сравнению с 2,11 в 1985 г.).

В чем же главная причина падения всех показателей рождаемости — планируемой и реализованной, — если не в росте экономической активности женского населения? Ответ на этот вопрос и дали результаты упомянутых социодемографических исследований. Как и раньше, основные трудности, связанные с воспитанием детей, опрошенные видели в проблемах материального характера. На первом месте стоят проблемы финансовые, на втором — жилищные. Их соотношение изменилось в 70-е годы — период интенсивного жилищного строительства, — еще в начале которых квартирные условия назывались главной причиной снижения рождаемости³⁹.

Финансовые трудности оказались в 80-е годы доминирующими во всех возрастных и социальных группах женщин, независимо от количества рождающихся у них детей⁴⁰. Речь идет, конечно, не об абсолютном недостатке финансовых средств в семьях, а об опережающем росте реальных доходов бездетных семей или семей с одним ребенком по сравнению с семьями с большим количеством детей. Многодетность отдала перспективу достижения высокого уровня жизни, на который ориентировалась значительная часть молодых людей. И все это несмотря на возросшие в 70-е годы, но все же неадекватные реальным потребностям государственные пособия молодым семьям.

Финансовые причины оказались главными и при выходе женщины на работу до завершения положенного отпуска по уходу за ребен-

ком. Именно эти причины были названы более чем половиной опрошенных, тогда как стремление сохранить свое рабочее место — всего каждой пятой женщиной в Словакии и каждой десятой в Чехии.

Уже в 50-е годы стало очевидным, что, чем продолжительнее брак, тем дальше женщины отходят от оказавшихся завышенными первоначальных представлений о величине семьи⁴¹. Обследование "Современная женщина", проведенное В. Винничуком в 1966—1967 гг., подтвердило, что сама жизнь изменяет эти представления в сторону уменьшения желаемого количества детей. В целом наиболее часто этот сдвиг происходит с возрастом у высокообразованных женщин после столкновения сформировавшихся у них взглядов с реальной действительностью⁴². Несоответствие "теории и практики" проявилось у этой социальной группы в сфере личной жизни так же остро, как и в труде.

Не только на протяжении отдельно взятой человеческой жизни, но и на протяжении всей социалистической истории чехословацкого общества происходило становление нового типа демографического поведения, понимаемого как совокупность форм межчеловеческих отношений. Этот процесс был тесно связан с изменением самого характера участия женского населения в общественном производстве. Формирование нового социального статуса женщины составляет еще одну важнейшую сторону соцмодернизации, особенно нуждающуюся в самостоятельном объективном анализе и избавлении от устоявшихся в течение десятилетий иллюзий и стереотипов.

ВКЛЮЧЕНИЕ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Изменение положения женщины в обществе в послевоенный период происходило на фоне радикальных сдвигов в системе разделения труда. Осуществлялся переход к совершенно новой не только для Словакии, но и для Чехии профессионально-квалификационной структуре женского населения. Но социальный статус — это результат не только производственной деятельности и ее культурного потенциала, но и складывающихся в процессе всей общественной практики, в том числе и внепроизводственной, отношений. Совокупность их и предопределила тип формирующейся в процессе социалистической эмансипации личности чешской и словацкой женщины.

Массовый рост занятости женщин начался в стране сразу после 1948 г., в годы реиндустриализации, когда они стали важнейшим источником пополнения рабочей силы⁴³. Использование этого источника сделало возможным форсированный переход к социализму. Социальные функции этой группы населения реализовались и в период кооперирования сельского хозяйства в 50-е годы. Уходившие на заработки в промышленность и строительство бывшие крестьяне рассматривали именно женское население как основу членской базы формирования ЕСХК⁴⁴. Но сельскохозяйственные кооперативы ока-

зались далеко не единственной и тем более не главной формой социалистического предприятия, нуждавшегося в женской — "второразрядной" — рабочей силе. Особенно широкие возможности приложения женского труда открылись в результате перехода к новому типу общественного развития, нуждавшемуся не только в маловеквалифицированных работниках физического труда, но главное — в огромной непроизводственной сфере, точнее, в разросшемся до гигантских размеров аппарате контроля и управления. Анализ профессиональных структур отдельных поколений показал, что женщины, включившиеся в общественное производство в период кооперирования и индустриализации, выделяются своей очень высокой занятостью в сфере административной деятельности по сравнению с остальными группами населения не только предшествующего, но и последующего поколения⁴⁵. Рост уровня образования женщин на втором этапе "строительства социализма" значительно расширил возможности включения их в сферу осуществления разнообразных перераспределительных функций за счет сферы обслуживания, культуры, здравоохранения и целого ряда других, что характеризует состояние и направленность развития самих этих отраслей в данный период.

Численность работающих женщин возросла к середине 80-х годов на 2/3 по отношению к состоянию на 1948 г. (мужчин — менее чем на 1/5)⁴⁶. Однако постоянный рост женской занятости начался лишь после 1961 г.: во второй половине 50-х годов он был прерван спадом, вызванным переходом к совершенно иной социальной структуре общества. Этот переход подразумевал изменение самого способа включения в трудовой процесс всего населения, в том числе и женского.

До 1954 г. доля женщин в общей занятости населения Словакии была даже в определенном смысле выше, чем в Чешских землях, за счет большей численности их в частном секторе сельского хозяйства⁴⁷. В результате его кооперирования практически исчезла категория помогающих членов семьи в аграрном секторе. А в 1950 г. в нее входили 62% занятых женщин в Словакии и 34% в Чешских землях. Поэтому доля работающих женщин и была тогда в Словакии даже выше, чем в Чешских землях, соответственно 58 и 42%⁴⁸. Ликвидация этой социальной категории населения привела к снижению женской занятости, особенно словацкого населения. В индустриально развитых Чешских землях этот процесс имел меньшие масштабы и был компенсирован ростом занятости высвободившейся женской рабочей силы в других отраслях экономики. В Словакии значительные контингенты прежде занятого в сельском хозяйстве неквалифицированного женского населения, лишенного своего прежнего положения, в новой системе отношений оказались исключенными из общественного производства. Был дан мощный стимул росту переселенческой мобильности молодых (от 15 лет) словацких женщин, главным образом в поисках нового социального статуса, в меньшей степени — нового источника доходов. Для составлявших большинство помогающих членов семьи представителей старшего поколения

кооперирование сельского хозяйства означало окончательное исключение из рядов активного населения. Доля домохозяек возросла в 1950—1961 гг. в Словакии с 26,9 до 37,4% женского населения, в Чехии уменьшилась с 38,9 до 23,5%⁴⁹.

В 1949—1965 гг. рост производственной активности населения, особенно женского, в Словакии происходил более медленными по сравнению с Чешскими землями темпами в силу его большей привязанности к аграрному сектору экономики. В Чехии уже в этот период приrostы рабочей силы во внеаграрной сфере даже превысили убыль занятых в сельском хозяйстве; еще раз отчетливо проявился больший внутренний динамизм чешской популяции⁵⁰. Тем более этот разрыв двух популяций касалось их женских составляющих; доля женщин в общей занятости словацкого населения в середине 60-х годов не возросла. В общем приросте занятых женщины в Словакии составляли всего несколько больше трети, тогда как в Чешских землях — подавляющее большинство⁵¹.

Однако уже в начале 70-х годов процесс вовлечения женщин в общественное производство был практически завершен: в 1973 г. к числу активных или получающих профессиональную подготовку принадлежало свыше 85% женского населения трудоспособного возраста (в Чешской Республике — 89%, в Словакии — 80%)⁵². Причем рост женской занятости в Чешских землях в течение первых двух послевоенных десятилетий характеризовался не только постоянством, но и более высокими темпами, чем в Словакии (в 1948—1970 гг. соответственно 62% и 44%)⁵³. Одновременно экономическая активность мужского населения вплоть до 1968 г. снижалась, в частности, в связи с ростом численности среди него учащихся. В результате соцмодернизации доля женщин среди занятых в народном хозяйстве, особенно в Чешских землях, достигла предельных или близких к предельным значений⁵⁴. Почти каждый второй работник в стране был женского пола.

Наиболее ощутимый скачок в занятости женского населения пришелся в Чехословакии на вторую половину 60-х годов. Он объясним. В 1948—1953 гг. была полностью изменена отраслевая дифференциация заработной платы в результате перераспределения ее между непроизводственной и производственной сферами экономики. В этот период основной социальной задачей было повышение абсолютных и относительных характеристик уровня жизни рабочих семей. Даже в промышленности соотношение средней заработной платы рабочих и служащих, составлявшее в 1937 г. 100:248, достигло в 1948 г. 100:148, а в 1953 г. — 100:111⁵⁵. В середине 50-х годов доходы рабочих семей на 10% превышали средний по стране уровень⁵⁶. Однако на рубеже 50-х и 60-х годов ситуация начинает постепенно изменяться. Дальнейшее развитие общества, особенно после событий 1968—1969 гг., ориентировано прежде всего на подъем жизненного уровня кооперированного крестьянства.

Уже со второй половины 50-х годов темпы роста зарплаты в промышленности снижаются, и она выравнивается со средней по стране, а у рабочих становится даже ниже среднего уровня. Однако не

динамика уровня окладов рабочих была непосредственным фактором, приведшим к тому, что в 1965 г. доходы их семей снизились до 84% от доходов семей служащих и сохранились на том уровне до середины 70-х годов⁵⁷. Дело в том, что если еще в 1958 г. структура семей рабочих и служащих практически не различалась, то к 1965 г. в рабочих семьях число экономически активных членов становится меньше, а количество детей — больше, чем у служащих. Именно с середины 60-х годов и начинается увеличение доли экономически активных жен не только служащих, первыми включившихся в этот процесс, но и рабочих, семьи которых становятся только тогда более малодетными. Вслед за сближением структуры семей рабочих и служащих постепенно, уже ко второй половине 70-х годов, относительно выравнивается и соотношение их доходов. В 1973 г. доходы семей рабочих составляли 83% доходов служащих, в 1980 г. — 87%⁵⁸.

Итак, во второй половине 60-х годов необходимость дополнения семейного бюджета вторым его источником ощутили и рабочие. Включение их жен в общественное производство связано с получившим особенно большой размах в 70-е годы формированием и развитием административного аппарата управления, а следовательно — многочисленного отряда социалистических служащих. Все более широкое распространение среди молодежи стали получать браки среди мужчин-рабочих и женщин-служащих. К концу 60-х годов в Чешских землях завершается переход к такому состоянию, когда трудовой доход лишь одного трудоспособного члена полной семьи становится исключительным явлением. Словакия пришла к тому же только в начале 80-х годов⁵⁹. Субъектом этого перехода здесь было уже следующее поколение — "поколение 1950 г." Рост экономической активности молодых словацких женщин в 70-е годы произошел в ситуации резкого подъема уровня образования дочерей крестьянок по роду деятельности или происхождению. В их среде наиболее полно проявилась характерная для всего послевоенного периода тенденция увеличения доли женщин — служащих в зависимости от роста уровня их образования⁶⁰.

Уже в 50-е — первой половине 60-х годов складывается новая отраслевая структура занятости женского населения, численность которого возрастает во всех отраслях, кроме сельского хозяйства. Становятся реальностью социалистические формы разделения труда. Высвобождая мужскую рабочую силу на тяжелый физический труд в промышленности, женщины преумножают численность работников непроизводственной сферы. Доля их там возрастает с трети до более половины в 60-е годы и относительно стабилизируется⁶¹. Перелив женской рабочей силы в 50—60-е годы часто осуществляется через промышленность, откуда она уже перераспределяется в отрасли непроизводственной сферы. Но такой переход, очевидно, был в большей степени характерен для Чешских земель, где женщины уже "поколения 1930 года" и без специальной подготовки довольно легко могли найти себе применение в бурно развивавшейся промышленности. В 1961 г. у 61% чешских и всего 36% словацких

рабочих жены были тоже рабочими⁶². В Словакии же около половины высвободившейся женской рабочей силы "переливается" в сельскохозяйственные кооперативы, и перевес в сторону роста "новой" аграрной занятости здесь на первых этапах больше, чем в Чешских землях⁶³. В последующем словацкие женщины шире используют и новые формы интеллектуальной занятости. К середине 80-х годов представленность их в большинстве отраслей непроизводственной сферы Словакии, особенно научно-исследовательской, оказалась выше, чем в западной части страны⁶⁴.

В начале 70-х годов женщин, особенно в Чешских землях, уже нельзя было рассматривать в качестве резервного источника рабочей силы, в пополнениях которой постоянно нуждалась экономика страны. Различия в доле мужчин и женщин трудоспособного возраста, включенных в производственный процесс, стали незначительными⁶⁵. Однако рост абсолютных показателей женской занятости продолжался. Уже в 60-е годы прирост числа занятых женщин шел преимущественно за счет замужних⁶⁶. В 1970 г. работали 63% состоявших в браке женщин, а в 1980 г. — уже 74%⁶⁷. Рост экономической активности женщин в возрасте 25—39 лет, когда она обычно ограничена необходимостью выполнения воспитательных функций в семье, коренным образом изменил весь образ жизни молодежи. Абсолютное большинство матерей малолетних детей стало вскоре после их рождения возвращаться обратно на работу. Занятость женщин в возрасте 20—30 лет составила в Чехословакии 80%. Особенno значительное распространение получило это явление в Словакии, что резко отличало молодое поколение от поколения его родителей, в котором господствовали нормы патриархальной семьи. Радикальное изменение положения словацкой женщины в обществе выразилось в том, что уже в 1970 г. максимум ее занятости приходился на возрастные группы 20—24 и 25—29 лет, т.е. на период ее активного материнства. В Чешских землях с их опережающими темпами роста женской занятости этого не произошло: наибольшие ее величины пришлись уже на 35—39- и 40—44-летних. Если подъем активности чешских женщин был относительно равномерным для нескольких поколений, то в Словакии он, по существу, совершился в "поколении 1950 года", которое и оказалось, пожалуй, наиболее последовательным субъектом новой системы общественных отношений. Индикатор уровня женской эмансипации — уровень экономической активности 20—24-летних — уже в 1970 г. свидетельствовал о результативности процесса соцмодернизации и на территории Словакии. Он выразился здесь в глубоких межпоколенных различиях целой совокупности социокультурных характеристик населения.

В 70-е годы тенденция втягивания в общественное производство молодых матерей получила свое дальнейшее развитие. Их численность претерпела значительный в условиях подъема рождаемости первой половины десятилетия рост. Теперь около половины занятых матерей имело двух детей⁶⁸. Увеличение экономической активности женщин Словакии в возрасте до 40 лет шло гораздо быстрее, чем

в Чешских землях, в результате чего ее показатели для этой возрастной группы относительно выравнялись. Однако, учитывая, что в 1980 г. около 1/5 всех занятых женщин страны в возрасте 20—29 лет находились в отпуске по уходу за ребенком⁶⁹, реальные масштабы включения в общественное производство молодых, особенно словацких, женщин были намного сромнее⁷⁰.

Характерной для 70-х годов была и продолжающаяся кумуляция преимущественно мужской рабочей силы на одном полюсе отраслевой структуры населения и преимущественно женской — на другой. Происходило углубление существующей системы разделения труда по половому принципу. Женская рабочая сила все больше концентрировалась в социально неприоритетных, а следовательно, более низкооплачиваемых видах, как правило, внеиндустриальной деятельности, не связанных с использованием техники или физических трудом. Доля служащих в общей численности работающих женщин возросла в 1955—1988 гг. с 60 до 90%⁷¹. Собственно говоря, рост занятости в непроизводственной сфере был главным, а с серединами 60-х годов практически единственным каналом увеличения занятости, тем более для женщин. Занятость их в третичном секторе экономики Чехословакии к 1960 г. достигла, а затем превысила показатели женской занятости в первичном секторе, а к 1971 г. и во вторичном⁷². Произошла практически полная феминизация ряда отраслей непроизводственной сферы.

Сложившаяся к началу 50-х годов система минимальной оплаты труда работников непроизводственной сферы сохранилась до конца 80-х годов, поэтому к концу этого десятилетия женщины составили уже абсолютное большинство среди работников сферы социального обеспечения и здравоохранения. Около 70% занятых приходилось на женщин в финансово-кредитной системе, образовании, культуре и просвещении, чуть меньше — среди работников связи и коммунального обслуживания. Более половины составляли они и среди работников ранее преимущественно "мужских" по составу судопроизводства, прокуратуры, госарбитража⁷³. Темпы роста женской занятости в административно-управленческой и юридической сферах, как и в сфере научно-исследовательской, были наивысшими⁷⁴. Напротив, убыль женщин из сельского хозяйства оказалась больше по сравнению с мужчинами. Практически только в этой отрасли происходило сокращение занятости женщин. В целом же можно говорить о сохранении сложившейся уже к началу 50-х годов иерархии представленности их в отдельных отраслях, т.е. об относительной стабильности разделения труда как составной части господствующей системы общественных отношений.

Так же как наращивание мужской занятости связано с экстенсивным ростом тяжелой промышленности, так и привлечение женщин в общественное производство — с формированием мощного административно-бюрократического аппарата — основы тоталитарного режима. Эти два вида социальных перемещений взаимодополняют друг друга. Первый из них локализовался в промышленных центрах — преимущественно малых и средних городах, второй —

в крупных и крупнейших городах. Поэтому, например, индустриальная Североморавская область с ориентацией главным образом на мужскую рабочую силу стала и областью с минимальной в Чешских землях женской занятостью.

Новое социально-профессиональное положение женщин реализовалось в условиях опережающего роста их квалификационно-образовательного потенциала. Быстрое и массовое поднятие уровня образования женского населения, главным образом его молодого поколения, стало одной из отличительных черт всего послевоенного развития в странах Восточной Европы. Его называли революционизирующим явлением в процессе эмансипации женщин региона⁷⁵. Выразительны результаты этого процесса. К середине 80-х годов не только по интенсивности занятости, но и по показателям образованности чехословацкие женщины находились на одном из первых мест в мире. Вовлечение женщин в общественное производство происходило одновременно с повышением уровня их образования до высших его ступеней. На протяжении жизни двух поколений (1930-х и 1950-х годов) женщинам удалось не только догнать, но и обогнать мужчин по доле высокообразованных. И раньше это произошло не в Чешских землях, а в Словакии с ее исходно более низким уровнем образования населения. Стремление к получению высоких уровней образования было здесь тесно связано со стремлением эмансипирующейся женщины освободиться от замкнутого рамками семьи бытия, переместившись на более высокую ступеньку социальной лестницы. Включение в общественное производство чешских женщин было больше обусловлено рациональными соображениями — желанием повысить жизненный уровень семьи, обеспечить ей ставший необходимым второй источник доходов.

В начале 30-х годов в стране доля "главы семьи" в семейном бюджете была прямо пропорциональна уровню его образования. Наименьшей она была у неквалифицированных рабочих — 62% при максимуме у служащих в 90%⁷⁶. В 70-е годы доходы мужа составляли уже в среднем 65—68% общесемейных⁷⁷. Особенно ощутимой потребность во втором источнике дохода была в многодетных семьях. Среднемесячные доходы семей с тремя детьми в 1967 г. не превышали 73% доходов семей с одним ребенком⁷⁸. Поэтому в семьях с тремя детьми уже в 1961 г. даже мужья, ощащающие недостаточность своих материальных возможностей, противодействовали поступлению своих жен на работу в значительно меньшей степени, чем отцы одного-двух детей⁷⁹. Повысить жизненный уровень семьи в условиях уравниловки можно было прежде всего путем увеличения количества ее экономически активных членов.

Взгляды молодого поколения словацких женщин часто формировались на простом противопоставлении физически тяжелого и однобразного труда их матерей дома и в поле или на приусадебном участке "легкому", преимущественно нефизическому труду. В ходе социологического исследования 1971 г. около 36% опрошенных женщин заявили, что не оставили бы свою работу и в том случае, если бы доходы мужа обеспечивали желаемый уровень жизни семьи.

Вдвое больше была доля таких ответов среди высокообразованных специалисток. Потребность в труде, получении от него удовлетворения испытывало 76% последних⁸⁰. В целом в Словакии вдвое больше, чем в Чешских землях, доля считающих, что женщина в любом случае должна ходить на работу. Правда, несколько чаще встречается здесь и мнение, что она должна заниматься только семьей и детьми⁸¹. Ниже был в Словакии уровень использования отпуска по уходу за ребенком⁸².

Социокультурный статус и образ жизни синхронных поколений женщин, особенно словацких, коренным образом различался. Но так же, как и сама профессионально-отраслевая структура занятости, образовательные ориентации молодежи наиболее тесно связаны с полом учащегося. Т.е. сохранилось разделение на мужской и женский виды профессиональной подготовки, соответствующие политике в сфере занятости.

С 1958 г. в средние общеобразовательные школы страны поступало девушек больше, чем юношей. Резкое увеличение количества учащихся этого типа школы к середине 60-х годов связано с притоком преимущественно девушек, количество которых возросло там в 1954—1965 гг. на 114% (юношей — на 16%)⁸³. Данный канал подготовки дает наименьшие практические выгоды при последующем трудоустройстве. Поэтому юношей в гораздо большей степени привлекала средняя профессиональная школа (без получения аттестата), позволяющая им быстрее приобрести квалификацию и рассчитывать на хороший заработок, а следовательно, финансовую независимость. Однако благодаря высокой концентрации девушек в некоторых типах профессиональных школ (в педагогических, медицинских, экономических, библиотечных их 90% и более) они достигли численного преимущества среди учащихся в Чешских землях с 1965/66, в Словакии — с 1967/68 учебного года⁸⁴. Были феминизированы не только гимназии, но и средние профессиональные школы (кроме школ технического профиля)⁸⁵. Женщины начали преобладать среди специалистов со средним образованием, а в течение следующего десятилетия их доля достигла 56% этих специалистов. В самой молодой возрастной когорте полное среднее образование в 80-е годы словацкие женщины имели в полтора раза чаще, чем чешские⁸⁶.

Большинство — около 60% — составили юноши среди учащихся системы производственного обучения, готовящей рабочих. Доля девушек здесь увеличилась в 1955—1965 гг. с 20 до 32% и стабилизировалась на уровне менее трети всех учащихся этого вида учебных заведений⁸⁷.

Опережающему росту квалификации женщин способствовала их более выраженная ориентация на получение полного среднего образования, необходимого для поступления в высшую школу. Особенno тесная связь существует между вузом и основным каналом подготовки в него — средней общеобразовательной школой, или гимназией. Следовательно, не только стремление, но и реальные возможности получения высшего образования у мужчин были уже, чем у женщин, преобладающих в школе второго цикла. У женщин

молодых возрастных групп центр тяжести профессиональной подготовки приходился на среднее и высшее образование, хотя их главной целью оставалось до середины 70-х годов получение среднего образования гуманитарного профиля. Массовый приход женщин в средние школы, начавшийся в 50-е годы, не нашел соответствующего отражения в представленности женщин "поколения 1930 г." среди учащихся вузов. Интерес к высшему образованию женщин, значительная часть которых оказалась в 50—60-е годы в категории административных работников низшего и среднего уровней, был относительно небольшим. Он соответствовал уровню оплаты их труда по минимальным тарифам. Насыщение молодого поколения периода реиндустириализации специалистами высшей квалификации пришло главным образом на 1958—1963 гг., когда численность женщин среди учащихся вузов удвоилась⁸⁸. С середины 60-х годов доля их относительно стабилизировалась на уровне 40% студенчества.

Уже на первом послевоенном этапе были достигнуты значительные результаты в росте уровня образования женского населения. Если в 1950 г. на каждую высокообразованную женщину приходилось шесть мужчин такого же уровня подготовки, то в 1961 г. — уже четыре, в 1970 г. — всего два⁸⁹. Результаты социологического обследования молодых (21-летних) женщин, проведенного в 1966—1967 гг., показали, что все они экономически активны, а по доле высокообразованных — причем даже в сельской местности — пре-восходят не только своих матерей, но и отцов⁹⁰. Высказывалось мнение, что исходя из показателя доли женщин, принятых на первый курс словацких вузов (46—47%), уже в середине 60-х годов была достигнута оптимальная граница эмансипации на этот период времени⁹¹. Однако в Словакии в отличие от Чешских земель и в 60-е годы не происходит спада или стагнации доли женщин с высшим образованием.

Темпы роста доли женщин среди учащихся вузов в Словакии были уже на первом этапе "строительства социализма" опережающими по сравнению с Чешскими землями при более низком исходном уровне этой доли — 19,5% в Словакии и 23,1% в Чехии. К 1969 г. она возросла соответственно до 38,9 и 36,3%, а к 1970 г. — до 43,5 и 38,1%⁹². В Словакии уже тогда была существенно более высокая ориентация на получение полного среднего и высшего образования и меньшая — производственной подготовки. Фактически уже первое поколение экономически активных женщин, вышедших из аграрной или полуаграрной среды, стремилось здесь к получению высших уровней образования. Оно особенно активно переходило в ряды работников нефизического труда⁹³. Даже переход от среднего профессионального к полному среднему профессиональному образованию в Словакии был более выражен.

Центр тяжести изменения образовательной структуры населения на этапе перехода к НТР явно находился в Словакии, причем в ее женской среде. Вместе с тем решение самих задач этого перехода все-таки связывалось с индустриальными Чешскими землями. А значит, наращивание образовательного потенциала удовлетворяло не

столько потребности развития общества, сколько нужды функционирования самой административно-бюрократической системы управления им. Ставшее явным несколько позже — в 70-е годы — различие в образовательной структуре населения двух республик отражало большую исходную направленность словаков, особенно женщин, на переход в социальную группу служащих и меньшую по сравнению с чехами — на рабочие профессии.

Квалификация словацких женщин росла относительно быстрее, чем мужчин. В результате при динамичном росте особенно низкого уровня образования словацких женщин, начавшемся практически одновременно с включением их в общественное производство, т.е. в 60-е годы, различия в структуре образованности двух полов в Словакии уже в 1970 г. были меньше, чем в Чешских землях. В отличие от чешских женщин, рост доли высокообразованных специалисток среди которых был наименьшим — больше всего их стремилось в 70-е годы к получению рабочей квалификации, среди словацких к 1980 г. уже 10,8% лиц в возрасте 25—29 лет имели высшее образование⁹⁴.

В структуре всех специалистов высшего уровня квалификации в Словакии меньше доля выпускников технических вузов (28,1% по сравнению с 32,1% в Чешских землях), но больше — университетов и особенно экономических вузов⁹⁵. Уже на рубеже 50-х и 60-х годов стала реальностью достигшая близких к предельным значений феминизация этих учебных заведений страны, закрепленная односторонней связью их со средней общеобразовательной школой. При сохранении преобладания мужчин среди специалистов высшей квалификации женщин больше среди обладателей университетских дипломов. Доля последних в общей численности специалистов гуманитарного (включая экономический) профиля составляла в 1978 г. 78%⁹⁶. На женщин приходилось более половины высокообразованных специалистов психологов, философов, публицистов, педагогов, половина экономистов, социологов, историков, искусствоведов⁹⁷.

Смена кадров ученых-гуманитариев, произошедшая после событий 1968—1969 гг., "обновление" общественной науки на идеологических принципах социализма были непосредственно связаны с процессами изменения состава, в том числе и полового, студентов-обществоведов, прежде всего в Чехии. Параллельно в 70-е годы формировалась многочисленная словацкая интеллигенция. Большая часть ее — преподаватели учебных заведений — на 2/3 состояла из женщин⁹⁸. Нуждались теперь уже в специалистах высшего уровня и совершенствующиеся в своей бюрократической сущности эшелоны всех органов власти. Почти 3/5 работающих женщин занимали должности служащих⁹⁹. Наращивание высших уровней образования было связано с закреплением за новой интеллигенцией определенного места в разделении труда в обществе — обеспечение всех сторон деятельности растущего административного аппарата. Речь идет о дальнейшем оформлении социального слоя, сложившегося на начальных этапах "строительства социализма".

Вопреки всем радикальным сдвигам в образовательном уровне

женщины, сформировавшаяся еще в годы первых пятилеток система разделения социальных статусов мужского и женского населения получила свое развитие. Эти сдвиги даже способствовали поляризации их статусов. Так, одновременно с феминизацией гуманитарного направления высшего образования происходила маскулинизация его инженерно-технического направления. В высших школах технического профиля женщины составляли до середины 70-х годов менее 1/5 учащихся¹⁰⁰. Но главное — не квалификация, не сложность, а вид профессиональной деятельности оставался определяющим фактором дифференциации оплаты труда, консервируя второразрядность социального положения женщины.

Результаты переписи населения 1980 г. подтвердили принципиально новое соотношение образовательных структур населения двух республик: Словакия, наконец, опередила Чехию по доле населения, имеющего высшее и полное среднее образование. Однако 40-летняя возрастная граница стала рубежом этого опережения. Одновременно большая доля словацкого населения, особенно мужского, все еще обладала лишь основным образованием. И в структуре занятости населения Словакии больше была доля работников с высшими уровнями образования, но ощутимо меньше квалифицированных рабочих (в 1984 г. 31,2 по сравнению с 40,5% в Чехии)¹⁰¹. В Чешских землях, где размещался центр тяжести процессов роста промышленности, шире были и сами возможности реализации именно рабочей квалификации. Но прежде всего такие результаты развития были предопределены снижением престижности высшего образования и изменением его функций в обществе.

Лишнее подтверждение тому — временный всплеск заинтересованности населения, на этот раз особенно чешского, в получении высшего технического образования во второй половине 70-х годов. С начала этого десятилетия активно провозглашался тезис о вступлении чехословацкого общества в эпоху НТР. И именно в профессиях технического профиля тогда стала проявляться тенденция, связанная с приобретением квалификации как средства повышения социального статуса¹⁰². Наиболее активно откликнулась на этот процесс женская часть населения. В 1975—1981 гг. количество студентов инженерно-технических специальностей вузов возросло в Чехословакии с 57,0 до 85,1 тыс. человек, в том числе женщин более чем вдвое — с 9,4 до 20,1 тыс.¹⁰³. Выбор ими технических специальностей не всегда соответствовал их реальным склонностям и видам на профессиональное будущее. Треть выпускников технических вузов страны попадала все в ту же категорию работников сферы управления и администрирования¹⁰⁴.

С начала 80-х годов этот всплеск сменился спадом интереса к получению не только высшего, но и его базы — общего (гимназического) образования, т.е. двух основных, преимущественно "женских" каналов квалификационной мобильности. План приема в гимназии, особенно в некоторых чешских областях, не выполнялся. Теперь уже все категории населения охватило утилитарное отношение к получению образования. Наиболее привлекательными для

молодежи стали учебные заведения, предоставляющие ей среднее профессиональное образование и рабочую квалификацию.

Чем же обернулись социально-профессиональные судьбы женского населения поколений 1930 и 1950 гг. рождения, уровень образования которых достиг и превзошел образовательные характеристики их сверстников мужчин? Достижение высших показателей занятости и образованности женского населения Чехословакии в период соц-модернизации не привело к созданию для них адекватных возможностей социально-профессиональной мобильности. Чешские женщины даже испытали снижение своего профессионального статуса: среди них особенно увеличилась доля перешедших на первых послевоенных этапах к менее сложным видам труда¹⁰⁵. Процессы деквалификации труда получили свою наиболее массовую основу именно в женской среде: всего половина работниц в промышленности трудилась по полученной специальности при 2/3 — для всего населения¹⁰⁶.

Межотраслевые соотношения в оплате труда, сформировавшиеся еще в годы реиндустириализации, породили скрытые формы дискриминации женщины. Но даже и в феминизированных отраслях (образование и культура, здравоохранение и социальное обеспечение, коммунальное обслуживание и общественное питание) средняя зарплата женщин не превышала 3/4 средней зарплаты занятых здесь мужчин¹⁰⁷.

В абсолютном выражении разница в средних заработках мужского и женского населения даже существенно увеличилась¹⁰⁸. И хотя с ростом образованности женщины ее доходы приближались к доходам мужчины, на уровне высшего образования эта закономерность нарушалась. Аналогично — различия в оплате труда работников двух полов больше в городе, по сравнению с селом. При одном и том же уровне образования и возрасте оклады мужчин именно в городе выше, чем у женщин¹⁰⁹.

У женщин система уравниловки в оплате труда приобрела наибольшие масштабы. Различия в оплате труда разной квалификации среди них были сведены к минимуму. Неадекватным по сравнению с ростом уровня образования и квалификации женщин было повышение их заработков. И в 1984 г. доходы мужчин, имеющих лишь основное образование, составляли 104,7% от среднего по стране уровня. Вместе с тем у женщин зарплата выше этого уровня была только у высокообразованных специалисток (108,8%), хотя она далеко отставала от оплаты труда мужчин со средним образованием (125,6% от среднегосударственного уровня) и даже квалифицированных рабочих (117,2%). Оплата труда женщин, не имеющих высшего образования, не превышала 85% среднего уровня¹¹⁰. Несоответствие квалификационных структур мужского и женского занятого населения, по подсчетам чехословацких специалистов, стало к началу 80-х годов гораздо меньше, чем диспропорция их средней заработной платы¹¹¹.

Квалифицированный труд женщин не только не оплачивался соответствующим образом, но и не использовался. Это отчетливо

проявлялось в сфере производства, особенно промышленного, где от 42 до 75% высокообразованных специалисток работали на местах, не требовавших такой высокой квалификации¹¹².

Подтверждением формальности равноправия полов при социализме и реальности различий в их положении является не только противоречие уровня образования возможностям его использования и вознаграждения за квалифицированный труд. Это подтверждает и противоречие между ростом занятости и образованности женского населения, с одной стороны, и его представленностью на руководящих должностях — с другой¹¹³. Женщин мало среди управленицев, хотя преимущественно из них формировался многочисленный социальный слой служащих, хотя в их среде существовал значительный перевес высокообразованных специалистов, особенно гуманитарного профиля. В центральных и областных органах государственного управления женщин было всего 3,6%, среди руководителей производственных, строительных и транспортных организаций — 1,6%, среди ведущих технических специалистов — 2,4%, среди руководителей трудовых коллективов — 5,4%¹¹⁴. На производстве уже на уровне мастера в подавляющем большинстве представлены мужчины. Но даже среди административного персонала женщин-руководительниц всего 8,8%¹¹⁵. Наконец, женщин мало и в высших звеньях тех отраслей, которые стали предельно феминизированными. Здесь их, как ни удивительно, даже гораздо меньше, чем на производстве. Речь идет к тому же об отраслях, где особенно много высококвалифицированных работниц. Если в промышленности на руководящих должностях женщин было в 6,6 раза меньше, чем мужчин, в здравоохранении и социальном обеспечении их вдвое меньше, в торговле — втрое, то в банковско-кредитной сфере — в 9,7 раза, в системе основного и среднего образования — в 6,4 раза, высшего — в 46 раз, в научных учреждениях — в 8,5 раза. В 10 раз было меньше женщин по сравнению с мужчинами среди руководящих работников местных органов власти — национальных комитетов¹¹⁶.

Диспропорция высокой занятости, образованности и низкой представленности среди социально-приоритетной группы населения — "начальства" — характеризовала положение женщины в социалистическом обществе. На этом фоне большинство, образованное женщинами в непроизводственной сфере, среди гуманитарной интеллигенции и особенно в аппарате управления, означало превращение их лишь в массовую основу этих общественных структур. Рассмотренная диспропорция значительна прежде всего для лиц с высшим образованием: управленческие функции выполняет каждый четвертый мужчина, но только каждая тридцатая женщина с такой же подготовкой¹¹⁷.

То, что образование стало гораздо менее значимым фактором при выдвижении на руководящие должности, чем, например, пол и стаж работы, отражало приоритет демографического начала над культурным в вопросе разделения не только труда, но и тем более власти. Более того, высшие уровни образования оказались небла-

гоприятным для социально-профессиональной карьеры фактором. Даже у мужчин включенность в управленческую деятельность находилась в 70-е годы в прямой зависимости от образованности лишь до уровня полного среднего образования, а затем снижалась. Для женщин эта зависимость была обратной: реже всего на руководящие должности попадали высокообразованные (всего 3,4%) и чаще всего — имеющие неполное среднее профессиональное образование (16%).¹¹⁸

Реальный социально-профессиональный статус женщины, т.е. ее положение в системе производственных и в целом общественных отношений социалистического общества, формировал ее отношение к труду. А оно постепенно изменялось в сторону снижения удовлетворенности своей работой.

Обследование 1961 г. показало, что менее 7% опрошенных женщин мало удовлетворены трудом или не удовлетворены им совсем, тогда как полностью удовлетворена треть. Особенно много последних оказалось среди женщин-служащих. Степень удовлетворенности работой была тогда прямо пропорциональна величине дохода женщины¹¹⁹. Это соответствовало ее преимущественно материально-финансовым (на 80%) целям поступления на работу для обеспечения своей семьи второго источника денежных поступлений. На рубеже 50-х и 60-х годов уровень квалификации первого поколения экономически активных женщин был еще настолько низким, что не давал им шансов рассчитывать на более высокую зарплату: они, как правило, имели лишь основное восьмилетнее образование. За счет большей по сравнению с мужчинами средней удовлетворенности оплатой труда женского населения складывались в 60-е годы, например, повышенные показатели ее для текстильной промышленности, где женщины преобладали¹²⁰.

Через два десятилетия неудовлетворенных трудом среди женщин стало практически столько же (около 1/5), сколько среди мужчин, и не только в Чешских землях, но и в Словакии¹²¹. Причем показатели недовольства женщин постепенно начинали перевешивать.

В чем же причина? В ходе социологических обследований респонденты относили к числу негативных явлений своей производственной деятельности плохое отношение к ним со стороны начальства, неудовлетворительные отношения в трудовом коллективе, а также недостатки в организации труда (простои, штурмовщина и т.д.) и отдыха на предприятии. Лишь в 8,4% случаев женщины указали, что в условиях их труда нет недостатков, среди которых главными обычно признавались характер организации труда и межличностные отношения¹²². Напротив, само содержание труда, его напряженность не влияли на снижение удовлетворенности работой в такой степени, как ее условия и организация. Поэтому возможности спокойно трудиться, делать свое дело, не думая об остальном, придавалось в 80-е годы главное значение. Среди работающих женщин такая возможность ценилась особенно высоко¹²³.

Работницы, занятые тяжелым физическим трудом, чаще других говорили о состоянии полной личной удовлетворенности (28% их).

Гораздо более значимыми отношения в процессе производства стали для служащих, т.е. многочисленных представительниц непроизводственной сферы, имеющих высокий уровень образования. Они особенно остро ощутили печальную реальность своего социально-профессионального статуса. Социальное неравноправие воспринималось ими даже болезненнее, чем потребность в более высоком материальном вознаграждении их труда: наименее низкооплачиваемая группа работников оказалась наиболее удовлетворенной трудом¹²⁴. Среди лиц, занятых нефизическим трудом, самым стабилизированным в производственном плане был узкий слой женщин — руководящих работников. Их удовлетворенность трудом производна именно от их высокого статуса.

Среди служащих оказалось особенно много неудовлетворенных продолжительностью рабочего дня¹²⁵. По оценкам социологов, рабочее время в разного рода учреждениях и канцеляриях производительно использовалось примерно наполовину¹²⁶. Низшие слои женщин-служащих, обслуживающих деятельность механизмов административно-бюрократического аппарата власти, состояли в значительной степени из выпускниц средних общеобразовательных школ. Они испытывали наибольшую неудовлетворенность полученным образованием и профессиональной ориентацией¹²⁷.

Около 40% женщин хотело сменить место работы, 8% твердо собирались это сделать¹²⁸. Боязнь потерять свое рабочее место, а тем более квалификацию занимала одно из последних мест в иерархии факторов возвращения из отпуска по уходу за ребенком. Почти половина женщин после окончания этого отпуска меняла место работы¹²⁹. Предельно высокая занятость женского населения сочеталась с его не менее высокой социально-профессиональной нестабильностью.

Низкий в условиях социализма статус интеллектуального труда, столь привлекательного для большинства включавшихся в процесс общественного производства женщин, усиливался их неравноправным положением по отношению к мужскому населению. Поэтому судьбы молодой женской интеллигенции, сложившейся в 70-е годы, можно рассматривать как гипертрофированную характеристику статуса самого умственного труда в социалистическом обществе и соответственно показатель уровня его развития. Превращение непроизводственной сферы в основной канал включения женского населения в систему отношений тоталитарного типа привело не только к деградации этой сферы экономики вслед за промышленностью и сельским хозяйством. В результате соцмодернизации в целом женщины как крупнейшая демографическая группа вслед за мужчинами стали объектом процессов социальной гомогенизации, своеобразного "стирания" социокультурной специфики этой части населения. Наиболее ярко оно проявилось в бытовой сфере жизнедеятельности женщин, значение традиционных, домашних или семейных форм самореализации которых резко сократилось.

ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ — МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ

Работающая женщина — это работающая мать, семейная жизнь которой опосредована включенностью в общественное производство. Радикальное изменение организации жизни женщины с выходом ее на работу не сопровождалось существенным облегчением ее домашнего труда. Напротив, национализация предприятий сферы торговли и услуг предельно осложнила этот вид труда. Система бытового обслуживания всегда принадлежала к числу наиболее неприоритетных сфер экономики социалистического государства. Сохранением слабой развитости этой системы объясняется то, что и в 70-е годы не удалось, как показали результаты обследований бюджета времени населения, превратить вы свобождающееся рабочее время в свободное. Это десятилетие отмечено даже экспансией домашнего хозяйства и индивидуальной трудовой деятельности населения страны в его бюджете времени. Поэтому и при росте жизненного уровня после получения второго источника доходов большинство семей ориентировалось на самообслуживание или максимальную опору на собственные силы в домашнем хозяйстве при слабом использовании малодоступных и малоэффективных — по качеству, цене и особенно затратам времени — бытовых услуг государства. Денежные расходы населения на них практически не возрастиали¹³⁰. Предпочтение отдавалось покупке предметов длительного пользования, облегчающих домашний труд. От половины до 3/4 продолжительности рабочего дня женщины (в выходные дни еще больше) составляла ее "вторая смена" — труд по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей.

Неудивительно поэтому, что главной для работающей женщины проблемой стал дефицит времени, структура которого изменилась коренным образом¹³¹. Уже результаты социологических обследований, проведенных в 1966—1967 гг., показали, что именно недостаток времени больше всего мешает женщинам выполнять их двойную роль — на производстве и дома. Это касалось всех их независимо от уровня образования, возраста, профессии и уровня доходов. В структуре жизненных ценностей женского населения свободное время явно лидировало. Особенно высоко оценивали его лица с высшим образованием, служащие¹³². Вслед за свободным временем в иерархии ценностей назывались здоровье, покой, отдых. Если включение женщины в общественное производство было вызвано прежде всего финансовыми факторами, то для уже работающей женщины возможность спокойного выполнения своих обязанностей не только на предприятии, но и дома ценилась даже выше материальных благ.

Положение женщины в семье предопределялось неизменностью круга ее домашних обязанностей. Продолжительность времени, затрачиваемого женщиной на выполнение их даже имело тенденцию роста. Количество свободного времени у нее в 1961 г. на треть меньше, чем у мужчин, в 1967 г. — на 40%¹³³. Правда, увеличение трудностей с ведением домашнего хозяйства не обошло стороной

и мужчин: в 1967 г. они тратили на эту работу вдвое больше времени. Дальнейшее увеличение продолжительности домашних работ в 70-е годы связано с распространением автомобилизма, строительства дач, ведения приусадебного хозяйства и т.п.

Способ проведения свободного (нерабочего) времени, так же как и характер выполняемого труда и оплата его, зависели в чехословакском обществе прежде всего от традиционных демографических факторов — семейного положения и возраста¹³⁴. После создания семьи происходила принципиальная дифференциация структур деятельности мужа и жены, всей их последующей биографии, однозначно связанная с характером разделения семейных ролей¹³⁵. Консервации его способствовало главным образом сохранение высокой трудоемкости повседневного домашнего труда. Образ жизни всего 4% мужчин и 11% женщин не соответствовал традиционному типу распределения домашних обязанностей¹³⁶. Только у учащихся вузов, а также мужчин с высшим образованием до 30 лет проявлялось влияние полученного образования на структуры их жизнедеятельности, хотя демографические характеристики и в этом случае оставались доминирующими. В целом вариабельность способов поведения проявлялась главным образом у населения до- и послепродуктивного возраста. Деятельность людей трудоспособного возраста, напротив, редко отклонялась от "нормы". Особенно разителен контраст образа жизни молодежи 15—19 лет, еще не включившейся в процесс естественного воспроизводства, и представителей последующих фаз жизненного цикла¹³⁷.

Ограниченнность социальных связей женщины рамками семьи, слабо открытой по отношению к обществу, как показали результаты социально-демографических исследований, проявлялась независимо от жизненных фаз семьи. Сложившийся в семьях с малолетними детьми "славленный", ограниченный по содержанию, унифицированный образ жизни супружеских пар, характерный и для молодого поколения, сохранялся, когда дети вырастали¹³⁸. Молодые супружеские пары даже до появления у них первого ребенка перенимали особенности быта, присущие представителям среднего поколения, со свойственным им более узким спектром социальных контактов¹³⁹.

В условиях сложившегося дуализма основных жизненных функций женщины — производственных и домашних — непомерно высокие (в два-три раза больше, чем у мужчин) нагрузки в домашнем хозяйстве стали барьером на пути развития ее личности. Досуг замужней женщины, слабо социально дифференцированный, как правило, ограничивался домашней средой. Явный приоритет здесь (свыше 40% свободного времени) принадлежал просмотру телепередач.

Домашние обязанности сохранили для женщин свою приоритетность и осуществлялись за счет всех других видов проведения свободного времени, в том числе различных форм межчеловеческого общения в семье и вне ее¹⁴⁰. Рост занятости женщин в период соцмодернизации обернулся, по существу, не столько расширением совокупности общественных отношений, сколько усилением ее социальной изоляции.

Не только степень, но и характер участия в домашнем труде представителей обоих полов свидетельствовал о различиях в их внутрисемейном статусе, которые постоянно возрастили.

Тем не менее в 70-е годы чехословацкие социологи на основе проведенных эмпирических исследований сделали однозначный вывод о том, что традиционное представление о муже как главе семьи уже в значительной степени утеряло свое значение. Большинство опрошенных — и мужчин, и женщин — стали сторонниками идеи равенства в семье. Во всяком случае, среди молодого поколения демократический тип семьи одержал явную победу: решающее слово в молодых семьях уже принадлежало жене¹⁴¹. Однако руководящая роль на деле обернулась для нее значительным ростом ответственности за жизнь семьи и ростом объема домашних работ¹⁴². На плечи женщины лег целый ряд прежде несвойственных ей функций. Провозглашенная универсальность выполняемых дома ролей обернулась тем, что к женщине практически полностью перешла функция принятия решений. Она стала главным не только исполнительным, но и организационным элементом семьи. Одновременно семейные функции мужчины перешли к женщине, частично — к школе и внешкольным учреждениям. Особенно ярко это проявилось в среде "работников города — жителей села", где мужчина вынужден отсутствовать дома в течение целого дня. Только в 5% семей, по оценке самих супругов, муж распоряжался семейным бюджетом. Для него самого роль женщины как опоры в жизненных коллизиях оказалась более значима, чем для опрошенных женщин аналогичная роль мужа¹⁴³. Изучив этот вопрос, И. Можны заключил: "муж живет в семье жены, недовольный ею"¹⁴⁴.

Половина женщин, которым мужья мало или совсем не помогали по дому, в качестве причины этого называли его собственную производственную перегруженность и лишь менее трети — патриархальные взгляды на вопрос о разделении труда в семье¹⁴⁵. Т.е. в условиях, когда наиболее распространенным видом семьи стал союз двух обладателей одинакового уровня образования, а в почти каждой пятой семье уровень образования жены выше, чем мужа, когда наиболее типичным стал брак рабочего со служащей, осознание приблизительно равных обязанностей в семье получило очень широкое распространение. Уже всего в 7% случаев мужчина вообще не участвовал в домашней работе¹⁴⁶. Но дифференциация внутрисемейных функций и в количественном, и в качественном отношении продолжалась. Консервации традиционного типа семьи способствовали объективные обстоятельства — не только уровень развития сферы услуг, но и сам характер разделения труда в обществе, неравноправное положение в нем мужского и женского населения.

Характерно, что более адекватны социалистическому типу общественных отношений оказались семьи, в которых жены заняты на производстве физическим трудом. Они испытывали большее удовлетворение не только от своего труда, как отмечалось выше, но и легчеправлялись с работой во "вторую" — домашнюю — смену. В рабочей семье, где сохранялось традиционное распределение

ление обязанностей между мужем и женой, по мнению последней, не было необходимости увеличения домашних обязанностей супруга — главного кормильца семьи¹⁴⁷. Наибольшее же противоречие между желаемым и действительным в распределении домашних обязанностей было характерно для семей так называемого демократического типа, в которых образовательный статус партнеров выровнялся. Выполнение домашних обязанностей женщинами-служащими осложнялось существующей у них неудовлетворенностью своим социально-профессиональным статусом, связанным с непродуктивными тратами рабочего времени и напряженной атмосферой в коллективе. Постоянный дефицит времени порождал лихорадочный темп всей их жизни¹⁴⁸.

Нарастающую тенденцию приобрела противоречивость семейных (материнских) и общественных (экономических) функций женщины. Так, как показали результаты социологических исследований, половина женщин признавалась в своей неспособности удовлетворительно сочетать обязанности в семье и на работе¹⁴⁹. Диспропорция роста занятости женщин и большой загруженности ее по дому, которую общество в условиях соцмодернизации не смогло вместить своими учреждениями, лишь усилила неравенство полов и стала барьером на пути женской эмансипации.

Приведенные выше характеристики социального положения и образа жизни женщины-матери дают ответ на поставленный выше вопрос о том, почему в 1986 г. впервые в современной истории народонаселения идеальное количество детей в семье оказалось в Чехословакии ниже планируемого¹⁵⁰. Среди причин ограничения рождаемости, по оценке самих респондентов, доминируют две: "снижение в результате появления ребенка уровня жизни семьи" (52% опрошенных) и "это только прибавило бы забот" (44%). Часть женщин (6%) вообще не хотела иметь детей.

На фоне общей тенденции все большего ограничения социальных связей рамками семьи, возрастающих трудностей в обеспечении ее жизнедеятельности усиливается стремление женского населения вырваться из домашней среды на производство.

Уже на рубеже 50-х и 60-х годов женщина, оказавшись перед дилеммой иметь больше детей или работать, гораздо чаще решала вопрос в пользу работы¹⁵¹. В 70-е годы исследование показало, что более трети женщин уже ни при каких обстоятельствах не хотели остаться дома¹⁵². Молодые (21—30 лет) замужние женщины однозначно считали, что работающая женщина способна создать такую же воспитательную среду для ребенка, как и домохозяйка. Т.е. стал нормой новый социалистический быт и новый тип отношений родителей с детьми, которые формируются в свободное от многочисленных нагрузок время. Воспитание в детских учреждениях широко вошло в жизнь чехословацких семей. Количество детей, посещающих детские сады, особенно высокими темпами возрастало в 70-е годы: с 1972 по 1980 г. — с 395 до 695 тыс.¹⁵³ Этот рост за восемь лет был адекватен всему предшествующему послевоенному периоду, когда новые формы семьи и отношений "родители—дети" находи-

лись еще в стадии становления. Их материальные предпосылки были созданы в результате наращивания строительства самих детских учреждений именно в этот период, прежде всего в районах городских новостроек¹⁵⁴. И это еще одна важная характеристика 70-х годов, обусловленная не только демографическим подъемом, но и самой сущностью происходивших в обществе процессов. В 80-е годы количество детей, посещающих детские сады, относительно стабилизировалось, достигнув, как и женская занятость, предельных значений — более 90% всех детей в возрасте трех-пяти лет в Чешских землях и несколько меньше (в силу большой доли многопоколенных семей и сельского населения) в Словакии. А еще в 1970 г. их было всего 60% в Чехии и Словакии (в 1945 г. соответственно 30 и 10%)¹⁵⁵.

В начале 80-х годов можно было уже говорить о дихотомии типов ориентаций женского населения — либо на семью, либо на работу — при слабой представленности срединного типа — в равной мере и того, и другого. Жизнь женщины, ее личность, мировоззрение распались на две противоборствующие части. Причем ориентация на работу сильно превышала ориентацию на семью не только у мужчин, но и у женщин — соответственно для 87 и 90% опрошенных. Нацеленность только на работу возрастила пропорционально росту уровня образования, ставшего главным инструментом всех социокультурных изменений послевоенного периода, механизмом формирования "нового типа личности"¹⁵⁶. На фоне общей тенденции снижения продолжительности времени, отводимого на воспитание детей, лидировали в этом отношении семьи высокодоверованных родителей¹⁵⁷. С ростом уровня образования увеличивается, особенно в малых и средних по величине городах (5—100 тыс. жителей), процент желающих поместить ребенка в дошкольные учреждения¹⁵⁸. И все это несмотря на то, что семья оставалась теперь практически единственным местом, где открывались возможности самореализации личности.

Социологические исследования выявили даже снижение ответственности женщин за сохранение семьи, их готовности предпринимать усилия для этого. Можно говорить о деформации этой ролевой функции не только мужчины, лишенного возможности быть главой семьи в силу перегруженности по месту работы, но и женщины, система внутрисемейных отношений которой традиционно составляла ее сущность. Процесс эмансипации женщины в годы соцмодернизации столкнулся не только с серьезными барьерами на пути формирования ее как работника, но и с потерей важнейших элементов ее общечеловеческого по содержанию социального опыта.

Так, высокая религиозность словацкой нации традиционно достигала своих предельных значений у ее женского населения. Начавшийся в послевоенный период процесс распространения атеизма был связан с утверждением "социалистических идеалов"¹⁵⁹.

Как показали результаты социологических исследований, в 80-е годы количество атеистов среди студенток высшей школы (почти

3/4 опрошенных) было даже несколько больше, чем среди студентов. Учащиеся педагогических институтов оказались наименее религиозными, тогда как технических вузов — наиболее. Именно высшая школа явилась наиболее плодотворной почвой для формирования носителей и выразителей новых идеалов прежде всего в среде словацкой, в большинстве своем женской интеллигенции в первом поколении. По данным 1985 г., основная по количеству, так называемая марксистски ориентированная группа населения (45% опрошенных) в наибольшей степени по сравнению с остальными предпочитала ценности образования, квалификации и принадлежности к системе управления. В жизни религиозно ориентированной части населения (23%) гораздо большее место занимали семья и духовная жизнь (посещение учреждений культуры и т.п.)¹⁶⁰.

Присущее социалистической личности противоречие ее ролевых функций работника и человека усиливал конфликтный характер самой семейной жизни. Напряженность отношений возросла не только на производстве, но и дома. Обострение внутрисемейных отношений первыми ощутили, разумеется, женщины с их практически полной экономической занятостью и приобретенной функцией главы семьи. Хотя основные доходы женщин приходились на заработки мужа, но они несли практически весь груз домашних дел и при этом чаще, чем мужчины, считали, что должны работать в любом случае¹⁶¹. Чаще стали выступать женщины и инициаторами развода. Ряд исследований, проведенных чехословацкими социodemографами, подтверждает явно большую по сравнению с мужчинами склонность женщин к решению семейных проблем путем развода¹⁶². В семьях, где муж — рабочий, развод намного чаще возникал по желанию супруги — служащей, у которой и профессиональная неудовлетворенность, как установлено выше, была наиболее высокой¹⁶³.

Согласно социоэмпирическим данным, в подавляющем большинстве семей среднего возраста ссора супругов — неотъемлемая составная часть их существования. Одной из самых частых причин конфликта является проблема разделения домашних обязанностей. Эту причину значительно чаще называли более образованные супруги. Чаще возникали у них и ссоры по другому высококонфликтному поводу — отношения с родителями одного из партнеров, что свидетельствовало о большей частоте межпоколенных конфликтов именно в этих семьях¹⁶⁴.

Неудовлетворенность женщин своим положением в семье формируется, как показали опросные данные, быстрее и приобретает более интенсивные формы, чем у мужчин. В сфере семейной жизни проявлялся их протест против социальной действительности. Уже в течение первого года супружества большие половины женщин ощущало расхождения своих представлений о браке с реальным положением дел и считало себя обманутыми в своем партнере, точнее, в его готовности уделять семье и домашней работе должное внимание¹⁶⁵. Бескомпромиссность женщины во внутрисемейных отношениях приводила к разводу. Эти отношения ярко характеризует сам способ

решения конфликтной ситуации. После развода отец в большинстве случаев либо совсем перестает встречаться со своим ребенком, либо делает это редко. Молодые отцы, находящиеся в разводе, проявляют очень слабую привязанность к своему малолетнему ребенку¹⁶⁶. Как минимум, у каждого второго ребенка в разведенных семьях формировалось более или менее враждебное отношение к одному из родителей — как правило, к отцу. Родители часто использовали своих детей как "орудие" во взаимном противоборстве, привлекали их на свою сторону в качестве союзников и т.д. 20—25% разводящихся вообще не были способны сами прервать цепь межличностных конфликтов, и их споры решались только через суд¹⁶⁷.

В Чешских землях разводимость населения имела постоянную тенденцию роста на протяжении всего послевоенного периода. Она увеличивалась здесь вдвое. В Словакии эта тенденция начала проявляться лишь с середины 60-х годов, точнее, после 1968 г., когда в положении женщины здесь произошли крупные перемены. Уже к 1980 г. рост разводимости в восточной части страны был троекратным по отношению к состоянию на 1955 г.¹⁶⁸ И все же в Словакии развод оставался на протяжении всего исследуемого периода гораздо менее распространенным по сравнению с Чешскими землями способом решения семейного конфликта. Уровень разводимости словаков оставался в середине 50-х годов втрое, в 80-е годы — вдвое ниже по сравнению с чехами, являя собой одно из наиболее разительных несоответствий в демографическом поведении жителей обеих частей страны. Сближения этих показателей, по существу, так и не произошло. Интенсивность распадения супружеских пар в Словакии в 1985 г. была аналогичной чешской, характерной для середины 60-х годов. Это свидетельствовало о существующих между двумя частями страны различиях, измеряемых примерно двадцатилетием, или "длиной" одного поколения¹⁶⁹.

Лишь в брачных когортах 1960 и последующих годов, т.е. уже в 70—80-е годы, в Словакии возрастает разводимость, оставаясь одной из самых низких в Европе¹⁷⁰. В Чешских землях, где особенно велика была доля впервые вступающих в брак людей молодого и очень молодого возраста, частота расторжения браков находилась на гораздо более высоком уровне и продолжала довольно быстро расти. Наивысшее число разводов наблюдалось среди женщин 20—29, а в Чешских землях — еще и моложе 20 лет¹⁷¹.

Если в Чешских землях уровень разводимости в отдельных районах имел в послевоенный период тенденцию к гомогенизации, то в Словакии, наоборот, рост этого уровня отличался пространственной неоднородностью. Свыше половины ее районов к середине 80-х годов так и не достигло средних по стране значений: существенное отставание в темпах увеличения разводимости наблюдалось в индустрально слабо развитых северной, северо-восточной, восточной частях Словакии, где она и так была самой незначительной в силу еще сохраняющихся там отношений патриархальной семьи. Социокультурные характеристики населения этих районов, как это следует из динамики показателей не только разводимости, но и рождаемости

и смертности, оказались в послевоенный период законсервированными, т.е. значительная часть словаков вообще осталась в стороне от процессов соцмодернизации. Иная ситуация сложилась в столичной Западнословацкой области.

Максимальные значения показателя интенсивности распадения супружеских пар сместились с начала 60-х годов из крупнейшего города — Праги в северо-западные районы Чешских земель, где все больше концентрировалась индустриальная деятельность. Районы Хеба, Карлови-Вари, Соколова, Усти-на-Лабе, Хомутова, Моста, Теплице, т.е. места добычи бурого угля и его переработки, и на этот раз продемонстрировали свое центральное место в социокультурных процессах.

Чрезвычайно высокая частота расторжения браков в районах реиндустриализации была тесно связана с самой высокой социальной мобильностью их населения. Даже при большей возможности получения в этих районах новой квартиры — главного фактора снижения разводимости в крупном городе — высокая социально-профессиональная и территориальная подвижность населения многократно более интенсивно стимулировали обратные процессы роста разводимости¹⁷². Аналогичными причинами вызвано и превышение общегосударственного среднего уровня этого показателя только в одном из районов Словакии — Кошицком. В новом крупном промышленном центре с большой долей молодых переселенцев рост интенсивности распадения супружеских пар был более выразительным, чем даже в столице республики — Братиславе. Дестабилизированные в социально-культурном отношении слои мигрантов в наибольшей степени склонны решать семейные конфликты путем развода.

В целом же большинство районов Словакии, судя по всему, оказалось на периферии "социалистического строительства". Во всяком случае, оно столкнулось с гораздо более инертными в демографическом поведении, чем в Чешских землях, слоями населения. Такой радикальный способ решения семейных проблем оставался в 50—80-е годы для словаков гораздо менее пригодным, чем для чехов.

Можно предположить, что и в чешской среде рост и без того высокого уровня разводимости не был результатом естественноисторического процесса распада института семьи, а скорее, обусловлен конкретной социальной ситуацией. Как показали исследования, проведенные во второй половине 70-х годов в Праге, лишь очень незначительная часть разведенных обоего пола хотела жить в одиночестве¹⁷³. Главной, на наш взгляд, причиной сложившегося положения было двусмысленное положение женщины и в обществе, и в семье, которое особенно остро проявлялось именно в сфере внутрисемейных отношений, где оно нашло свой "выход". Что же касается института семьи, то роль его традиционных функций, очевидно, даже возросла в этих условиях. Более 40% женщин после расторжения брака оказывались в полном одиночестве. Они не получали помощи не только со стороны мужа, но и родных, знакомых и были вынуждены сами справляться во всем объемом работ по дому¹⁷⁴.

Отсюда их стремление как можно быстрее вступить в брак вторично¹⁷⁵.

Процесс эмансипации демографических субъектов общественной практики, в том числе женского населения, в условиях соцмодернизации оказался неотделимым от еще более активных процессов обратного характера — перехода к полной социальной и культурной однородности общества. Так же, как и в Чешских землях, процесс "строительства социализма" характеризуется преимущественно в категориях возврата к раннеиндустриальному этапу развития, в Словакии этот процесс представляет собой противоборство традиционного и зарождающегося современного начал. Консервация, даже укрепление гарантий существования структур доиндустриального общества в период господства распределительной системы отношений резко сужали возможности формирования социально-демографических субъектов современного типа. Это отчетливо проявлялось в динамике соотношения города и села. Это видно и на примере жизненных судеб не только женского населения, но и субъектов еще более высокого таксономического ряда — поколенческих.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ В ПОСЛЕВОЕННОМ ЧЕШСКОМ И СЛОВАЦКОМ ОБЩЕСТВЕ

Переход Чехословакии к новому типу межпоколенческого взаимодействия связан со становлением отношений двух субъектов "социалистического строительства" — "поколений 1930 и 1950 гг." Эти отношения стали реальностью в 60-е годы. Экономические стимулы роста социальной активности молодежи тогда начал замещать непосредственный перенос материальных ценностей от старшего поколения к младшему, характерный для общества традиционного.

На втором этапе послевоенной истории страны, когда "поколение 1930 г." перешло в разряд старшего, формы межпоколенческой взаимопомощи населения существенно расширились и видоизменились¹⁷⁶. Все чаще и больше родители оказывали детям финансовую и другую материальную помощь, а также способствовали их социальному продвижению. Состоятельные родители, доля которых в сельской местности тогда особенно быстро увеличивалась, имели для этого и более широкие возможности. В 70—80-е годы образовалась экстремально высокая, по оценке Л. Калиновой и В. Совы, аккумуляция материальных и денежных средств в поколении родителей, особенно в некоторых социальных группах. Поэтому межпоколенческий перенос ценностей стал важнейшим фактором социальной дифференциации не только жизненного старта детей, но иногда и всей их биографии¹⁷⁷. В начале 80-х годов всего 15% родителей никак не поддерживало своих детей в усложнившихся условиях их самореализации. Часто помощь эта была единственной возможностью улучшения материального положения молодежи. В условиях нивелизации оплаты труда получение образования еще не означало перехода в более высокооплачиваемую категорию работников. В 1955—1980 г. заработки

высококвалифицированных специалистов в начале их профессиональной карьеры увеличивались незначительно по сравнению с их зарплатами в конце трудовой биографии¹⁷⁸. А наиболее оптимальным для достижения ими более высоких материальных позиций стал возраст старше 45 лет, т.е. время перехода из категории родителей в категорию прародителей¹⁷⁹. Поэтому молодежь, ориентирующаяся на получение высшего образования, вынуждена была смириться и с длительной экономической зависимостью от родителей.

В полтора раза больше по сравнению с рабочими была поддержка молодых семей со стороны старшего поколения кооперированного крестьянства, что, в частности, и открывало их детям более широкие возможности получения образования, переезда в город¹⁸⁰. Данные социологических исследований в городской среде свидетельствуют о том, что материальная помощь оказывалась чаще в семьях интеллигентии, чем рабочих. Их уровень потребления и расходы на жизнь в отличие от периода реиндустириализации стали наименьшими¹⁸¹. Нельзя не учитывать и более широкие возможности интеллигентии и служащих в оказании своим детям нематериальных видов помощи. Анализ социального происхождения студентов высших учебных заведений, проведенный в 1978 г., показал, что у 60% из них отец и у 55% мать принадлежали к социальной группе служащих. У 40% отцы занимали руководящие посты, еще у 17% — были ведущими работниками¹⁸². Большинство отцов относились к числу "социально-перемещенных" на первом этапе "строительства социализма" лиц, т.е. составляли многочисленную группу людей, наиболее ярко характеризующую социальную сущность нового общественного строя. Это — бывшие работники сферы промышленности, сельского хозяйства, перешедшие в непроизводственную сферу. Управленцами стали 62% представителей новой интеллигентии поколения отцов¹⁸³. В 70-е годы значение интеллигентии в первом поколении как источника пополнения молодых высококвалифицированных кадров возрастало опережающими темпами, в том числе и по сравнению с рабочим классом. Одновременно старая интеллигентия теряла свое доминирующее положение в этой сфере¹⁸⁴. Расширенное воспроизведение новой интеллигентии в это десятилетие стало одним из наиболее ярких проявлений сущности отношений "родители—дети" в социалистическом городе.

Традиционно-патриархальное по социокультурному содержанию явление наследования материальных ценностей и общественного положения от поколения к поколению выступило на втором этапе соцмодернизации в качестве нормы жизни не только в сельской среде, но и распространилось на крупные города, где и пережило свой расцвет. Социологическое обследование, проведенное здесь в 1983 г., показало, что 40% родителей собираются поддерживать своих детей "пока хватит сил" или, во всяком случае, пока их собственные заработки не будут выше родительских¹⁸⁵. Независимо от уровня образования и социального положения родителей, так же как и места их жительства, проявилось стремление возможно быстрее обеспечить выросшим детям, их молодым семьям относительно

высокий уровень жизни. Представления о материальной помощи детям больше не были связаны с социальными характеристиками родителей. Таким образом, несмотря на формальный распад многопоколенческой семьи как института общества традиционного доиндустриального типа, произошло укрепление и развитие важнейших сторон ее существования в системе межпоколенных отношений, особенно на втором этапе "строительства социализма". Сформированное этим процессом вынужденное стремление родителей самим создавать своим детям материальное благополучие стало "современной традицией"¹⁸⁶ и в других странах, относившихся к числу социалистических¹⁸⁷.

Лишь абсолютное меньшинство родителей считало, что молодой человек должен рассчитывать только на собственные доходы¹⁸⁷. Благодаря усилиям старшего поколения молодые семьи были оснащены предметами длительного пользования, включая автомобиль, не хуже, чем семьи родителей их еще не вступивших в брак сверстников¹⁸⁸. Поэтому молодежь оставалась достаточно беззаботной в экономическом отношении. "Современная городская семья, — пишет Э. Рендлова, — воспитывает не взрослых индивидов, а лишь больших детей"¹⁸⁹. Со своей стороны, молодое поколение, лишенное навыков самостоятельного решения жизненных проблем, охотно принимало помочь от родителей, причем склонность его к более высокому уровню жизни по сравнению со старшими даже стала поколенческой чертой.

Формирование целых поколений не как субъектов деятельности и отношений современного общества, а как социальных иждивенцев для чешского общества стало реальностью уже на первом послевоенном этапе. На рубеже 50-х и 60-х годов в результате социокультурного переворота и установления отношений уравнительно-распределительного типа здесь произошло резкое сужение возможностей сознательного исторического творчества, проявления индивидуальности и инициативы для представителей "поколения 1930 г." в самом начале его жизненного пути. Социологи уже тогда констатировали, что молодежь теряет желание учиться даже в средней школе, не говоря о высшей¹⁹⁰. Из производителя новых форм жизни это поколение превратилось в простого их потребителя, равнодушного исполнителя воли старшего по возрасту или положению, объект внешнего воздействия. С его деятельностью связан весь последующий период "строительства социализма" в стране. И если в этом поколении в чешской среде сложилась особенно острая мировоззренческая дифференциация, то к концу 60-х годов в результате уже простого силового воздействия на него в так называемый кризисный период воцарилось полное единобразие сознания представителей этой генерации на платформе социализма. За фасадом политических взглядов и ориентаций скрывалось серьезное изменение всей картины мира целого поколения людей. У них оказалась нарушенной естественная иерархия социально-этических ценностей, деформирован общечеловеческий фундамент культуры — результат длительной исторической эволюции. В 70—80-е годы "поколение 1930 г." выступило в роли законодателя судеб "поколения 1950 г.", социальная активность кото-

рого могла реализоваться уже только в теневых структурах общества. Значительная часть его — наиболее квалифицированная и предприимчивая — эмигрировала в составе тех 350 тыс. человек, которые покинули страну в 1968—1988 гг.¹⁹¹ В отношении этих двух смежных поколений уже отчетливо проявилось явление разрыва поколенческой связи, рассматривавшегося, как правило, в виде "конфликта поколений", характерного для социализма.

Нарушением принципа преемственности поколений как основы национально-культурного развития явилось увеличение для детей социальных "шансов" получения более низкого по сравнению с родителями уровня образования. Это касалось прежде всего родителей, имевших полное среднее и высшее образование. Происходившая на фоне инфляции образования в стране исходящая образовательная мобильность была наиболее характерна для чешских мужчин "поколения 1950 г." по сравнению с "поколением 1930 г." и в еще большей степени — "поколения 1970 г." по сравнению с "поколением 1950 г."¹⁹².

Иным путем и даже несколько позже пришла к тому же типу смены поколений, а значит, и типу исторического развития Словакии. Переход Словакии к социализму потребовал более длительного, чем в Чехии, разрушения или трансформации инертных социально-культурных структур полуаграрного общества. Дольше и труднее оказался здесь процесс ликвидации словацких предпринимателей как социальной группы, включавшей главным образом мелких сельскохозяйственных производителей. Не сразу стало возможным и создание армии административных служащих — необходимого атрибута новой общественной системы. Только на втором этапе послевоенной истории, по достижении в середине 60-х годов приоритета индустриальной занятости над аграрной, по существу, началось ускоренное формирование этой системы в Словакии. И главным ее субъектом стало уже не "поколение 1930 г.", как в Чешских землях, а следующее — "поколение 1950 г.", его крестьянские, полукрестьянские и интеллигентско-служащие слои.

Превращение в 70-е годы чехословацкого кооперированного крестьянства в социально наиболее приоритетную группу имело, прежде всего для Словакии, далеко идущие последствия. Оно привело не только к быстрому росту уровня жизни представителей этой группы, но и к стремительному распаду основ ее полупатриархального уклада жизни. Именно этим десятилетием датируется радикальное изменение всего сельского образа жизни, по-прежнему доминирующего в Словакии, и самого сельского жителя. На смену земле и собственности на нее как высшей жизненной ценности уже с 60-х годов у крестьянина пришло стремление получить строительный участок и построить собственный дом. А с начала 70-х годов все больший вес приобретало стремление обеспечить своим детям более высокий социальный статус путем значительного роста уровня их образования¹⁹³. Дети членов ECXK, несмотря на провозглашаемую их родителями полную удовлетворенность кооперативной системой хозяйствования, меняли свой социально-классовый статус, переходя в город-

ские рабочие и служащие¹⁹⁴. Лишь 20% выходцев из крестьянских семей продолжали семейные традиции¹⁹⁵.

Закономерный, казалось бы, в условиях модернизации общества процесс эмансипации молодого поколения приобрел в Словакии неоднозначное содержание. Распад в словацком селе многопоколенческой семьи, которая в 70-е годы уже чаще встречалась в городе с его более острой жилищной проблемой, сопровождался радикальным изменением всей системы внутрисемейных и особенно межпоколенческих отношений¹⁹⁶. Их традиционно иерархическая, основанная на приоритете старшего над младшим система стала в условиях большей материальной зависимости городской молодежи от родителей тоже характернее скорее для городов.

С утерей производственного характера сельская семья постепенно становится преимущественно социально неоднородной. Особенно углубляются различия в социальном положении смежных поколений, которые породили новый тип отношения молодежи к родителям. на фоне сближения отдельных социально-профессиональных групп сельского населения дифференциация его наблюдалась главным образом на уровне поколений¹⁹⁷. В роли главного инструмента социальных перемещений на втором этапе соцмодернизации выступает процесс быстрого роста образованности некоторых групп населения, в том числе сельской молодежи Словакии.

Большая диспропорция в уровне образования различных поколений жителей словацкого села, сложившаяся в 70-е годы, привела к тому, что в сельском сообществе "власть" перешла от старшего поколения к младшему. "Поколение 1930 г." в начале своей трудовой биографии, в 50-е годы, считало вершиной технического оснащения крестьянского хозяйства простейшие сельскохозяйственные машины (селялку, трактор и т.п.). Обращению с современной техникой представителей этого поколения часто обучали их более квалифицированные дети. Переход от традиционного типа непосредственной передачи культурных ценностей — от отца к сыну — к современному, или институциональному (через школы, учреждения культуры), в условиях сохраняющейся иерархической системы отношений привел к непривычному для сельского сообщества главенству младшего поколения над старшим¹⁹⁸. Считая способ жизни своих родителей тормозом общественного развития, "поколение 1950 г." завершило к началу 80-х годов, т.е. ко времени достижения им вершины социальной зрелости, ликвидацию культурного своеобразия села.

Радикальный отказ "поколения 1950 г." в Словакии от культурного наследия можно сравнить с аналогичным типом отношений "поколения 1910 г." и "поколения 1930 г." в Чешских землях, характерным для периода форсированной реиндустириализации 50-х годов. В результате не только сельское хозяйство Словакии или промышленность Чешских земель фактически теряли целые генерации производителей, но и создавался разрыв в самой национальной культуре — чешской и словацкой. Нарушался составляющий сущность эволюции культуры процесс смены поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соцмодернизация привела страны Восточноевропейского региона — независимо от исходного уровня их цивилизационного развития — к глубокому кризису всех сторон общественной жизни. Выход из него далеко не исчерпывается сферой политической практики. За четыре десятилетия в этих странах была создана мощнейшая материально-техническая база тоталитаризма прежде всего в виде крупных предприятий тяжелой промышленности, ориентированных на военное производство. Сложилась новая социальная структура общества, в которой отсутствует класс предпринимателей, но есть такие характерные образования, как кооперированное крестьянство и социалистическая интеллигенция. Участники соцмодернизации, лишенные всех форм собственности, стали объектом интенсивной люмпенизации. Форсированное осуществление этих перемен вылилось в агонию соцмодернизации, проявившуюся в массовых социальных перемещениях.

Процесс соцмодернизации особенно ярко характеризует функционирование института образования в системе социалистического общества. Непреодолимым барьером на пути роста социальной активности было искусственное перераспределение образовательных уровней разных групп населения. Рост этого уровня начал выполнять противоположную сущности процесса модернизации роль средства гомогенизации общества, "стирания всех социальных граней". Поэтому резкий скачок престижности получения образования, прежде всего высшего, сменившийся глубоким ее падением и вызвавший целую серию социальных сдвигов, можно рассматривать как одно из главных свидетельств агонии соцмодернизации.

Не менее характерно для этого типа перехода к современности то, что в центре его первой оказалась высокоразвитая страна, основные этапы модернизации которой были завершены еще к началу XX в. Причем именно в Чехословакии, точнее, в Чешских землях, "закономерности строительства социализма" уже в самом его начале — в годы первой пятилетки (1949—1953) — проявились наиболее отчетливо. Реализация их повлекла за собой переворот всех структур чешского общества, жертвами которого стали два его поколения.

В аграрных и полуаграрных странах, к числу которых принадлежала и Словакия, "результативнее" оказалась уже вторая волна соцмодернизации, пришедшаяся прежде всего на 70-е годы. И она была для Чехословакии по сравнению с соседними с ней

странами более разрушительной, поскольку пришлась на период так называемой ликвидации последствий кризиса 1968—1969 гг., который завершился вводом войск государств социалистического лагеря на ее территорию.

Соцмодернизация представляет собой попытку перехода от общества традиционного типа к современному через установление уравнительно-распределительной системы отношений. Сама же эта система — искусственное образование, рожденное практикой коммунистического движения. Элементы традиционализма и современности противоречиво переплетаются в жизни социалистического общества. Однако основанный на жестком централизме, подавляющем активные начала всех форм жизни, социализм обречен в провозглашаемом им стремлении к цивилизационному росту. И пример Чехословакии демонстрирует это со всей очевидностью.

В ряде отношений соцмодернизация имеет характер контрмодернизации, что более всего проявляется в особенностях статуса интеллигенции, как и в целом в функциях культуры и образования. Процесс формирования духовного потенциала такого общества подчинен целям "социалистического строительства", которые, как выясняется, далеко не тождественны целям модернизации. Так, формирование словацкой интеллигенции как одной из наиболее многочисленных групп населения происходило в условиях "нормализации" общественных отношений в период после 1968—1969 гг. События тех лет связаны с политической активностью чешской интеллигенции, предпринявшей попытку реформировать общественный строй, установившийся в стране два десятилетия назад. Действенным инструментом вытеснения этой социальной группы на дальнюю периферию общественной жизни, как и за пределы страны, стало противопоставление ей в 70-е годы большого отряда выпускников социалистической высшей школы — выходцев из рабоче-крестьянской среды, прежде всего словацкой. Рост численности этого отряда прекратился уже к началу следующего десятилетия, когда уравнительный принцип оплаты труда, ставивший во главу угла не квалификацию работника, а его пол и возраст или стаж работы, стал реальностью не только общественной жизни, но и массового сознания.

Социальные перемещения — пространственные, профессиональные, образовательные и другие, — связанные с изменением мировоззрения, а значит, типа личности широких слоев их участников, присущи всем разновидностям процессов модернизации. Однако в условиях соцмодернизации эти всеобъемлющие по содержанию и размаху сдвиги эпизодичны и подчинены колебаниям политического курса, ориентированного на рост "социальной однородности" общества. Поэтому вектор социальных сдвигов неоднократно произвольно меняется, причем как правило радикально. Так, рост численности занятых в промышленности сменяется увеличением аграрной занятости, а подъем статуса рабочего класса — аналогичным процессом для кооперированного крестьянства. Конъюнктурны по своей природе и довольно непродолжительны всплески переселенческой и образователь-

ной мобильности, и даже перепады мировоззренческих ориентаций (динамика религиозности). Смена общественных приоритетов каждый раз вела к возвращению отдельных групп населения на исходные или даже более архаичные, как это особенно часто происходило в Чешских землях, социокультурные позиции. Так, односторонняя экономическая мотивация территориальных перемещений рабочей силы периода реиндустириализации трансформируется в свою противоположность — ориентацию на "домашний социализм", на социальную самоизоляцию. В определенном смысле второй этап послевоенной истории чехословацкого общества по своему социокультурному содержанию противоположен первому, хотя и является его закономерным продолжением. Самые социальные перемещения больше напоминали судороги нежизнеспособного организма, его агонию. Начавшись в первые годы "строительства социализма", эта агония продолжалась четыре долгих десятилетия.

Противоречие было исходно заложено в жизнедеятельности "нового человека", сформированного соцмодернизацией. Так, например, дихотомия производственных и семейных функций женщины вела к раздвоению ее личности — препятствуя процессу эмансипации. На примере судеб женского населения особенно очевидна ограниченность возможностей развития личности в данной системе общественных отношений. В этих судьбах гораздо больше общего для самой этой системы, чем национально особенного. Отказ от приоритета общечеловеческого начала в деятельности и отношениях людей во имя роста производства, а точнее, реализации политических идеалов привел к искажению и даже сокращению их жизненных путей, видоизменив весь процесс естественного воспроизведения населения. Нарушение целостности человеческого существования сопровождало распад его мировоззренческих основ. Продуктом такой динамики личности стало появление широких ресоциализированных слоев полугорожан, полурабочих-полукрестьян, полуинтеллигентов-полуслужащих, экономически полуактивных женщин и т.п. Социальная группа люмпенизованных коворыников, возникшая в условиях замедленной, ограниченной по своим возможностям модернизации словацкого общества рубежа XIX и XX вв., пережила период своего расцвета и наиболее полного проявления в условиях модернизации, получившей название "форсированной".

Форсированный переход к обществу современного типа как стратегическая задача "строительства социализма" подразумевал приоритет не столько ускоренных темпов, сколько внешнего, силового воздействия на ход общественного развития. В обстановке резкого ограничения роли и значения социальных субъектов исторического процесса главным механизмом этого процесса становилось перераспределение "сверху" социокультурного потенциала отдельных наций. Уподобление их по формальным показателям (структура занятости, доля городского и сельского населения, уровень его образования и т.п.) экономически высокоразвитым сообществам, преследовавшее цель пресловутого "выравнивания уровней", не соответствовало реальным процессам цивилизационного роста. Для

индустриальной чешской нации такого рода выравнивание означало приближение ее характеристик к полуаграрной словацкой. В целом искусственное повышение статуса менее развитых элементов социокультурной структуры общества за счет подавления высокоразвитых было неотъемлемой составной частью данного типа общественного развития.

Переход словацкого общества к современности, по существу, начался уже после завершения важнейшей фазы индустриализации, пришедшейся в Чехословакии на 50-е годы с их активной политикой пролетаризации масс. Он совпал больше с периодом урбанизационной волны конца 60-х — 70-х годов, выразившейся в ускоренном росте институциональных структур тоталитарного общества, его центров в крупных и крупнейших городах. Только тогда процессы модернизации словацкого общества локализовались наконец на национальной территории. Однако главным результатом их стала "культурная революция" в словацком селе, уничтожившая традиционные проявления общественной жизни полуаграрной нации. Вместе с тем цивилизационное развитие Словакии, происходившее в системе отношений сословно-иерархического типа, исключало возможности становления здесь как современной городской культуры, так и ее представителей в лице интеллигенции и предпринимателей. Рост в 70-е годы городов главным образом как административных центров препятствовал превращению словацкой нации в городскую. Неспособные выполнить классообразующие функции по отношению к пролетаризированным слоям их жителей, города сами приобретали признаки, характерные для сельской среды. Что же касается процесса концентрации населения в относительно крупных населенных пунктах, то он происходил здесь и раньше. Однако уровень урбанизации преимущественно сельского в социокультурном отношении словацкого общества оставался низким. И в период социалистической урбанизации сохранились ограниченные возможности самореализации новых горожан и соответствующий этим возможностям уровень их культуры.

В годы урбанизационной волны сложилось характерное для данной системы разделение города и села как мест жительства занятых соответственно административно-распределительной деятельностью и всеми видами материального производства. В этих условиях начался переток городских рабочих в село, "компенсировавшийся" ростом численности высокообразованных слоев горожан. Именно в городах — средоточиях социокультурной динамики всего общества — концентрировались и отношения нового типа. Здесь они проявились особенно ярко. Новые пополнения интеллигенции, вовлеченные в общественную жизнь слои женского населения, составлявшие первое поколение горожан, стали главными объектами социальной дискриминации в условиях господства тоталитаризма.

За четыре послевоенных десятилетия в Словакии фактически так и не смогли сформироваться субъекты городской культуры — социальные и демографические, — как и не сложился крупный центр национальной жизни и национальной культуры. Раньше города выпол-

няли роль проводников инонационального влияния — сначала венгерского, затем чешского, теперь — над- или вненационального. Практически же речь шла об антинациональной направленности происходивших прежде всего в городах перемен, которые расходящимися кругами распространялись на всю этническую территорию и все сферы национальной жизни — чешской и словацкой. На высшем — национальном — уровне общечеловеческого опыта, включающем опыт социальных и демографических субъектов более низкого ранга, проявилась совокупная деформация всей социокультурной структуры народонаселения.

Установившаяся в послевоенный период в Чехословакии система общественных отношений не современная, но и не традиционная по своей социальной сущности. Ее "естественная" долговечность для европейского государства второй половины XX в. измерялась продолжительностью жизни только одного поколения. Для Чешских земель это было "поколение 1930 г." — поколение периода форсированной реиндустириализации. Для Словакии — это "поколение 1950 г." Формирование его в значительной мере связано с процессами альтернативного характера по отношению к чешской нации, уже отступившей от принятого в 1948 г. курса, сохранение которого было теперь возможно главным образом благодаря усилиям извне. На этом фоне особенно четко выделяются два этапа послевоенной истории страны, которые разделяют события августа 1968 г.

Два поколения наций Восточноевропейского региона в период после второй мировой войны оказались вовлеченными в продолжавшийся почти полвека социалистический эксперимент. В 1989—1990 гг. он завершился. Однако остались глубокие генетические последствия деформации структур народонаселения. Возможно, в первую очередь это относится к чешской и словацкой нациям.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402
- ² Васильева Э.К. Социально-экономическая структура населения СССР: (Статистико-демографический анализ). М., 1978. С. 83.
- ³ Социально-исторической классикой можно назвать следующие книги: *Horská-Vrbová P. Kapitalistická industrializace a středoevropská společnost*. Pr., 1970; *Kárníková L. Vývoj obyvatelstva v českých zemích, 1754–1914*. Pr., 1965; *Svetový I. Obyvatelstvo Slovenska za kapitalizmu*. Br., 1958; *Urban O. Kapitalizmus a česká společnost. K otazkám fromování české společnosti v 19. století*. Pr., 1978; *Purš I. Průmyslová revoluce. Vývoj pojmu a koncepce*. Pr., 1973; *Robek A. Stará dělnická Praha: Život a kultura pražských dělníků 1848–1933*. Pr., 1981.
- ⁴ Kadlecova E. Sociologický výzkum religiozity Severomoravského kraje. Pr., 1967.
- ⁵ Machonin P. Československá společnost: Sociologická analýza sociální stratifikace. Br., 1969.
- ⁶ Jurovský A. Osobnost' člověka pri práci. Br., 1980.
- ⁷ См.: *Příbram B. O kulturní revoluci // Sborník prací filozofické fakulty Brněnske univerzity. Řada sociálněvědná. 1959. N 3; Huláková M. O kultuře a kulturní revoluci*. Pr., 1963; *Šeda V. K některým otázkám socialistické kulturní revoluce v Československu // O politice KSČ pri dovršovaní socialistické výstavby*. Pr., 1962; *Kladiva J. Kultura a politika*. Pr., 1968.
- ⁸ См., например: *Grešík L. Slovenska kultura v revolucii 1944–1948*. Br., 1977; *Idem. Slovenská kultura v začiatkoch budovania socialismu 1948–1955*. Br., 1980; *Idem. Kultúrna politika KSS v období dubudovani zakladov socialismu 1959–1960*. Br., 1984. См. также книги следующих авторов: Hajko D., Hruškovic M., Mravík J., Grieš O., Paluda Š., Čunderlík K., Bolenbruck Š.
- ⁹ Musil J. Urbanizace v socialistických zemích. Pr., 1977.
- ¹⁰ Pašiak J. Človek a jeho sídla. Br., 1980; Slepíčka A. Venkov a/nebo město. Pr., 1981; Andrlík A., Kiesewetter Z. Rozvoj měst a obcí v Československe socialistické republice. Pr., 1982; Andrlík A., Pojer M. Bydlení, bytová výstavba a národní výbory. Pr., 1983; Zemko J. Územny a sociálny rozvoj sídel. Br., 1984.
- ¹¹ Особый интерес представляет статья коллектива авторов: *Čermáková M., Hudeček J., Kabátek A., Navarová H., Sák P., Svítek J. Mladež jako faktor socialního rozvoje // Sociologický časopis*. 1988. N 2; см. также: *Beinhauerova A., Sommer K. K problematice pracovních sil a jejich zdrojů v uhelném průmyslu českých zemí v letech 1949–1960 // Československý časopis historický*. 1988. N 5 и др.
- ¹² Richta R. Civilizace na rozcestí. Společenská a lidské souvislosti. Pr., 1967.
- ¹³ См. Možný I. Rodiny s netradiční sociální podmíněnosti struktury vztahů mezi mužem a ženou // Sborník prací filozofické fakulty Brněnske univerzity. Řada socialněvědná. 1979. N 22/23; Pácl P. Sociologické aspekty urbanizačních trendů v současné migraci československého obyvatelstva // Sborník prací filozofické fakulty Brněnske univerzity. Řada socialněvědná. 1982. N 26; Nerudová L. Mladá manželství po třech letech manželského soužití // Sborník prací filozofické fakulty Brněnske univerzity. Řada socialněvědná. 1986. N 30; Čas života. Rodinné a společenské svátky v životě člověka. Brno, 1985; Současná vesnice: Teoretické, metodologické a kulturně politické problémy integrovaného společenskovoředného výzkumu. Brno, 1978.
- ¹⁴ Kadlecova E. Sociologický výzkum religiozity...; Hernová S. K otázce sociální mobility slovaků ostravské průmyslové oblasti // Slezský sborník. 1969. N 2.

- ¹⁵ *Vecerník J.* Sociální faktory příjmové diferenciace // Sociologický časopis. 1984. N 5;
- Idem.* Mzdová a příjmová diferenciace: některé trendy a souvislosti // Ekonomický časopis. 1986. N 7; et al.
- ¹⁶ *Kováčova E.* Zaměstnonosť v československom narodnom hospodarstve. Br., 1985. См. также серию статей Д. Тесаржовой в журнале "Statistika" за 80-е годы.
- ¹⁷ *Kalinová L., Sova V.* Lidský potenciál v podmínkach pěstavby. Pr., 1989; *Cirbes V.* et al. Sociálny rozvoj Slovenska v podmienkach socializmu. Br., 1989.
- ¹⁸ См. следующие сборники статей: Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1985; 1988 и 1989; Рабочий класс СССР и ЧССР и научно-технический прогресс: сдвиги 80-х годов. М., 1988; Образование и мобильность в социалистическом обществе. М., 1987; Демографические процессы в социалистическом обществе. М., 1981; и др.
- ¹⁹ *Ламсер З., Сура И.* Человек в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1982.
- ²⁰ *Pavlík Z.* Nastín populačního vývoje světa. Pr., 1964; *Idem.* Setfeni populačního klimatu. Pr., 1977; *Pavlík Z.* Problémy demografické revoluce // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979; *Pavlík Z., Rychtaříková J., Šubrtová A.* Základy demografie. Pr., 1986; *Pavlík Z., Zbožilová J.* Changes in Czechoslovak marital fertility // Demographic aspects of the changing status of women in Europe. Leiden, 1978; *Павлик З., Кухар И., Лесны И., Чермак З.* Особенности развития демографического поведения в Чехословакии в послевоенный период // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986; *Радичова И., Гураль П.* Ценностные ориентации женщин в отношении к системе "труд—семья" // Влияние социальных факторов на рост производительности труда. М., 1987.
- ²¹ *Macha K.* Mlada generace známá a neznámá. Pr., 1966; Vývoj povalečných generací mladéže, 1945—1952. Pr., 1967.
- ²² *Башкиров А.Н.* О выравнивании уровней социально-экономического развития регионов ЧССР // Национальный вопрос за рубежом. М., 1989; *Коваленко В.Д.* Выравнивание экономического уровня ЧСР и ССР (1971—1980) // Вопросы истории зарубежных стран. Ужгород, 1989.

Глава I

- ¹ *Puzš J.* Průmyslová revoluce: Vývoj pojmu a koncepce. Pr., 1973. S. 365.
- ² Přehled dějin Československa. Pr., 1982. 1/2. S. 413—414.
- ³ *Kárníková L.* Vývoj obyvatelstva v českých zemích, 1754—1914. Pr., 1965. S. 63.
- ⁴ *Purš J.* Průmyslová revoluce... S. 472.
- ⁵ *Kárníková L.* Vývoj obyvatelstva... S. 508.
- ⁶ *Horská-Vrbová P.* Kapitalistická industrialisace a středoevropská společnost. Pr., 1970. S. 44.
- ⁷ *Kárníková L.* Vývoj obyvatelstva... S. 512.
- ⁸ *Srb V., Kučera M.* Vývoj obyvatelstva českých zemí v XIX století // Statistika a demografie. Pr., 1959. S. 123.
- ⁹ *Kárníková L.* Vývoj obyvatelstva... S. 264.
- ¹⁰ *Srb V., Kučera M.* Vývoj obyvatelstva... S. 133.
- ¹¹ *Horská P.* Pokus o využití rakouských statistik pro studium společenského rozvrstvení českých zemí v 2. polovině 19. století // Československý časopis historický. 1972. N 5. S. 652—653.
- ¹² К 1902 г. уже 90% хозяйств площадью свыше 5 га использовали сельскохозяйственную технику (*Kárníková L.* К vývoji naší dělnické třídy v období kapitalismu a nastupu imperialismu (1848—1914) // Československý časopis historický. 1962. N 4. S. 502). В Полабье была создана сеть городов, обслуживающих материальные и культурные потребности их высокоразвитого сельскохозяйственного окружения. Там сохранялись высокие темпы роста населения (*Kárníková L.* Vyvoj obyvatelstva... S. 257, 264).
- ¹³ *Horská P.* Pokus o využití rakouských statistik... S. 653.
- ¹⁴ *Horská P.* K otázce socialního vývoje českých zemí na přelomu 19. a 20. století // Sborník historický. Sv. 29. Pr., 1982. S. 130.
- ¹⁵ *Horská-Vrbová P.* Kapitalistická industrializace... П. Горская отмечает аналогии в структуре занятости активного населения для Чехии и Франции в 50—60-е годы

XIX в. и для Чехии и Германии в первое десятилетие XX в. Они обусловлены общностью сроков прохождения ими соответствующих этапов промышленной революции (*Horská P. Pokus o využití rakouských statistik...* S. 651).

¹⁶ *Horská-Vrbová P. Kapitalistická industrializace...* S. 129.

¹⁷ Наиболее активное участие в стачечном движении 50-х годов принимали эти переходные группы рабочего класса. Позже — в 60-е годы — к ним примкнули фабричные рабочие. См.: Чешская нация на заключительном этапе формирования (1850 г. — начало 70-х годов XIX в.). М., 1989. С. 236.

¹⁸ *Galandauer J. Česká společnost na přelomu 19. a 20. století // Struktura společnosti na území Československa a Polska v 19. století do roku 1918.* Pr., 1988. S. 194.

¹⁹ *Purš J. Průmyslová revoluce v českých zemích.* Pr., 1960. S. 113.

²⁰ *Průmyslové oblasti českých zemí za kapitalismu (1780—1945).* Sv. 1: 1780—1918. Opava, 1987. S. 65.

²¹ *Kárníková L. K vývoji naší dělnické třídy...* S. 504—505.

²² *Matějček J. Některé ekonomické a sociálné předpoklady vývoje dělnické rodiny v období kapitalistické industrializace českých zemí // Historická demografie.* Pr., 1986. N 10. S. 167.

²³ *Urban O. Kapitalismus a česká společnost: K otázkám formování české společnosti v. 19. století.* Pr., 1978. S. 64.

²⁴ Чешская нация... С. 75—76.

²⁵ *Pavlk Z., Rychtaříková J., Šubrtová A. Základy demografie.* Pr., 1986. S. 439.

²⁶ *Urban O. Kapitalismus a česká společnost.* S. 154.

²⁷ Чешская нация... С. 73.

²⁸ *Urban O. Kapitalismus a česká společnost.* S. 49, 64.

²⁹ Даже среди проживавшего в Праге в 1900 г. немецкого населения 12% экономически активных приходилось на рабочих и 35% — на служащих, тогда как чешского соответственно 55 и всего 11% (*Horská-Vrbová P. Kapitalistická industrializace...* S. 151).

³⁰ *Placht O. Lidnatost a společenská skladba českého státu v 16—18. století.* Pr., 1958. S. 322—325.

³¹ *Horská P. Urbanizace v českých zemích 1874—1914 // Československý časopis historický.* 1979. N 5. S. 705.

³² *Klusáková L. Evropská města na prahu kapitalismu.* Pr., 1986. S. 91; *Musil J., Ryšavý Z. Urbanizace na území ČSR v období 1850—1980 // Demografie.* 1982. N 3. S. 224.

³³ *Kárníková L. Vývoj obyvatelstva...* S. 150.

³⁴ *Andrlé A. Vývoj československých měst // Geografický časopis.* 1978. N 2. S. 137.

³⁵ *Horská P. Urbanizace v českých zemích...* S. 710.

³⁶ *Vavra Z. Tendence v dlouhodobém vývoji reprodukce obyvatelstva českých zemí.* Pr., 1962. S. 18.

³⁷ *Horská P. Urbanizace v českých zemích...* S. 711.

³⁸ *Ibid.* S. 715.

³⁹ *Horská-Vrbová P. Pražský průmysl v druhé polovině 19. století // Pražský sborník historický.* 1969—1970. Pr., 1970. S. 66.

⁴⁰ *Ibid.* S. 103.

⁴¹ *Kárníková L. Vývoj obyvatelstva...* S. 227.

⁴² *Horská P. Urbanizace v českých zemích...* S. 719.

⁴³ *Dokoupil L. Demografický vývoj centra ostravské průmyslové oblasti v 19. století // Demografie.* 1973. N 4. S. 328.

⁴⁴ *Kárníková L. Vývoj obyvatelstva...* S. 278.

⁴⁵ *Kárníková L. K vývoji maši dělnické třídy...* S. 513.

⁴⁶ *Ibid.* S. 715; *Andrlé A. Vývoj československých měst.* S. 137.

⁴⁷ *Robek A. Stará dělnická Praha.* Pr., 1981. S. 131.

⁴⁸ *Horská P. Urbanizace v českých zemích...* S. 726.

⁴⁹ *Horská P. K otázce socialního vývoje českých zemí...* S. 151.

⁵⁰ *Horská P. Urbanizace v českých zemích...* S. 727.

⁵¹ *Havranek I. Životní podmínky pražských dělnických rodin roku 1900 ve světle demografické statistiky // Etnografie dělnictva.* Pr., 1976—1977. N 8. S. 68.

⁵² *Ibid.* S. 36.

⁵³ *Robek A. Stará dělnická Praha.* S. 30.

⁵⁴ *Matějček I. Některé ekonomické a sociálné předpoklady...* S. 171.

- ⁵⁵ Musil J., Ryšavý Z. Urbanizace na území ČSR... S. 225.
- ⁵⁶ Ibid. S. 228.
- ⁵⁷ Демографическая революция формально выражается в снижении уровня смертности (с 25—30% до менее 15%) и рождаемости (с 45—50% до менее 20%) примерно вдвое, в увеличении средней продолжительности жизни (с 25—30 до около 70 лет) и изменении всей возрастной структуры населения.
- ⁵⁸ Kárníková L. Vývoj obyvatelstva... S. 67.
- ⁵⁹ Fialová L. Příspěvek k vývoji plodnosti v českých zemích // Demografie. 1985. N 1. S. 34.
- ⁶⁰ Horská P. Vliv počatků samostatné výdělečné činnosti žen na vývoj rodiny // Český lid. 1983. N 4. S. 224.
- ⁶¹ Horská P. Historický vývoj plodnosti v českých zemích. Stav a možnosti // Historická demografie. Pr., 1972. N 6. S. 15.
- ⁶² Horská P. K otázce vzniku české průmyslové buržoazie // Československý časopis historický. 1962. S. 274, 279—280.
- ⁶³ Pavlik Z., Rychtaříková I., Šubrtová A. Základy demografie. S. 572.
- ⁶⁴ Ibid. S. 575.
- ⁶⁵ Srb V., Kučera M. Vyvoj obyvatelstva...
- ⁶⁶ Ibid. S. 148.
- ⁶⁷ Kárníková L. Vývoj obyvatelstva... S. 197.
- ⁶⁸ Havranek I. Demografický vývoj Prahy v druhé polovině 19. století // Pražský sborník historický 1969—1970. Pr., 1970. S. 102.
- ⁶⁹ Horská P. Urbanizační vlna v českých zemích na prelomu 19. a 20. století a některé aspekty vývoje rodiny // Sborník k dějinám 19. a 20. století. Pr., 1974. N 2. S. 94.
- ⁷⁰ Vavra Z. Tendence v dlouhodobém vývoji reprodukce obyvatelstva v českých zemích. Pr., 1962. S. 16.
- ⁷¹ Fialová L. Vývoj sňatečnosti a plodnosti obyvatelstva českých zemí v 19. století // Historická demografie. Pr., 1987. N 12. S. 215.
- ⁷² Horská P. Urbanizační vlna v českých zemích... S. 98.
- ⁷³ Růžička L. Generační úmrtnost v českých zemích // Demografický sborník. Pr., 1959. S. 74.
- ⁷⁴ Kárníková L. Vývoj obyvatelstva... S. 201.
- ⁷⁵ Svetoh I., Várvá Z. Reprodukce obyvatelstva v Československu po druhé svetovej valce. Br., 1965. S. 129.
- ⁷⁶ Horská P. K otázce socialního vývoje českých zemí... S. 131.
- ⁷⁷ Рождаемость определяется в демографии как процесс деторождения в совокупности людей, составляющих поколение или в совокупности поколений — населении. В отличие от рождаемости плодовитость — потенциальная возможность деторождения, которая реализуется в совокупности женщин поколения. Она детерминируется системой социально обусловленных потребностей и регулируется социокультурными нормами, традициями, общественным мнением (Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 373).
- ⁷⁸ Fialová L. Rozdíly v poklesu plodnosti v českých zemích ve venkovských a městských oblastech v letech 1869—1930 // Historická demografie. Pr., 1983. N 8. S. 133.
- ⁷⁹ Fialová L. Postavení českých zemí v poklesu plodnosti v Evropě ve 2. fázi demografické revoluce // Acta demographica. Pr., 1981. IV. S. 257.
- ⁸⁰ Horská P. K otázce socialního vyvoje českých zemí... S. 131.
- ⁸¹ Fialová L. Rozdíly v poklesu plodnosti... S. 141—142.
- ⁸² Fialová L. Příspěvek k vývoji plodnosti v českých zemích... S. 40.
- ⁸³ В 1930 г. максимальный уровень плодовитости, зарегистрированный в районе Угерски Брод, был ниже минимального для 1880 г., отмеченного в Праге (Pavlik Z., Rychtaříková I., Šubrtová A. Základy demografie. S. 574).
- ⁸⁴ Horská P. Vliv počátku samostatné výdělečné činnosti žen... S. 225—226.
- ⁸⁵ Horská P. K ekonomické aktivitě žen na přelomu 19. a 20. století (Příklad českých zemí) // Československý časopis historický. 1983. N 5. S. 716.
- ⁸⁶ Изменение соотношения смертности мужского и женского населения трудоспособного возраста в пользу второго — процесс, характерный для промышленно развитых стран Европы. Он проходил здесь в течение 100—150 лет (Horská P. Rozdíl v umrtnosti mužů a žen z hlediska historické demografie // Demografie. 1989. N 4. S. 326).
- ⁸⁷ Nastín hospodářských dějin v období kapitalismu a socialismu. Pr., 1987. S. 44.

- ⁸⁸ Andrlík A., Kiesewetter Z. Rozvoj měst a obcí v Československé socialistické republice. Pr., 1982. S. 87.
- ⁸⁹ Stručný hospodársky vývoj Československa do roku 1955. Pr., 1969. S. 78.
- ⁹⁰ Hospodařský vývoj Slovenska do konca predmichovskej republiky. Br., 1987. S. 8.
- ⁹¹ Nastín hospodárských dějin... S. 81.
- ⁹² Tajádk L. Priemyselná revolúcia na Slovensku a jej sociálne dôsledky // Historický časopis. 1974. N 3. S. 360; *Idem*. Vývin, pohyb a štrukturálne zmeny obyvateľstva na Slovensku v predvojnovom období // Historický časopis. 1980. N 4. S. 499.
- ⁹³ Průmyslové oblasti Slovenska za kapitalismu (1780—1945). Opava, 1983. S. 41.
- ⁹⁴ Tajádk L. Vývin, pohyb a štrukturálne zmeny... S. 513.
- ⁹⁵ Ibid. S. 521.
- ⁹⁶ Ibid. S. 520, 522.
- ⁹⁷ Čady V., Angera J. Socialně tržní struktura Slovenska v buržoazním Československu // Historický časopis. 1981. N 5. S. 672.
- ⁹⁸ Faltus I. Development of capitalist industrialization of Slovakia and its problems // Studia historica Slovaca. Br., 1986. S. 89.
- ⁹⁹ Švetoha I. Obyvateľstvo Slovenska za kapitalizmu. S. 210.
- ¹⁰⁰ Hospodársky vývoj Slovenska... S. 121.
- ¹⁰¹ Čady V., Angera J. Socialně tržní struktura... S. 673.
- ¹⁰² Ibid. S. 676.
- ¹⁰³ Charvát F., Linhart J., Večerník J. K vývoji tržné sociálnej struktury kapitalistického Československa // Sociologický časopis. 1975. N 4. S. 343.
- ¹⁰⁴ Čady V., Angera J. Socialně tržní struktura... S. 675.
- ¹⁰⁵ Ibid. S. 674.
- ¹⁰⁶ Кузьмин М.Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII в. — 30-е годы XX в.). М., 1971. С. 252.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 250.
- ¹⁰⁸ Průmyslové oblasti Slovenska... S. 98.
- ¹⁰⁹ Ibid. S. 99.
- ¹¹⁰ Hospodársky vývoj Slovenska... S. 223.
- ¹¹¹ Průmyslové oblasti Slovenska... S. 149.
- ¹¹² Hapák P. Priemyselná revolúcia a vývin miest za kapitalizmu // Historický časopis. 1973. N 2. S. 164.
- ¹¹³ Tajádk L. Vývin, pohyb a štrukturálne zmeny... S. 502.
- ¹¹⁴ Ibid. S. 503.
- ¹¹⁵ Thurzo I. Poznámky k vývoju urbanizacie Slovenska od 19. storočia // Demografie. 1982. N 2. S. 148.
- ¹¹⁶ Tajádk L. Vývin, pohyb a štrukturálne zmeny... S. 504.
- ¹¹⁷ Tajádk L. Priemyselná revolúcia na Slovensku... S. 363.
- ¹¹⁸ Dejiny Slovenska. Br., 1968. Č. II. S. 411. В 1869 г. в Братиславе и Кошице проживало 43,7% населения десяти крупнейших словацких городов, в 1950 г. — 59,2% (Turzo I. Poznámky k vývoju urbanizacie... S. 150).
- ¹¹⁹ Ibid. S. 148.
- ¹²⁰ Holotšková Z. Mesta na Slovensku v medzivojnovom období // Historický časopis. 1973. N 2. S. 190—191. С 1982 г., после реорганизации системы государственного управления, Братислава получает статус столицы с размещением там национальных органов власти.
- ¹²¹ Pisoň Št. Súčasný rozvoj miest a vývoj kultury // Historický časopis. 1973. N 2. S. 251—259.
- ¹²² Charvát F., Linhart J., Večerník J. K vývoji tržné sociálnej struktury... S. 344—345.
- ¹²³ Tomaszewski J. K zmenám narodnostnej štruktúry v slovenských mestách po roku 1918 // Historický časopis. 1973. N 2. S. 244.
- ¹²⁴ Boháč A. Češi na Slovensku // Statistický obzor. 1935. Seš. 4—5. S. 196.
- ¹²⁵ Švetoha I. Obyvateľstvo Slovenska... S. 194.
- ¹²⁶ Andrlík A., Kiesewetter Z. Rozvoj měst a obcí... S. 87.
- ¹²⁷ Pavlík Z., Zbožilová J. Changes in Czechoslovak marital fertility // Demographic aspects of the changing status of women in Europe. Leiden, 1978. P. 65.
- ¹²⁸ Průmyslové oblasti Slovenska... S. 42.
- ¹²⁹ Vereš P. Regionální vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1910 až 1980 // Demografie. 1986. N 2. S. 111.

- ¹³⁰ Ibid. S. 114.
- ¹³¹ Vávra Z. Tendence v dlouhodobém vývoji... S. 20.
- ¹³² Jureček Z. Úkazatele plodnosti žen z výsledku sčítání lidu // Demografie. 1966. N 1. S. 4.
- ¹³³ Svetoň J. Úmrtnosť na Slovensku v rokoch 1850—1945 // Statistika a demografie. Pr., 1959. S. 160.

Глаea II

- ¹ Šík O. Jarní probuzení — iluze a skutečnost. Pr., 1990. S. 42.
- ² Statistická ročenka ČSSR 1971. Pr., 1971. S. 103.
- ³ Hospodářské dějiny Československa... S. 334.
- ⁴ Stručný hospodářský vývoj Československa... S. 415.
- ⁵ Hospodářské dějiny Československa... S. 365.
- ⁶ Karlík K. et al. Československé zemědělství a pracovní síly. Pr., 1967. S. 146.
- ⁷ Cirbes V. et al. Sociálny rozvoj Slovenska v podmienkach socialismu. Br., 1989. S. 111.
- ⁸ Гулакова М., Вечерник И., Гарта Я., Шандерова Я. Социальное развитие рабочего класса ЧССР в условиях строительства социалистического общества // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1985. С. 74.
- ⁹ Richta R. Civilizace na rozcestí. Pr., 1967. S. 102.
- ¹⁰ Hartl J., Večerník J. Přemeny dělnické rodiny v socialistickém Československu // Sociologický časopis. 1979. N 3/4. S. 315.
- ¹¹ Stručný hospodářský vývoj Československa... S. 400.
- ¹² Hospodářské dějiny Československa... S. 298, 375.
- ¹³ Stručný hospodářský vývoj Československa... S. 421.
- ¹⁴ Jirásek Z. Hospodářsky vývoj průmyslových oblastí Čech v letech 1949—1953 // Slezský sborník. 1990. N 2. S. 115.
- ¹⁵ Stručný hospodářský vývoj Československa..., S. 499.
- ¹⁶ Statistická ročenka ČSSR 1971. Pr., 1971. S. 42—43, 58—59.
- ¹⁷ Hospodářské dejiny Československa... S. 461.
- ¹⁸ Ibid. S. 394.
- ¹⁹ Stručný hospodářský vývoj Československa... S. 464.
- ²⁰ Ibid. S. 504.
- ²¹ Šrajerová O. Formovanie priemyslových oblastí na Slovensku v rokoch 1945—1955 a charakteristika ich sociálno-ekonomickeho profilu // Slezský sborník. 1989. N 2. S. 89, 96.
- ²² Polstoročie Slovenska v spoločnej vlasti. Br., 1969. S. 68.
- ²³ Ibid. S. 30; Cirbes V. et al. Sociálny rozvoj Slovenska... S. 105—108.
- ²⁴ Hospodářské dějiny Československa... S. 454.
- ²⁵ Hoffman P. Zaměstnanost a ekonomický rozvoj. Br., 1971. S. 157.
- ²⁶ Словакские области занимали последнее место в стране по величине и качеству жилого фонда, по оснащенности технической инфраструктурой, по развитости торговой сети и сети дорог, по уровню доходов и расходов населения. Одним из немногих исключений оставалась относительно высокая оснащенность территории Словакии школьными учреждениями (Sojka J. et al. Sociálno-ekonomicke úroveň kraju ČSSR // Ekonomický časopis. 1987. N 10. S. 943—953).
- ²⁷ Nástin hospodářských dějin... S. 280. Характерно, что и в 1980 г. сохранялись кардинальные различия в отраслевой структуре экономики Чешских земель и Словакии. Области Словакии тогда в наибольшей степени походили по характеристикам этой структуры на индустриально-аграрную Южночешскую, в наименьшей — на базовые области реиндустриализации — Североморавскую и Северочешскую (Apel J. K problematice "měření" diferenciace vybraných demografických struktur (na příkladě krajů ČSR) // Demografie. 1984. N 3. S. 221).
- ²⁸ Hospodářské dějiny Československa... S. 467.
- ²⁹ Ibid. S. 469.
- ³⁰ Jaura Z. K periodizácii socialistickej industrializacie Slovenska // Historický časopis. 1984. N 1. S. 136.
- ³¹ Beinhauerová A., Sommer K. K problematice pracovních sil a jejich zdrojů u uhlenném průmyslu českých zemí v letech 1949—1960 // Československý časopis historický. 1988. N 5. S. 667.
- ³² Ibid. S. 668.

- ³³ Kuzničková H. Rozvoj iniciativy pracujících v letech první pětiletky na příkladu ostravské průmyslové oblasti // Slezský sborník. 1989. N 4. S. 255—262.
- ³⁴ Machačová J., Matějček J. Vývoj sociálních struktur v českých zemích po průmyslové revoluci (1880—1910) // Struktura společnosti na území Československa a Polska... S. 126.
- ³⁵ Beinhauerová A., Sommer K. K problematice pracovních sil... S. 674.
- ³⁶ Hospodářské dějiny Československa... S. 366—367.
- ³⁷ Beinhauerová A., Sommer K. K problematice pracovních sil... S. 671.
- ³⁸ Stručný hospodářský vývoj Československa... S. 483.
- ³⁹ Večerník J. Mzdová a příjmová diferenciace v Československu: některá systémová specifika // Sociologický časopis. 1989. N 3. S. 263.
- ⁴⁰ Teslrová D. Zaměstnanost žen v ČSSR v letech 1948—1988 // Statistika. 1990. N 1. S. 38.
- ⁴¹ Stručný hospodářský vývoj Československa... S. 485.
- ⁴² Češka J. Ke struktuře vědeckovýzkumné a vývojové zakladny v ČSSR // Statistika a kontrola. 1963. N 10. S. 437.
- ⁴³ Ibid. S. 439.
- ⁴⁴ Myant M.R. The Czechoslovak economy 1948—1988. L., 1988. P. 218.
- ⁴⁵ Гулакова М., Вечерник И., Гарта Я., Шандерова Я. Социальное развитие рабочего класса ЧССР... С. 73.
- ⁴⁶ Hartl J., Večerník J. Přemény dělnické rodiny... S. 315.
- ⁴⁷ Felcman O. Sociálně třídí struktura socialistické společnosti v Československu po vybudování základů socialismu (1960—1971) // Slovanské historické studie. Pr., 1985. V. XV. S. 72.
- ⁴⁸ Paul D.W. Cultural limits of revolutionary politics: Change and continuity in socialist Czechoslovakia. Boulder, 1979. P. 62—63.
- ⁴⁹ Altmann F.-L. Employment policies in Czechoslovakia // Employment policies in the Soviet Union and Eastern Europe. L., 1987. P. 96.
- ⁵⁰ Urban J. K východiskům a hlavním rysům prognostické koncepce rozvoje životní úrovně // Sociologický časopis. 1990. N 1/2. S. 4.
- ⁵¹ Alan J. Společnost—vzdělání—jedinec. Pr., 1974. S. 170.
- ⁵² Ibid. S. 147.
- ⁵³ Altmann F.-L. Employment policies in Czechoslovakia. S. 98.
- ⁵⁴ Žížková J., Koucký J. K některým problemům využívání vzdělání v ČSSR // Politická ekonomie. 1986. N 5. S. 533.
- ⁵⁵ Hrbek J., Zelenková H. K úloze vzdělání v reprodukčním procesu // Politická ekonomie. N 3. S. 254.
- ⁵⁶ Czesaný S. Tendence a faktory vývoje produktivity práce // Ekonomický časopis. 1989. N 5. S. 496.
- ⁵⁷ Žížková J., Koucký J. K některým problémům... S. 530.
- ⁵⁸ Boguszak M., Gabal I., Matějček J. Ke koncepcím vývoje sociální struktury v ČSSR // Sociologický časopis. 1990. N 3. S. 178.
- ⁵⁹ Давлетшина Н.В. Экономика ЧССР. М., 1983. С. 17.
- ⁶⁰ Там же. С. 18; Statistická ročenka ČSSR 1979. Pr., 1980. S. 201.
- ⁶¹ Kováčová E. Zaměstnanosť v československom národnom hospodárstve. Br., 1985. S. 45.
- ⁶² Давлетшина Н.В. Экономика ЧССР. С. 40.
- ⁶³ Vítěcková J., Hudeček J. Začleňování mládeže do pracovního procesu // Sociologický časopis. 1984. N 5. S. 489.
- ⁶⁴ Kováčová E. Zaměstnanosť v československom... S. 51.
- ⁶⁵ Kalíšký J., Straka P. Analyza vzdělania a kvalifikácie pracovných sil v SSR // Ekonomicky časopis. 1984. N 1. S. 89.
- ⁶⁶ Так, доля выпускников даже основной девятилетней школы, которые не освоили ее программу, возросла в Чешских землях до 14,2%, в Словакии — до 20,3% (Vývoj populácie v ČSSR najmä z demografických hľadisk. Br., 1972. S. 109).
- ⁶⁷ Kalinová L. Vzdělání a kvalifikace jako faktory intenzifikace ekonomiky a rozvoje socialistické společnosti // Politická ekonomie. 1984. N 5. S. 452.
- ⁶⁸ Vývoj společnosti ČSSR: Podle výsledku sčítání lidu, domů a bytů 1980. Č. 1. Pr., 1985. S. 119.
- ⁶⁹ Ibid. S. 127.
- ⁷⁰ Kalinová L. Zaměstnanost, vzdělání, intenzifikace. Pr., 1986. S. 189.

- ⁷¹ Vývoj společnosť ČSSR... S. 126.
- ⁷² Matějů P. Demokratizace vzdělání a reprodukce vzdělanostní struktury v ČSSR ve světle mobilitních dat // Sociologický časopis. 1986. N 2. S. 145.
- ⁷³ Ibid. S. 147.
- ⁷⁴ Charvát F., Linhart J., Večerník J. Vývoj sociálně třídní struktury Československa v třiceti letech budování socialismu // Sociologický časopis. 1975. N 5. S. 469.
- ⁷⁵ Slivka K., Slivková D. Tendencie vyvoja technickej inteligencie v podmienkach budo-vania rozvinutoj socialistickej spoločnosti // Sociologia. 1981. N 6. S. 657.
- ⁷⁶ Гулакова М., Вечерник Й., Гартл Я., Шандерова Я. Социальное развитие рабо-чего класса ЧССР...
- ⁷⁷ Charvát F. K aktuálním problémům vývoje sociálně třídní struktury naší společnosti // Sociologia. 1982. N 1. S. 19.
- ⁷⁸ Ibid. S. 20.
- ⁷⁹ Показатели динамики уровня образования и квалификации экономически активного населения рассчитаны по: Kalinova L. Zaměstnanost, vzdělaný, intenzifikace... S. 142.
- ⁸⁰ Machonin P. et al. Československá společnost. Br., 1969. S. 512.
- ⁸¹ Kutta F. Zmény ve struktuře pracovní sily ČSSR — intenzívny faktor rústu efektívnosti narodeného hospodárstva // Sociologický časopis. 1975. N 2. S. 147.
- ⁸² Brenner V., Hroudová M. Věda a vysokoškolské vzdělání v prestiži povolání // Sociologický časopis. 1967. N 5. S. 549.
- ⁸³ Kadlecová E. Sociologický výzkum religiozity Severomoravského kraje. Pr., 1967. S. 147.
- ⁸⁴ Ibid. S. 150—151.
- ⁸⁵ Macháček L. // Hnutí mládeže a formování socialistické hodnotové orientace // Sociologie. 1988. N 2. S. 135.
- ⁸⁶ Jurovský A. Osobnosť človeka pri práci. Br., 1980. S. 44, 45; Malá E. Sebarealizácia osobnosti ako dimenzia jej kultúrnej úrovne // Sociologia. 1977. N 4. S. 348.
- ⁸⁷ Hromadka M. Odvětví kultury a planování socialního rozvoje. Pr., 1982. S. 182—183; Kutta F. Zmény ve struktuře pracovní sily ČSSR... S. 155.
- ⁸⁸ Jurovský A. Osobnosť človeka... S. 54.
- ⁸⁹ Grác J. Pohľady do psychológie hodnotovej orientácie mládeže. Br., 1979. S. 258.
- ⁹⁰ Лишь у небольшой части работников — менее трети, — согласно результатам одного из опросов, выполняемая производительная деятельность в какой-то степени совпадала с первоначальными планами (Jurovský A. Osobnosť človeka... S. 70).
- ⁹¹ Šipoš I., Kolárik T. Sociálna psychológia práce. Br., 1975. S. 10, 60.
- ⁹² Гулакова М., Вечерник Й., Гартл Я., Шандерова Я. Социальное развитие рабочего класса ЧССР... С. 75.
- ⁹³ Там же. С. 82.
- ⁹⁴ Гольда Д., Мунк Й., Матейовский А. Социологические исследования системы образования в ЧССР // Система образования и социальная структура. Будапешт, 1980. С. 141—142.
- ⁹⁵ Mládež jako faktor sociálního rozvoje // Sociologický časopis. 1988. N 2. S. 149.
- ⁹⁶ Graca Š. Spokojnosť pracovníkov s vykonávanou pracou — dôležitý činitel' pre stabi-lizáciu pracovných kolektívov // Psychologie v ekonomickej praxi. 1982. N 2. S. 65.
- ⁹⁷ Ibid. S. 73.
- ⁹⁸ Bartek K. Pracovná motivácia a spokojenosť v odměňovaní // Práce a mzda. 1970. N 8. S. 386.
- ⁹⁹ Bulík J. Sociálna motivácia k práci // Československá psychologie. 1970. N 5. S. 421.
- ¹⁰⁰ Менее 1/5 рабочих и техников крупнейшего металлургического комбината г. Остравы в 1964 г. связывало возможность повышения зарплаты с ростом уровня своей квалификации (Matusák J., Kolbaba J. Sociálně psychologický výzkum k některým otazkám odměňování v NHKG // Práce a mzda. 1967. S. 199).
- ¹⁰¹ Лоудин И. Отношение чехословацких рабочих и служащих к научно-техническому прогрессу // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1989. С. 58.
- ¹⁰² Tesařová D. Vývoj pracovních sil a změny v jejich využití v dlouhodobém vývoji 1949—1985 // Práce a mzda. 1987. N 3. S. 54.
- ¹⁰³ Ibid. S. 55—57.
- ¹⁰⁴ Kalinová L. K přestavbě hospodářského mechanismu // Politická ekonomie. 1988. N 6. S. 564.
- ¹⁰⁵ Ibid. S. 567.

- ¹⁰⁶ Фиала Я. Перспективы использования кадров с высшим образованием в народном хозяйстве ЧССР // Проблемы определения потребностей народного хозяйства в кадрах специалистов. Тбилиси, 1980. Т. 4. С. 105.
- ¹⁰⁷ Srb V., Ziegenfuss V., Bulíř M. Národnostní politika a národnostní školství // Demografie. 1990. N 3. S. 213.
- ¹⁰⁸ Ibid. S. 214.
- ¹⁰⁹ Matějů P. Role vzdělání a kvalifikace ve vykonové společnosti // Sociologický časopis. 1990. N 4. S. 290.
- ¹¹⁰ Ibid.
- ¹¹¹ Ibid. S. 294.
- ¹¹² Kalinová L. Vzdělání a kvalifikace jako faktory integrace... S. 453.
- ¹¹³ Slezák D. Hodnotová sféra pod vlivem stagnace a tendenze jejího dalšího vývoje do listopadu 1989 // Sociologický časopis. 1990. N 4. S. 318.

Глава III

- ¹ Srb V. Demografická príručka (1966). Pr., 1967. S. 152.
- ² Ibid.
- ³ Soudobé tendence vývoje národnosti v ČSSR. Pr., 1987. S. 167—168.
- ⁴ Значительная часть перемещений населения из одного села в другое была связана с процессами сельскохозяйственного освоения чешского пограничья после выселения оттуда немцев в 1945—1947 гг. Этот процесс проходил неравномерно и достаточно стихийно. В 1947—1953 гг. отток переселенцев даже превышал здесь их приток, и лишь впоследствии недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве региона был преодолен (Slezák L. Socialistická přestavba v Československu a pracovní sily // Československý časopis historický. 1987. N 1. S. 533).
- ⁵ Ružička L. Venkovské obyvatelstvo v ČSSR // Statistika a demografie. Pr., 1964. S. 202.
- ⁶ Pacík P. Sociologické aspekty urbanizačních trendů v současné migraci československého obyvatelstva // Sborník práci filozofické fakulty Brněnské univerzity. Řada Sociálněvědná. Brno, 1979. N 22/23. S. 74.
- ⁷ Srb V., Kučera M. Stehování a poměřování obyvatelstva v Československu // Sociologický časopis. 1965. N 3. S. 255.
- ⁸ Srb V. Demografická příručka. 1966. S. 26.
- ⁹ Kouba R. Pohyb obyvatelstva a urbanizácia // Planováné hospodářství. 1967. N 7.
- ¹⁰ Barnovský M. Niektoré problémy vývoja miest na Slovensku v období socialistické industrializácie // Historický časopis. 1973. N 2. S. 215.
- ¹¹ Соотношение численности работников сельскохозяйственных кооперативов Чешских земель в возрасте 14—19 лет и старше 60 лет в 1956 г. составляло 0,3:1,0; в 1960 — 0,25:1,0. В Словакии это соотношение было несколько более благоприятным, соответственно — 0,6:1,0 и 0,3:1,0 (Srb V., Kučera M. Struktura obyvatelstva v městech a na vesnici v ČSR // Sociologický časopis. 1966. N 3. S. 411).
- ¹² Lamser V. Příspěvek k sociální problematice zemědělského obyvatelstva // Sociální revue. 1962. N 4/5. S. 168.
- ¹³ В среднем на промышленность и строительство в сельских поселениях приходилось в 1961 г. 39,1% занятых, на сельское хозяйство — 30,6%, на непроизводственную сферу — 15,3% (Srb V., Kučera M. Struktura obyvatelstva... S. 406).
- ¹⁴ Ullmann O., Andrlík A. Bydliště a přítomné obyvatelstvo podle posledního sčítání lidu // Demografie. 1965. N 2/3. S. 213.
- ¹⁵ Srb V., Wynnyczuk K. Demografické základy výstavby měst a zavodů // Statistika a kontrola. 1962. N 12. S. 728.
- ¹⁶ Machačová J., Matějček J. Vývoj sociálních struktur... S. 126.
- ¹⁷ Zahálka J., Psutka J. Demograficko-urbanistický vývoj v Severních Čechách // Demografie. 1984. N 4. S. 316.
- ¹⁸ Башкиров А.Н. О выравнивании уровней социально-экономического развития регионов ЧССР // Национальный вопрос за рубежом. М., 1989. С. 104.
- ¹⁹ Outrata R. Oblastná stránka dlouhodobého výhľadu rozvoja narodného hospodářstva // Planováné hospodářství. 1978. N 9. S. 87.
- ²⁰ Musil J., Ryšavý Z. Urbanizace na území ČSR v období 1850—1980 // Demografie. 1982. N 3. S. 226.

- ²¹ Vývoj obyvatelstva hlavního města Prahy v letech 1920—1965. Pr., 1967. S. 14.
- ²² *Musil J., Ryšavý Z.* Vývoj regionálních procesů v českých zemích v období 1869—1980 // Demografie. 1983. N 3. S. 200.
- ²³ Vyvoj obyvatelstva hlavního města Prahy... S. 5.
- ²⁴ *Musil J.* Demografická struktura a vývoj Prahy // Sociologický časopis. 1977. N 1. S. 37.
- ²⁵ *Pavlík Z., Rychtaříková J., Šubrtová A.* Základy demografie... S. 489.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Ibid. S. 499.
- ²⁸ Аналіз направлений и структуры миграций населения на примере ЧССР. Новосибирск, 1986. С. 35.
- ²⁹ *Srb V.* Demografická příručka. Pr., 1966. S. 152.
- ³⁰ *Hoffmann P.* Priestorové souvislosti a faktory reprodukčního procesu. Br., 1984. S. 158.
- ³¹ *Musil J., Ryšavý Z.* Urbanizace na území ČSR... S. 227—228.
- ³² *Musil J.* Urbanizace v socialistických zemích. Pr., 1977. S. 235.
- ³³ Ibid. S. 233.
- ³⁴ *Srb V., Kučera M.* Stěhování a poměr'ování obyvatelstva... S. 253.
- ³⁵ Ibid. S. 254.
- ³⁶ *Svetoh J., Vavra Z.* Reprodukce obyvatel'stvá v Československu po druhé svetovej vojne. Br., 1965. S. 41.
- ³⁷ Ibid. S. 117.
- ³⁸ Ibid. S. 74—75.
- ³⁹ *Srb V., Kučera M.* Struktura obyvatelstva... S. 416.
- ⁴⁰ Ibid. S. 412.
- ⁴¹ *Srb V., Havlíček.* Demografická studie // Demografický sborník. Pr., 1959. S. 151—152.
- ⁴² Ibid. S. 161.
- ⁴³ *Srb V., Kučera M.* Stěhování a poměr'ování obyvatelstva... S. 250.
- ⁴⁴ *Barnovský M.* Niektoré problémy vývoja miest... S. 288.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ *Srb V., Kučera M.* Stěhování a poměr'ování obyvatelstva... S. 257.
- ⁴⁷ Ibid. S. 255.
- ⁴⁸ Вместе с тем в Североморавской области в 1963 г. 40% населения жило в переполненных квартирах и столько же считало свои жилищные условия неудовлетворительными. Причем в новых квартирах на одного человека приходилась даже меньшая площадь (9 кв. м), чем в среднем по области (10,1 кв. м) (*Kadlecová E.* Sociologický výzkum religiozity... S. 65).
- ⁴⁹ *Večerník J.* K otázce vztahu migrace a životní úrovni // Demografie. 1971. N 4. S. 320—321.
- ⁵⁰ Ibid. S. 324.
- ⁵¹ Vědecky ateizmus. Pr., 1984. S. 321.
- ⁵² *Kadlecová E.* Sociologický výzkum religiozity... S. 155.
- ⁵³ Ibid. S. 36—37.
- ⁵⁴ Ibid. S. 45.
- ⁵⁵ Ibid. S. 59.
- ⁵⁶ Ibid. S. 156.
- ⁵⁷ Ibid. S. 82.
- ⁵⁸ Ibid. S. 56.
- ⁵⁹ Ibid. S. 93, 102, 157.
- ⁶⁰ Ibid. S. 96.
- ⁶¹ *Růžička L.* Sebevražednost v Československu z hlediska demografického a sociologického. Pr., 1968. S. 81.
- ⁶² Ibid. S. 83.
- ⁶³ Ibid. S. 92.
- ⁶⁴ Криминология. М., 1982. С. 93.
- ⁶⁵ *Malinová H.* Stresové faktory velkoměstského způsobu života // Socialna politika. 1970. N 4. S. 5.
- ⁶⁶ *Svetoh J.* Obyvatelstvo Slovenska za kapitalismu. S. 194.
- ⁶⁷ В 1961 г. в промышленности и строительстве в городах Чешских земель было занято 49,7% населения, в Словакии — 43,3%, в непроизводственной сфере — соответственно 30,9 и 35,8% (*Srb V., Kučera M.* Struktura obyvatelstva... S. 406).
- ⁶⁸ *Slepčík A.* Venkov a/nebo město. S. 199.

- ⁶⁹ Barnovský M. Niektoré problémy vývoja miest... S. 223.
- ⁷⁰ Bašovský O. Príspevok k funkcionálnej klasifikácii miest a prechodných sídel Slovenska podľa stavu r. 1950 // Geografický časopis. 1963. N 1. S. 24—25.
- ⁷¹ Barnovský M. Niektoré problémy vývoja miest... S. 226.
- ⁷² Srb V., Kučera M. Struktura obyvatelstva... S. 408.
- ⁷³ Pranda A. Základné faktory procesu zmien slovenskej a českej ľudovej kultúry po druhej svetovej vojne // Premeny ludových tradícii v súčasnosti. I. S. 41.
- ⁷⁴ Cambel S., Kratochvílová Ž. Predbežné výsledky výskumu dejín kolektivizácie československého pol'nohospodárstva // Československý časopis historický. 1986. N 2. S. 177.
- ⁷⁵ Macko F. K materiálnej a duchovnej stránke životnej úrovne robotníkov — vlastníkov pôdy // Sociologický časopis. 1966. N 1. S. 64—77.
- ⁷⁶ Pranda A. Základné faktory procesu zmien... S. 44, 48.
- ⁷⁷ Barnovský M. Niektoré problémy vývoja miest... S. 218.
- ⁷⁸ В 1946—1961 гг. в чехословакском селе построено 47% общей численности новых квартир, в том числе в Словакии — 64,6% (*Musil J. Sociologie bydlení. Pr., 1971. S. 259.*)
- ⁷⁹ Barnovský M. Niektoré problémy vývoja miest... S. 218.
- ⁸⁰ Jureček Z. Stav domovního a bytového fondu v Československu // Statistika. 1964. N 2. S. 87.
- ⁸¹ Katriak M. K procesu socialistického rozvoja československej dediny // Sociologický časopis. 1978. N 2. S. 139.
- ⁸² Barnovský M. Niektoré problémy vývoja miest... S. 225—227.
- ⁸³ Cirbes V. et al. Sociálny rozvoj Slovenska... S. 130.
- ⁸⁴ Ullmann O., Andrle A. Bydlíci a přítomné obyvatelstvo... S. 213.
- ⁸⁵ Ibid. S. 212.
- ⁸⁶ Barnovský M. Niektoré problémy vývoja miest... S. 207.
- ⁸⁷ Ibid. S. 208.
- ⁸⁸ Ibid.
- ⁸⁹ Hampl M. Rozdíly ve vývoji geografické koncentrace obyvatelstva v českých zemích a na Slovensku // Demografie. 1979. N 1. S. 49—50.
- ⁹⁰ Svetovň J., Vávra Z. Reprodukce obyvatelstva v Československu... S. 112.
- ⁹¹ Srb V., Kučera M. Stěhování a poměstování obyvatelstva... S. 227; *Idem.* Struktura obyvatelstva... S. 414.
- ⁹² В 1930 г. численность женщин была в Словакии выше, чем мужчин, только в населенных пунктах с менее 10 тыс. жителей (Barnovský M. Niektoré problémy vývoja miest... S. 227).
- ⁹³ Анализ направлений и структуры миграций... С. 35.
- ⁹⁴ Andrle A. Vývoj československých mest 1869—1970 // Geografický časopis. 1978. N 2. S. 136.
- ⁹⁵ Pašiak J. Človek a jeho sídla. Br., 1980. S. 214—215.
- ⁹⁶ Рассчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR. Pr., 1985. С 429, 630.
- ⁹⁷ Pašiak J. Človek... S. 212.
- ⁹⁸ Slezák L. Socialistická přestavba zemědělství... S. 531.
- ⁹⁹ Ламсер З., Сура И. Человек в социалистическом хозяйстве. М., 1982. С. 73.
- ¹⁰⁰ Hornád J. Work time, non-work time and leisure in Czechoslovakia during the 1970s and 1980s: a survey of the Czech and Slovak sources // East Central Europe. 1989. N 1/2. P. 96.
- ¹⁰¹ Ламсер З., Сура И. Человек... С. 75.
- ¹⁰² Закон о пенсионном обеспечении 1975 г. уравнял в правах членов ЕСХК и работников госсектора.
- ¹⁰³ Ламсер З., Сура И. Человек... С. 79.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 191.
- ¹⁰⁵ Vécerňk J. Mzdová a příjmová deferenciace v Československu: některá systémová specifika // Sociologický časopis. 1989. N 3. S. 265; Nástín hospodářských dejin... S. 285.
- ¹⁰⁶ Уже в 1963 г. среднегодовые денежные доходы от приусадебного хозяйства в пересчете на постоянно занятого кооперированного крестьянина составили 43,7% от уровня 1958 г. (Karlík J. et al. Československé zemědělství a pracovní síly. Pr., 1963. S. 177).
- ¹⁰⁷ Ламсер З., Сура И. Человек... С. 197.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 256.

- ¹⁰⁹ Nástin hospodášských dějin... S. 285.
- ¹¹⁰ Horná J. Work time, non-work time and leisure... P. 96.
- ¹¹¹ Slepčík A. Venkov a/nebo město... S. 219.
- ¹¹² Bauch V. Dve etapy života slovenskej dediny. Br., 1984. S. 91.
- ¹¹³ Lamsler Z., Cypa I. Человек... С. 202.
- ¹¹⁴ Tam же. С. 267.
- ¹¹⁵ Slepčík A. Venkov a/nebo město. S. 323.
- ¹¹⁶ Andrej A., Srb V. Bydlení rodin ve světle údajů sčítání lidu, domů a bytů 1980 // Demografie. 1984. N 2. S. 104.
- ¹¹⁷ Majerová V. Bytové podmínky pracovníků v socialistickém zemědělství // Sociologie zemědělství. 1987. N 2. S. 108.
- ¹¹⁸ Баух В., Буршан А. Формирование социальной структуры земледельческого и деревенского населения в ЧССР // Общее и особенное в развитии социальной структуры сельского населения социалистических стран. М., 1986. С. 157.
- ¹¹⁹ Majerová V. Rozdíly v životní úrovni a životním spůsobu držstevních rolníků a pracovníků státních statku // Sociologie zemědělství. 1988. N 1. S. 37.
- ¹²⁰ Majerová V. Tendence a směry formování socialistického způsobu života pracovníků v zemědělství // Sociologie zemědělství. 1986. N 1. S. 35; Eadem. Rozdíly v životní úrovni a životním spůsobu... S. 37.
- ¹²¹ Pourová M. Příčiny a sociálně ekonomické důsledky fluktuace pracovních sil v zemědělských podnikářích // Sociologie zemědělství. 1987. N 1. S. 31.
- ¹²² Majerová V. Rozdíly v životní úrovni a životním spůsobu... S. 42.
- ¹²³ Lamsler Z., Cypa I. Человек... С. 97.
- ¹²⁴ Tam же. С. 89.
- ¹²⁵ Majerová V. Tendence a směry formování... S. 30.
- ¹²⁶ Ibidem.
- ¹²⁷ Šima J. Sociální a ekonomické aspekty územní a profesní mobility pracovníků v zemědělství // Sociologie zemědělství. 1978. N 1. S. 25.
- ¹²⁸ Lamsler Z., Cypa I. Человек... С. 91.
- ¹²⁹ Hudeček J. Změny v charakteru práce a pracující mládež // Sociologia. 1989. N 2. S. 197.
- ¹³⁰ Munk J. Vzdělání v procesu budování socialismu v ČSSR // Sociologický časopis. 1982. N 2. S. 180.
- ¹³¹ Баух В., Палка Т. Процесс устранения социальных различий между городом и деревней в ЧССР (общее и особенное) // Уменьшение различий между городом и деревней как закономерность совершенствования социализма. М., 1986. С. 121.
- ¹³² Majerová V. Tendence a směry formování... S. 31.
- ¹³³ Ibid.
- ¹³⁴ Majerová V. Rozdíly v životní úrovni a životním způsobu... S. 37.
- ¹³⁵ Суханек Я. Регулирование трудовых отношений кооперированных крестьян ЧССР // Государство и право. 1986. № 6. С. 78.
- ¹³⁶ Баух В., Буршан А. Формирование социальной структуры... С. 151.
- ¹³⁷ Šima J. Sociální a ekonomické aspekty územní a profesní mobility... S. 59.
- ¹³⁸ Charvát F. K aktuálním problémům vývoje sociálně těždní struktury... S. 30.
- ¹³⁹ Prusák P. Stav religiozity a proces sekularizace v podmienkach socialistického vývoja dediny // Sociologia. 1980. N 4.
- ¹⁴⁰ Malá E. Úloha kultúry v rozvoji socialistického spôsoba života mládeže // Sociologia. 1979. N 1. S. 96.
- ¹⁴¹ Cirbes V. et al. Sociálny rozvoj Slovenska... S. 218, 225.
- ¹⁴² Lešková M. Vplyv socialistické industrializace... S. 112.
- ¹⁴³ Vaněcková Z. Kronikařská práce Jozefa Kafky z Čekanic // Vesnice. Pr., 1976. II. S. 186.
- ¹⁴⁴ Roško P. K otázce triednej sebaidentifikácie členov robotníckej triedy // Sociologia. 1988. N 1. S. 26.
- ¹⁴⁵ Ibid. S. 18.
- ¹⁴⁶ Spôsob života družstevnej dediny. Z etnografických výskumov obce Sebechleby. Br., 1986. S. 44.
- ¹⁴⁷ Michálek J. Tradičná rol'nická kultúra na Slovensku a kolektivizácia // Skušenosti KSČ a KSSZ z riešenia rolnickej otázky. Br., 1985. S. 297.

- ¹⁴⁸ В 1946 г. 95% взрослого населения Словакии относилось к числу верующих (*Hodovský I.* Vedecký ateizmus v duchovnej kultúre socialistického Československa // Ateizmus. 1983. N 1. S. 10).
- ¹⁴⁹ *Prusák P.* Naboženstvo a sekularizácia v podmienkach socialistického Slovenska // Problémy svetonázorovej výchovy. Br., 1971. S. 229; *Idem.* Sekularizácia a religiozita na Slovensku // Ateizmus. 1975. N 2. S. 86—87; *Idem.* Stav religiozity a proces sekularizácie v podmienkach socialistického vývoja dediny // Ateizmus. 1980. N 4. S. 347—348.
- ¹⁵⁰ *Prusák P.* Sekularizácia a religiozita na Slovensku... S. 92; *Sekot A.* Sociologické dimenze religiozity // Sociologie. 1984. N 1. S. 18.
- ¹⁵¹ *Leščák M.* K niektorým aspektom vývinu slovenskej ľudovej kultúry po roku 1945 // Slovenský narodopis. 1980. N 3. S. 370—371.
- ¹⁵² *Leščák M.* Úloha filmu a televízie v súčasnom vývine ľudovej kultury // Slovenský narodopis. 1981. N 4. S. 594—595.
- ¹⁵³ Čas života: Rodinné a společenské svátky v životě člověka. Brno, 1985. S. 39.
- ¹⁵⁴ *Bezouška J.* Vybrané šetrení o využívání času a kulturním rozvoji obyvatelstva ČSSR // Demografie. 1982. N 1. S. 37—39; *Brečka S.* Účinnosť televízneho spravodajstva. Br., 1975. S. 27; *Fábry V.* Volný čas a aktivity mestského človeka. Br., 1970. S. 100—101; *Idem.* Volný čas obyvateľov dediny. Br., 1972. S. 57, 68—69.
- ¹⁵⁵ *Robek A.* K některým otázkám modifikací tradice v oblasti sociálních vztahů a duchovní kultury // Premeny ľudových tradičí. S. 93.
- ¹⁵⁶ *Slepčík A.* Venkov a/nebo město. S. 218.
- ¹⁵⁷ *Katriak M.* K procesu socialistického rozvoja československej dediny // Sociologický časopis. 1978. N 2. S. 139.
- ¹⁵⁸ *Баух В., Палка Т.* Процесс устранения социальных различий... С. 120.
- ¹⁵⁹ *Slepčík A.* Venkov a/nebo město. S. 217, 228.
- ¹⁶⁰ Рассчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR. S. 62.
- ¹⁶¹ *Баух В., Палка Т.* Процесс устранения социальных различий... С. 136.
- ¹⁶² *Lesková M.* Vplyv socialistické industrializácie na mobilitu a zmenu systému hodnot vidieckého obyvatelstva na východnom Slovensku // Sociologie zemědělství. 1971. N 2.
- ¹⁶³ *Pisca L.* Zmeny spôsobu života vidieckej populácie // Sociologie. 1984. N 2. S. 187.
- ¹⁶⁴ *Баух В., Буриан А.* Формирование социальной структуры... С. 158.
- ¹⁶⁵ *Trnková V.* Životní prostředí v názozech městského a venkovského obyvatelstva // Sociologie zemědělství. 1981. N 1. S. 19.
- ¹⁶⁶ *Zemko J.* Územný a sociálny rozvoj sídel. Br., 1984. S. 109.
- ¹⁶⁷ *Krlíček Z.* Charakteristické rysy současné venkovské rodiny v ČSSR // Sociologie zemědělství. 1977. N 1. S. 46.
- ¹⁶⁸ *Antošová M.* Kyvaldová migrácia v procese formovania socialistického spôsobu života na vidieku // Sociologie zemědělství. 1988. N 1. S. 46.
- ¹⁶⁹ Рассчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR. S. 62.
- ¹⁷⁰ *Hrdlička M.* Preference sídelních prostorů Čech // Demografie. 1983. N 1. S. 56.
- ¹⁷¹ *Šima A.* Smíšenosť venkova a pohyb obyvatelstva v procesu sblížování životních podmínek medzi venkovem a městem // Sociologie zemědělství. 1980. N 2. S. 97.
- ¹⁷² *Trnková V.* Proměny v názozech venkovského obyvatelstva na život ve městě a na venkově // Sociologie zemědělství. 1979. N 2. S. 123.
- ¹⁷³ *Musil J., Ryšavý Z.* Vývoj regionálních procesů... S. 201.
- ¹⁷⁴ *Šima A.* Smíšenosť venkova a pohyb obyvatelstva... S. 95.
- ¹⁷⁵ *Musil J.* Urbanizace v socialistických zemích... S. 214.
- ¹⁷⁶ *Šima A.* Smíšenosť venkova a pohyb obyvatelstva... S. 97.
- ¹⁷⁷ *Ibid.* S. 95.
- ¹⁷⁸ *Ibid.*
- ¹⁷⁹ *Ibid.* S. 97.
- ¹⁸⁰ *Hrdlička M.* Preference sídelních prostorů Čech... S. 52—53.
- ¹⁸¹ *Ibid.* S. 50.
- ¹⁸² *Mrklasová M.* Migrační a sídelní preference ústeckých středoškoláků // Demografie. 1988. N 4. S. 325.
- ¹⁸³ *Zemko J.* Územný a sociálny rozvoj sídel. S. 166.
- ¹⁸⁴ *Ďurďovič F., Petrík J.* Obyvatelstvo SSR a jeho územné rozmiestenie // Demografie. 1982. N 2. S. 124.
- ¹⁸⁵ *Zemko J.* Územný a sociálny rozvoj sídel. S. 251.

- ¹⁸⁶ Ďurďovič F., Petrík J. Obyvateľstvo SSR... S. 124.
- ¹⁸⁷ Zemko J. Územný a sociálny rozvoj sídel. S. 251.
- ¹⁸⁸ Ibid. S. 210.
- ¹⁸⁹ Ibid. S. 167.
- ¹⁹⁰ Slepčík A. Venkov a/nebo město. S. 240.
- ¹⁹¹ Ibid. S. 241—242.
- ¹⁹² Zemko J. Územný a sociálny rozvoj sídel. S. 76.
- ¹⁹³ Slepčík A. Venkov a/nebo město. S. 243.
- ¹⁹⁴ Slepčík A. Aktuální problémy sblížování města a venkova v ČSSR // Sociologia. 1984. N 2. S. 200.
- ¹⁹⁵ Zemko J. Územný a sociálny rozvoj sídel. S. 228.
- ¹⁹⁶ Ibid. S. 238.
- ¹⁹⁷ Ibid. S. 172.
- ¹⁹⁸ Ibid. S. 236.
- ¹⁹⁹ Ibid. S. 243.
- ²⁰⁰ Ibid. S. 195.
- ²⁰¹ Slepčík A. Venkov a/nebo město. S. 287.
- ²⁰² Zemko J. Územný a sociálny rozvoj sídel. S. 255.
- ²⁰³ Ibid. S. 257.
- ²⁰⁴ Ibid. S. 258.
- ²⁰⁵ Ibid. S. 259.
- ²⁰⁶ Prusák P. Urbanizácia a sekularizácia // Ateizmus. 1984. N 1. S. 19; Kvasnička B. Socialistická spoločnosť a naboženstvo. Br., 1982. S. 239.
- ²⁰⁷ Halečka T., Sisáková O. Odraz procesu sekularizácie v hodnotovej orientácii veriacej mladéže // Ateizmus. 1975. N 2. S. 146—147; Kvasnička B. Socialistická spoločnosť... S. 226.
- ²⁰⁸ Эта зависимость проявлялась в том, что в конце 60-х годов религиозное мировоззрение имело 79% опрошенных в поселениях с менее 2 тыс. жителей, 68% — с 2—10 тыс., 64% — с 10—100 тыс. и 54% — более 100 тыс. (Prusák P. Urbanizácia a sekularizácia... S. 104).
- ²⁰⁹ Mrklasová M. Migrační a sídelní preference usteckých středoškoláků... S. 325—326.
- ²¹⁰ Horná J. Work time, non-time and leisure... P. 97.
- ²¹¹ Slepčík A. Venkov a/nebo město. S. 246.
- ²¹² Ibid. S. 249.
- ²¹³ Город и мы. М., 1973. С. 45.
- ²¹⁴ Pištora L., Srb J. Vztah hlavního města Prahy a příměstských okresů // Statistika. 1983. N 5. S. 233—234.
- ²¹⁵ Robek A. K problematice studia spůsobu života a kultury současného vesnického a městského obyvatelstva // Český lid. 1975. N 4. S. 192.
- ²¹⁶ Лешчак М. Развитие современного свадебного обряда в Словакии // Традиции в современном обществе. М., 1989. С. 141.
- ²¹⁷ Horná J. Work.time, non-work time and leisure... P. 102.
- ²¹⁸ Krcho. S. Produktivita práce a jej sociálne dimenzie // Práce a mzda. 1989. N 11. S. 2.
- ²¹⁹ Radíčkova I. O zemitosti nášho vol'ného času // Sociologia. 1989. N 4.

Глава IV

- ¹ Svetoh J., Varva Z. Reprodukce obyvatelstva v Československu. S. 233.
- ² Ibid. S. 161.
- ³ Ibid. S. 187.
- ⁴ Ibid. S. 162.
- ⁵ Svetoh J. Vývoj nadumrtnosti mužov v Československu // Statistika a demografie. 1963. III. S. 381.
- ⁶ Svetoh J., Vávra J. Reprodukce obyvatelstva v Československu. S. 183.
- ⁷ Pavlik Z., Rychtaříková J., Šubrtová A. Základy demografie. S. 573.
- ⁸ Rychtaříková J. Vývoj umrtnosti v ČSR podle pohlaví a věku v období 1950—1984 // Demografie. 1987. N 3. S. 194.
- ⁹ Svetoh J., Vávra Z. Reprodukce obyvatelstva v Československu. S. 150.

- ¹⁰ Srb V., Haas V. Statistika příčin smrti a statistická klasifikace nemocí, úrazů a příčin smrti v Československu. Pr., 1956. S. 89.
- ¹¹ Ruchtařková J. Vývoj úmrtnosti v ČSR... S. 194.
- ¹² Ibid. S. 198.
- ¹³ Vývoj populácie v ČSSR... S. 27.
- ¹⁴ Srb V. Příčiny vzestupu úmrtnosti v letech 1960—1970 // Demografie. 1972. N 3. S. 219.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ruchtařková J. Vývoj úmrtnosti v ČSR... S. 204.
- ¹⁷ Pavlik Z., Ruchtařková J., Šubrtová A. Základy demografie. S. 171.
- ¹⁸ Ibid. S. 166.
- ¹⁹ Kučera M., Růžička L. Regionální rozdíly v úrovni umrtnosti obyvatelstva ČSSR (1960—1961) // Demografie. 1964. N 2. S. 116.
- ²⁰ Čtrnáct P. Regionální rozdíly v umrtnosti v letech 1980—1981 // Demografie. 1985. N 2. S. 130.
- ²¹ Ibid. S. 123.
- ²² Ibid. S. 124.
- ²³ Andrlé A., Srb V., Franclová M. Úmrtnost obyvatelstva v ČSSR 1980/1981 podle okresů // Demografie. N 1. S. 47.
- ²⁴ Čtrnáct P. Regionalní rozdíly v úmrtnosti... S. 127.
- ²⁵ Kučera M. Československo, 1918—1998 // Demografie. 1988. N 1. S. 5.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Kučera M. Reprodukce obyvatelstva ČSSR v letech 1961—1980 podle výsledků sčítání // Demografie. 1984. N 1. S. 20.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Kučera M. Rozdíly v úrovni polodnosti (diferenční plodnost) // Demografie. 1985. N 2. S. 112.
- ³⁰ Kučera M. Reprodukce obyvatelstva ČSSR... S. 30; Kazdová J., Koubek J. Územní diferenciace plodnosti žen v Československu a její změny v průběhu sedmdesátých let // Demografie. 1985. N 4. S. 319.
- ³¹ Kovář J. Plodnost žen v oblastech ČSR (1961—1976) // Demografie. 1983. N 2. S. 121.
- ³² Srb V., Kučerák J. Prieskum o populačných problémoch (1972). I // Demografie. 1974. N 1. S. 9; Srb V. Štětenská plodnosti — 1977 // Demografie. 1979. N 3. S. 207.
- ³³ Vereš P. Regionální vývoj plodnosti na Slovensku v letech 1910 až 1980 // Demografie. 1986. N 2. S. 116.
- ³⁴ Kučera M. Obyvatelstvo ČSSR v letech 1945—1965 // Demografie. 1965. N 2. S. 120.
- ³⁵ Писца Л. Развитие народонаселения и демографическая политика в Чехословакии // Демографические процессы в социалистическом обществе. М., 1981. С. 143.
- ³⁶ Pavlik Z., Ruchtařková J., Šubrtová A. Základy demografie. S. 326.
- ³⁷ Srb V., Kučerák J. Prieskum o populačných problémoch (1972). II // Demografie. 1974. N 2. S. 109.
- ³⁸ Kraus J. Průzkum plánování rodičovství (1985). I // Demografie. 1987. N 1. S. 28.
- ³⁹ Srb V., Kučerák J. Prieskum o populačných problémoch (1972). III // Demografie. 1974. N 3. S. 194—195.
- ⁴⁰ Kraus J. Průzkum plánování rodičovství (1985). II // Demografie. 1987. N 2. S. 108.
- ⁴¹ Прокопец Й. Замужняя женщина в семье и на работе. 1961 г. (очерк основных результатов исследования) // Рождаемость и ее факторы. М., 1968. С. 53.
- ⁴² Dunovský J. Mateřství zaměstnaných žen a problémy péče o jejich děti v nejútlejším věku // Sociologický časopis. 1971. N 2. S. 151.
- ⁴³ Jirková M. Vzdělání a emancipace ženy. Pr., 1982. S. 60.
- ⁴⁴ Jančár J. Monografie města Stražnice a národopisný vyzkum současnosti // Socializace vesnice a proměny lidové kultury. Kroměříž, 1984. Sv. 3. S. 89.
- ⁴⁵ Provazník D. Rodina v reprodukcii sociálnej štruktury // Sociologia. 1984. N 5. S. 497.
- ⁴⁶ Tesářová D. K zaměstnanosti žen v československém národním hospodařství // Statis-tika. 1985. N 2. S. 72.
- ⁴⁷ Ibid. S. 74.
- ⁴⁸ Jureček Z., Ullmann O. Věkové složení obyvatelstva ČSSR. III. // Statistika a demo-grafie. 1963 S 439.
- ⁴⁹ Ibid. S. 441.

- ⁵⁰ Zeman K. Otázky vyvoja zaměstnanosti v ČSSR osobitne na Slovensku. Br., 1968. S. 79.
- ⁵¹ Ibid. S. 101.
- ⁵² Večerník J., Vítěcková J. Změny v některých podmínkách a rysech spůsobu života pracujících žen v ČSSR // Sociologický časopis. 1976. N 1. S. 50.
- ⁵³ Žižková J. K otázkám dlouhodobého vývoje zaměstnanosti žen v ČSSR // Demografie. 1972. N 3. S. 213.
- ⁵⁴ Foret M., Illner M. Vývoj zaměstnanosti žen v ČSSR 1954—1973 ve světle vybraných statistických ukazatelů // Sociologický časopis. 1976. N 1. S. 88.
- ⁵⁵ Вечерник Й. Потребление рабочих семей в социалистической Чехословакии: тенденции роста и выравнивания // Рабочий класс СССР и ЧССР и научно-технический прогресс: сдвиги 80-х годов. М., 1988. С. 129.
- ⁵⁶ Hartl J., Večerník J. Premeeny dělnické rodiny v socialistickém Československu // Sociologický časopis. 1979. N 3/4. S. 318.
- ⁵⁷ Вечерник Й. Структура потребительских расходов семей рабочих и служащих в ЧССР // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1988. С. 36.
- ⁵⁸ Доля несовершеннолетних детей в семьях рабочих увеличилась в 1958—1965 гг. с 40 до более 50% (Вечерник Й. Потребление рабочих семей... С. 130).
- ⁵⁹ Hiršl M. Vliv změn v zaměstnanosti na příjmy a vydání domácnosti // Demografie. 1988. N 2. S. 119.
- ⁶⁰ Hartl J., Večerník J. Premeny dělnické rodiny... S. 314.
- ⁶¹ Tesárová D. K zaměstnanosti žen... S. 73.
- ⁶² Srb V. K dynamice socioprofesionální heterogamie v ČSSR // Sociologický časopis. 1967. N 1. S. 34.
- ⁶³ Srb V., Kučera M., Vysušilová D. Průzkum manželství, antikoncepcí a potratů (1959) // Demografie. 1961. N 1. S. 54.
- ⁶⁴ Schvarzová M. Pracovné podmienky žien a matiek. Br., 1989. S. 22.
- ⁶⁵ Bauerová J. Ekonomická zaměstnanost žen a socialistické hospodářství. Pr., 1972. S. 11, 14.
- ⁶⁶ Доля замужних экономически активных женщин в возрасте 25—29 лет у величились в Чешской Республике в 1961—1970 гг. с 58,8% в возрасте 30—40 лет — с 62,5 до 83,1%. (Pavlík Z., Rychtařková J., Šubrtová A. Základy demografie. S. 436).
- ⁶⁷ Schvarzová M. Pracovné podmienky žien... S. 22.
- ⁶⁸ Ibid. S. 29.
- ⁶⁹ В 1985 г. в отпуске по уходу за ребенком находилось в 16 раз больше женщин, чем в 1948 г. (Tesárová D. Vývoj pracovních sil a změny v jejich využití v dlouhodobém vývoji 1949—1985 // Práce a mzda. 1987. N 4. S. 54).
- ⁷⁰ Vývoj společnosti ČSSR. S. 131.
- ⁷¹ Tesárová D. Zaměstnanost žen v ČSSR v letech 1948—1988 // Statistika. 1990. N 1. S. 40.
- ⁷² Foret M., Illner M. Vývoj zaměstnanosti žen v ČSSR 1954—1973 ve světle vybraných statistických ukazatelů // Sociologický časopis. 1976. N 1. S. 87—88.
- ⁷³ Jirková M. Vzdělání a emancipace ženy. S. 72; Bartová E. Postavení a sociální participace ženy v různých sociálně ekonomických systémech. Pr., 1977. S. 141.
- ⁷⁴ Foret M., Illner M. Vývoj zaměstnanosti žen... S. 93.
- ⁷⁵ Svořenová-Kyráková B. Žena 20. století ve světě práce. Pr., 1968. S. 37.
- ⁷⁶ Vecerník J., Vítěcková J. Změny v některých podmínkách... S. 50.
- ⁷⁷ Jirková M. Vzdělání a emancipace ženy. S. 69.
- ⁷⁸ Dunovský J. Mateřství zaměstnanců žen a problémy péče o jejich děti v nejúltějším věku // Sociologický časopis. 1971. N 2. S. 156.
- ⁷⁹ Прокопец Й. Замужняя женщина в семье и на работе... С. 40.
- ⁸⁰ Večerník J., Vítěcková J. Změny některých podmínkách... S. 52.
- ⁸¹ Bárlová E., Bauerová J. Postavení ženy v současné rodině // Tvorba. 1980. N 25. S. 211.
- ⁸² Vrtiak V. Človek, praca, ekonomika. Br., 1988. S. 67.
- ⁸³ Bauerová J. Zaměstnata žena... S. 109.
- ⁸⁴ Bauerová J. Ekonomická zaměstnanost... S. 22.
- ⁸⁵ Bauerová J., Jančovičová J. Postavení žen a rodin v ČSSR // Sociologický časopis. 1983. N 2. S. 230.
- ⁸⁶ Matějů P. Demokratizace vzdělání a reprodukce vzdělanostní struktury v ČSSR ve světle mobilních dat // Sociologický časopis. 1986. N 2. S. 138.
- ⁸⁷ Bauerová J. Zaměstnana žena... S. 103.

- ⁸⁸ Jirková M. Vzdělání a emancipace ženy. S. 120, 134.
- ⁸⁹ Bauerová J. Rodinná problematika vedoucích pracovnic // Sociologický časopis. 1970. N 5. S. 451.
- ⁹⁰ Kučera M. Změny ve vývoji rodiny v posledních letech // Demografie. 1969. N 4. S. 304.
- ⁹¹ Matejů P. Demokratizace vzdělání a reprodukce... S. 131.
- ⁹² Рассчитано по: Historická statistická ročenka ČSSR S. 595, 794.
- ⁹³ Večerník J. Mobilitní aspekty reprodukce a rozvoje dělnické třídy // Sociologický časopis. 1983. N 1. S. 79.
- ⁹⁴ Vývoj společnosti ČSSR. S. 123.
- ⁹⁵ Ibid. S. 127.
- ⁹⁶ Šolcová M. Postavení ženy v socialistické společnosti. Pr., 1984. S. 65.
- ⁹⁷ Bauerová J., Jančovičová J. Postavení žen a rodin v ČSSR... S. 232.
- ⁹⁸ Jirková M. Vzdělání a emancipace ženy... S. 72.
- ⁹⁹ Bauerová J., Jančovičová J. Postavení žen a rodin v ČSSR... S. 229, 232.
- ¹⁰⁰ Bauerová J. Zaměstnana žena... S. 115.
- ¹⁰¹ Kalinová L., Sova V. Lidský potencial v podmienkach p řestavby. Pr., 1989. S. 84.
- ¹⁰² Плавкова О. Некоторые социологические аспекты использования квалификации женщин в ЧССР // Влияние социальных факторов на рост производительности труда. М., 1987. С. 119.
- ¹⁰³ Historická statistická ročenka ČSSR. S. 393.
- ¹⁰⁴ Kalinová L., Sova V. Lidský potencial... S. 95.
- ¹⁰⁵ Socialno-ekonomicke aspekty prace vo VTR. Br., 1976. S. 128.
- ¹⁰⁶ Nový J. Psychologické a organizačné predpoklady pre zavadení automatizace // Psychology v ekonomické praxi. 1987. N 4. S. 155.
- ¹⁰⁷ Svořenová-Királyová B. Žena 20. století. S. 66.
- ¹⁰⁸ Konšeková O. Socialno-ekonomicke aspekty zaměstnanosti žien. Br., 1968. S. 153.
- ¹⁰⁹ Večerník J. Vzdělání partnerů a příjmová úroveň domácnosti // Demografie. 1986. N 3. S. 195–196.
- ¹¹⁰ Vrtiak V. Človek, praca, ekonomika. S. 158.
- ¹¹¹ Kalinová L., Sova V. Lidský potencial... S. 122.
- ¹¹² Seklová A. Některé sociologické aspekty využití kvalifikace žen // Sociologia. 1980. N 6. S. 538.
- ¹¹³ Bauerová J. Rodinná problematika vedoucích pracovnic // Sociologický časopis. 1970. N 5. S. 450.
- ¹¹⁴ Žena a právo. Pr., 1971. SS. 16.
- ¹¹⁵ Konšeková O. Socialno-ekonomicke aspekty... S. 149.
- ¹¹⁶ Jančovičová J. Zvyšovanie účasti žien na riadení spoločnosti // Sociologia. 1973. N 3. S. 225; Jirková M. Vzdělání a emancipace ženy. S. 99.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 101.
- ¹¹⁸ Jančovičová J. Zvyšovanie účasti žien ... S. 227.
- ¹¹⁹ Prokopec J. Vdaná žena v rodině a zaměstnání (Přehled o zakladních výsledcích průzkumu) // Demografie. 1963. N 1. S. 27.
- ¹²⁰ Bárik K. Pracovná motivácia a spokojenosť v odmēňovaní // Práce a mzda. 1970. N 8. S. 389.
- ¹²¹ Alan J. Společnost—vzdělanost—jedinec. S. 172.
- ¹²² Víttek K., Vlčková V., Typovská L., Hrabcová J. Sociologické poznatky o současných manželstvích a o problémach pracujících žen. Pr., 1983. S. 125.
- ¹²³ Možný I. Muž v rodině a v práci // Sociologia. 1984. N 5. S. 534.
- ¹²⁴ Víttek K. et al. Sociologické poznatky o současných manželstvích... S. 123.
- ¹²⁵ Ibid. S. 125.
- ¹²⁶ Kalinová L., Sova V. Lidský potencial... S. 172.
- ¹²⁷ Bauerová J. Zaměstnaná žena... S. 117.
- ¹²⁸ Víttek K. et al. Sociologické poznatky o současných manželstvích... S. 128.
- ¹²⁹ Schwarzová M. Pracovné podmienky žien a matiek... S. 66.
- ¹³⁰ Víttek K. et al. Sociologické poznatky o současných manželstvích... S. 134.
- ¹³¹ Менее чем у 10% занятых женщин режим их работы корректировался в соответствии с необходимостью выполнения ими семейных обязанностей (Vrtiak V. Človek, praca, ekonomika. S. 67).
- ¹³² Bauerová J. Rodinná problematika vedoucích pracovnic... S. 459.

- ¹³³ Večerník J., Vitecková J. Změny v některých podminkách... S. 58; Jirková M. Vzdělání a emancipace ženy. S. 92.
- ¹³⁴ Vítěk K. et al. Sociologické poznatky o současných manželstvích... S. 129.
- ¹³⁵ Vytačil J. Struktura týdenního časového fondu manželů v rodinách se závislými dětmi v ČSR // Demografie. 1984. N 1. S. 35.
- ¹³⁶ Ibid. S. 37.
- ¹³⁷ Rendlová E. Struktura využití času rodin v různých fázích životního cyklu // Sociologický časopis. 1979. N 3/4. S. 367.
- ¹³⁸ Rendlová E. Demokratizace partnerských vztahů ve velkoměstské rodině středního věku // Demografie. 1987. N 3. S. 215.
- ¹³⁹ Horná J. Work time, non-work time and leisure... P. 98.
- ¹⁴⁰ Vytačil J. Struktura týdenního časového fondu... S. 36.
- ¹⁴¹ Večerník J., Vitecková J. Změny v některých podmínkách... S. 55.
- ¹⁴² Šolcová M. Postavení ženy... S. 125; Vereš P. Mladá manželství po pěti letech // Demografie. 1990. N 1. S. 46.
- ¹⁴³ Vítěk K. et al. Sociologické poznatky o současných manželstvích... S. 110.
- ¹⁴⁴ Možný I. Muž rodině a v práci... S. 532.
- ¹⁴⁵ Bauerová J. Rodinná problematika vedoucích pracovnic... S. 457.
- ¹⁴⁶ Bartová E., Bauerová J. Postavení ženy v současné rodině... S. 3.
- ¹⁴⁷ Hartl J., Vecerník J. Přeměny dělnické rodiny... S. 322.
- ¹⁴⁸ Гарта Л. Рабочая семья в социалистической Чехословакии // Рабочий класс СССР и ЧССР и научно-технический прогресс: сдвиги 80-х годов. С. 123.
- ¹⁴⁹ Jančovičová J. Zvyšovanie účasti žien...
- ¹⁵⁰ Vereš P. Mladá manželství po pěti letech... S. 46.
- ¹⁵¹ Прокопец Й. Замужняя женщина в семье и на работе. С. 63.
- ¹⁵² Vítěk K. et al. Sociologické poznatky o současných manželstvích... S. 135.
- ¹⁵³ Historická statistická ročenka ČSSR. S. 388.
- ¹⁵⁴ В 1985 г. 19% женщин в Чешских землях и 16% в Словакии все еще жаловались на невозможность устройства детей в ясли (*Kraus J. Průzkum plánování rodičovství* (1985). II. S. 112).
- ¹⁵⁵ Historická statistická ročenka ČSSR. S. 590, 789.
- ¹⁵⁶ Радичова И., Гурань П. Ценностные ориентации женщин в отношении к системе "труд—семья" // Влияние социальных факторов на рост производительности труда. М., 1987. С. 117.
- ¹⁵⁷ Šolcová M. Postavení ženy... S. 119.
- ¹⁵⁸ Čáková E. Veřejné mínění o rodině a dětech // Sociologicky časopis. 1979. N 3/4. S. 389—390.
- ¹⁵⁹ В 1963 г. Э. Кадлецова на материале Североморавской области показала четкую дифференциацию религиозности женщин в зависимости от рода их деятельности. Доля верующих среди занятых в сельском хозяйстве составляла 76%, вне его — всего 29%. Вовлечение в новую систему производственных отношений сопровождалось для прежде аграрного женского населения наиболее радикальной сменной идеологией (*Kadlecová E. Sociologický vyzkum religiozity*... S. 26).
- ¹⁶⁰ Soňková J. Nový jav vo svetonázorovej orientácii žien // Ateizmus. 1989. N 2. S. 169.
- ¹⁶¹ Bártová E., Bauerová J. Postavení ženy v současné rodině... S. 3.
- ¹⁶² Nerudová L. Mladá manželství po třech letech manželského soužití // Sb. práci filozofické fakulty Brněnské univerzity. Rada socialněvědná. 1986. N 30. S. 101—104.
- ¹⁶³ Гарта Л. Рабочая семья в социалистической Чехословакии... С. 122.
- ¹⁶⁴ Rendlová E. Demokratizace partnerských vztahů ve velkoměstské rodině středního věku // Demografie. 1987. N 3. S. 211—212.
- ¹⁶⁵ Prokopec J., Schüller V., Dytrych Z. Rozvody pražských manželství — situace tří roky po rozvodu // Demografie. 1984. N 4. S. 298.
- ¹⁶⁶ Schüller D., Prokopec J., Dytrych Z. Dítě jako "objekt" v rozvodovém procesu // Demografie. 1985. N 3. S. 223.
- ¹⁶⁷ Ibid. S. 226.
- ¹⁶⁸ Tutterová J., Rychtařšková J. Vývojové trendy rozvodovosti po roce 1950 v ČSR a SSR v kontextu legislativních změn // Demografie. 1989. N 3. S. 206; Finková Z. Rozvodovost v SSR a ČSR v rokoch 1950 až 1980 // Demografie. 1986. N 4. S. 312.
- ¹⁶⁹ Tutterová J., Rychtařšková J. Vývojové trendy rozvodovosti... S. 210, 212.

- ¹⁷⁰ Vereš P., Kocurová M. Regionální rozdíly v rozvodovosti v ČSSR // Demografie. 1987. N 4. S. 316.
- ¹⁷¹ Finková Z. Rozvodovost v SSR a ČSR // Demografie. 1986. N 4. S. 312.
- ¹⁷² Vereš P., Kocurová M. Regionální rozdíly v rozvodovosti v ČSSR... S. 316. О приоритете жилищного строительства в рабочих районах в 60-е годы и особенно в 70-е свидетельствует тот факт, что в 1971 г. в квартирах 1 (комфортабельной) категории проживало 7% семей рабочих, в 1970 г. — 25%, в 1977 г. — уже 41%. Структура жилого фонда рабочего класса превысила по качеству средний уровень (Hartl J., Večerník J. Pfemny dělnické rodiny... S. 320).
- ¹⁷³ Prokopec J., Schüller V., Dytrych Z. Rozvody pražských manželství... S. 303.
- ¹⁷⁴ Schüller V., Prokopec J., Dytrych Z. Dítě jako "objekt"... S. 225.
- ¹⁷⁵ Преимущественной ориентацией женщин на создание семьи, как доказывают чехословацкие демографы, мотивировано и увеличение, особенно с конца 70-х годов, доли внебрачных детей, а также сокращение интервала между заключением брака и рождением первого ребенка (Možný I. К некоторым новым явлениям в культурно легитимных взоречиях родинных стартов // Demografie. 1987. N 2. S. 116—123; Gbelcová E., Koncerová J., Možný I. Matky dětí narozených mimo manželství v Brně v roce 1986 // Demografie. 1990. N 1. S. 27, 31; Pavlik Z., Zbožilová J. Changes in Czechoslovak marital fertility // Demographic aspects of the changing status of women in Europe. Leiden, 1978. P. 72).
- ¹⁷⁶ Cirbes V. et al. Socialný rozvoj Slovenska. S. 125.
- ¹⁷⁷ Kalinová L., Sova V. Lidský potencial... S. 225.
- ¹⁷⁸ Rendlová E. Rodinná výchova mládeže z hlediska potřeb budoucí mladé rodiny // Demografie. 1985. N 3. S 203.
- ¹⁷⁹ Harmadová V. Prognóza sociálního rozvoje SSR do r. 2020 // Sociologický časopis. 1990. N 1/2. S. 10.
- ¹⁸⁰ Kalinová L., Sova V. Lidský potencial... S. 211.
- ¹⁸¹ Ibid. S. 219.
- ¹⁸² Matějovsky A. Sociální reprodukce inteligence v ČSSR // Sociologický časopis. 1980. N 1. S. 20.
- ¹⁸³ Ibid. S. 24.
- ¹⁸⁴ Ibid. S. 26.
- ¹⁸⁵ Rendlová E. Rodina jako faktor reprodukce způsobu života // Sociologia. 1984. N 5. S 507; Eadem. Rodinná výchova mládeže... S. 204.
- ¹⁸⁶ Ганцкая О.А. Семья у поляков: структура и функции // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987. С. 188.
- ¹⁸⁷ Rendlová E. Rodina jako faktor reprodukce... S. 507.
- ¹⁸⁸ Rendlová E. Rodinna výchova mládeže... S. 205.
- ¹⁸⁹ Rendlová E. Rodina jako faktor reprodukce... S. 507.
- ¹⁹⁰ Macha K. Mladá generace známa i neznáma. Fakta, názory, analyzy. Pr., 1966. S. 50.
- ¹⁹¹ Potůček M. Člověk v měnících se společnosti—příklad Československa // Sociologický časopis. 1990. N 4. S. 272.
- ¹⁹² Matějů P. Role vzdělání a kvalifikace ve vykonové společnosti // Sociologický časopis. 1990. N 4. S. 290—292.
- ¹⁹³ Pranda A. Formovanie nového systému hodnotových orientácií na súčasnej slovenskej dedine // Slovensky narodopis. 1978. N 2. S. 242, 245.
- ¹⁹⁴ Баху В., Буриан А. Формирование социальной структуры земледельческого и деревенского населения... С. 151.
- ¹⁹⁵ Суханек Я. Регулирование трудовых отношений кооперированного крестьянства ЧССР // Сов. государство и право. 1986. № 6. С. 78.
- ¹⁹⁶ Krčík Z. Charakteristické rysy současné venkovské rodiny v ČSSR... S. 44.
- ¹⁹⁷ Флоренц В. Этнокультурные процессы в современной моравской деревне // Традиции в современном обществе. С. 50.
- ¹⁹⁸ Jančar J. Monografie Stražnice a národopisný výzkum současnosti // Sozializace vesnice... S. 91.

SUMMARY

Based on a comprehensive concrete material this book is focused on specific features inherent in the socialist type of society modernization. This particular type of modernization is viewed as a rather ineffectual attempt to switch to a higher level of civilization under an absolute priority of equalizing and distributive system of relations and elimination of social property subjects. After World War II the gigantic experiment started on the territory of the USSR, expanded over the states and nations of the East European region. In most of the states the transition toward modern society seemed far from being completed. The book is regarded as a comparative study of contents and outcomes of various social moves of population traced both in the industrially developed Czech and semi-agrarian Slovak nations. The author concentrates on the destinies of the two generations of Czechs and Slovaks identified with the two stages in the development of socialist history in Czechoslovakia. The events of August 1968 served as a borderline dividing the two periods.

The Czech nation was first to plunge into the process of socialist modernization and remained in the center of it over the 1950s. In this case the modernization goals served to promote the implementation of the "socialist choice". Reindustrialization went hand in hand with resocialization of certain groups of Czech population and symbolized a retreat to more archaic forms of life within a new system of social relations.

A later stage of the "socialist construction" was characterized by industrial and urban growth in Slovakia. It was closely connected with the period of the so-called normalization of social life in the country which followed straight after an attempt of the Czech intelligentsia to change it in 1968–69. During the 1970s the intelligentsia was removed to the outskirts of life and simultaneously there emerged the first generation of numerous Slovak employee. Not only did they form a powerful management mechanism, specially designed for the centralized-distributive society, but they also constituted the bulk of urban residents. Under socialist urbanization the cities continued to perform functions inherent in agrarian society. The cities were regarded not just as industrial and cultural centres, but as a focus of administrative-managerial structures.

Simultaneously, villages began attracting people engaged into all spheres of material production. The majority of industrial workers, whose marginal social status remained unclaimed, lived in the countryside.

The tendency towards reaching homogeneity in society, which was considered to be the essence of social dynamics of socialism was most fully revealed among the rural part of the population. The remarkable raising of the level of life of the cooperative peasantry coincided in time with the process of transformation of peasantry into a universal consumer of mass culture, in other words with a real "cultural revolution" of the 1970s. During this period the former peasantry transformed into the class of cooperative producers or agrarian proletariat, and became an actual pillar of a totalitarian regime. The development of Slovak society was to a great extent considered as an alternative to the development of Czech society.

The imposed attempt to orientate manpower on getting industrial professions requiring physical labour became the fact of real life taking into account the rapid growth of women employment in much less socially prestigious and low paid branches in the non-production sector. The attainment of a maximum level of women employment was accompanied by a drastic increase of the level of women education and especially by a growing number of highly educated women. Already in the early 1980s one could witness a devaluation of the meaning of education which led to a deep decrease of mass interest towards the process of becoming educated.

Under socialism the reverse tendency prevailed, when the influence of traditionally-domestic forms of women self-realization dominated in the newly formed relations, analogous to the predominance of village influence over the city. That hindered the transition to the higher level of civilization for various states and nations. In the East European region the four-decade agony of social moves was nothing but an imitation of such a transition. Its forced nature testified to the forcible character of the social changes, which led not only to withdrawal of entire natural generations of producers from the agricultural sphere in Slovakia and the industrial sphere of Czech lands, but also provoked a gap in the national culture itself. Thus the evolutionary development based on the process of replacement of generations was completely destroyed. Socialist modernization contributed to the genetic deformation of the sociocultural image of nations engaged in the process. The Czechs and Slovaks were to suffer most from such a deformation.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава I. ДВИЖЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ И СЛОВАКИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. — 30-Х ГОДАХ XX В.</i>	
Формирование современной чешской нации	13
Словацкая нация и процессы модернизации	28
<i>Глава II. ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ И СТАТУС РАБОТНИКА</i>	
Социокультурный переворот	37
Реиндустриализация Чешских земель в социально-профессиональных судьбах чехов и словаков	40
Пrestиж квалифицированного труда и образовательная мобильность населения	52
<i>Глава III. СДВИГИ В СООТНОШЕНИИ ГОРОДА И СЕЛА</i>	
Всплеск переселенческой подвижности населения: национально-территориальные особенности	64
Чешские и словацкие горожане периода реиндустриализации	72
Социалистический тип урбанизации: словацкий вариант	80
Динамика социокультурного статуса сельского населения	88
Субъекты городской культуры периода социализма	104
<i>Глава IV. ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ СОЦМОДЕРНИЗАЦИИ</i>	
Некоторые черты естественного движения населения страны	115
Смертность	115
Рождаемость и ее факторы	118
Включение женщин в общественное производство и их социальное положение	122
Личность женщины — между традиционализмом и современностью	137
Смена поколений в послевоенном чешском и словацком обществе	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
ПРИМЕЧАНИЯ	155
SUMMARY	174

Н.В.КОРОВИЦЫНА АГОНИЯ СОЦПОДДЕРЖИЗАЦИИ